

№: 1441
стар.

Отг. 9.

ЦѢНА 60 КОП.

43312

III
88

Михайль Александровичъ

БАКУНИНЪ

КРИТИКО-БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

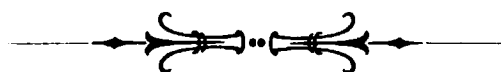
М. П. Драгоманова.

КАЗАНЬ

Типографія Д. М. ГРАНЪ. Гостиннодворская улица.
1906.

Михайль Александровичъ

БАКУНИНЪ.

КРИТИКО-БЮГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

М. П. Драгоманова.

КАЗАНЬ

Типографія Д. М. ГРАНЪ. Гостинодворская улица.
1905.

НХ
917
..R.117

Дозволено цензурою. Г. Казань, 18 ноября 1905 года.

Предисловіе.

Критико-біографическій очеркъ жизни и дѣятельности Бакунина это послѣдняя работа Михаила Петровича Драгоманова на русскомъ языкѣ. По словамъ Ѳ. В. главной задачей Драгоманова „было освѣщеніе личности Бакунина какъ политическаго дѣятеля и М. П. позаботился прежде всего объ этомъ освѣщеніи со стороны чисто *фактической*.... Въ оцѣнки личности и политической дѣятельности Бакунина авторъ далекъ отъ идеализаціи Б. въ какомъ бы то ни было отношеніи, онъ очень сдержанъ и во всемъ что касается отрицательныхъ сторонъ этой крупной личности... Онъ подчеркиваетъ отсутствіе у Бакунина и многихъ другихъ всякаго политическаго образованія, самыхъ необходимыхъ историческихъ свѣдѣній, самыхъ элементарныхъ понятій о славянскомъ мірѣ, полный недостатокъ объективности при опредѣленіи необходимости или возможности извѣстныхъ дѣйствій, постепенное развитіе неразборчивости въ средствахъ и т. д., и т. д., словомъ, подчеркиваетъ все то, на что отчасти указывалъ уже Герценъ и на что не переставалъ указывать самъ М. П. въ теченіи всей своей политической и публицистической дѣятельности, особенно „общерусской“. Эта строгость отношенія къ политическимъ вопросамъ, это постоянное требованіе сознательности въ стремленіяхъ и объективности въ цѣляхъ, это безусловное требованіе безупречной чистоты въ средствахъ—создали Драгоманову немало враговъ даже тамъ, гдѣ ихъ меньше всего слѣдовало бы ожидать, но это-же, по нашему мнѣнію, составляетъ и наиболѣе характерную и наиболѣе плодотворную сторону его собственной дѣятельности. Если Драгомановъ не внесъ въ рускославянское политическое движеніе блестящаго таланта Герцена или безконечной энергіи Бакунина, то ему принадлежитъ не малая во всякомъ случаѣ заслуга введенія въ него большей степени *критики*, а слѣдовательно и сознательности“.

Какъ извѣстно глубоко-честная и прямая натура Драгоманова не была способна ни на какія сдѣлки съ совѣстью. М. П. частенько говаривалъ, что „преклоняться предъ теоріей потому только, что она модна и за нее стоитъ молодежь, это часто значитъ снимать шапку предъ невѣжествомъ, я этого не могу и не хочу дѣлать“.—Шестидесятникъ—онъ первый высказалъ въ русской заграничной литературѣ, что прежде всего необходима борьба за политическую свободу.

Упреки въ національной исключительности и расовой нетерпимости были по отношеніи къ покойному несправедливы. Для М. П. національность

была формой, въ которую онъ стремился влить послѣдніе выводы европейской науки и культуры. Профессоръ исторіи сначала Кіевскаго университета послѣ Софійскаго (въ Болгаріи) М. П. съ особой любовью занимался изученіемъ борьбы народовъ за ихъ политическія права. Свои лекціи о развитіи англійскаго парламентаризма (незадолго до смерти) Драгомановъ закончилъ слѣдующими словами: „Господа! Китайцы и славянскіе народы многочисленны, но будущее принадлежитъ англичанамъ, потому что оно зависитъ отъ характера народа“! И при этомъ глаза его наполнились слезами.

Родившись въ 1841 году 6 сентября М. П. выступилъ 20-мъ юношей на арену политической и литературной дѣятельности. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ основателей воскресныхъ школъ въ Кіевѣ и лучшіе наши журналы и газеты за небольшимъ исключеніемъ считали М. П. своимъ сотрудникомъ. Съ первыхъ дней своей научной дѣятельности Драгомановъ подвергся нападеніямъ со всѣхъ сторонъ: рецензія на его магистерскую диссертацию, представленная профессорами Вильбасовымъ (послѣ редакторъ „Голоса“) и Модестовымъ въ журналъ М. Н. П. обвиняла молодого ученаго за похвальный отзывъ о статьѣ Чернышевскаго (причины упадка Рима, рецензія на Гизо Исторія цивилизаціи въ Европѣ въ русскомъ переводѣ) и объясняла одно мѣсто въ диссертации какъ похвалу цареубійству, о чемъ даже и намекъ не было. Въ статьѣ „О педагогическомъ значеніи малорусскаго языка“ (Спб. Вѣд. 1866 за 6 февраля) Катковъ нашелъ серьезнѣйшую связь между этой статьей и покушеніемъ Каракозова (см. М. Вѣд. за 17 апр. 1866 г.). Мы позволили себѣ привести только два характерныхъ примѣра изъ очень еще недавнихъ дней. Вскорѣ и русскія и польскія социалистическія партіи поспѣшили не отстать отъ Каткова и обвинили Драгоманова въ томъ, что онъ агентъ русскаго правительства. А Суворинъ (редакторъ Новаго Времени) поступилъ также не менѣе благородно, а именно, предложивъ М. П. вести въ Новомъ-Времени отдѣлъ заграничной политики и получивъ отказъ, сталъ немедленно яро нападать на Драгоманова. Подвергаясь почти до самой смерти т. е. до 1895 года нападамъ со всѣхъ политическихъ лагерей, М. П. заканчиваетъ свою автобіографію слѣдующей знаменательной цитатой изъ Ренана: „Le moyen d'avoir raison dans l'avenir est, à certaines heures, de savoir se résigner à être démodé *).

По нашему мнѣнію это „будущее“ настало и мы надѣемся въ началѣ 1906 года выступить передъ русскимъ обществомъ съ подробнымъ изложеніемъ политическихъ взглядовъ покойнаго М. П. Драгоманова.

К. Гронковскій.

*) Для того, чтобы быть правымъ въ будущемъ, нужно, въ извѣстные часы имѣть смѣлость быть немоднымъ.

. . . М. (Бакунинъ) во многомъ виноватъ и грѣшенъ; но въ немъ есть нѣчто, что перевѣшиваетъ всѣ его недостатки,—это вѣчно движущееся начало, лежащее въ глубинѣ его духа.

Изъ письма Бѣлинскаго, 7 Ноября 1842 г.

Какъ бы кто ни смотрѣлъ на полезность результатовъ дѣятельности М. А. Бакунина, всякій долженъ согласиться, что это былъ одинъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ русскихъ людей. Къ тому же дѣятельность его направлялась не только на Россію; это былъ одинъ изъ немногихъ русскихъ, который имѣлъ вліяніе и на ходъ извѣстныхъ дѣлъ во всей Европѣ. Поэтому, нельзя не пожалѣть, что жизнь и дѣятельность столь замѣчательнаго человѣка такъ мало до сихъ поръ выяснена, не смотря на то, что прошло почти 20 лѣтъ со времени его смерти и на то, что, при жизни, онъ имѣлъ такъ много друзей и послѣдователей.

Бакунинъ оставилъ по себѣ нѣсколько печатныхъ сочиненій и много рукописей, изъ которыхъ нѣкоторыя были напечатаны его друзьями. Но и эти матеріалы, даже помимо ихъ отрывочности, очень недостаточны для его характеристики. Писательство не было сильнѣйшею стороною дѣятельности Бакунина. Онъ былъ прежде всего ораторъ и агитаторъ. Поэтому, послѣ рѣчей его и разговоровъ, наиважнѣйшими памятниками его дѣятельности должны служить его письма. Разговоры Бакунина должны бы воспроизвести мемуары его друзей и послѣдователей,—а письма должны бы быть собраны въ возможно большемъ количествѣ. Но ни того, ни другаго почти не сдѣлано до сихъ поръ.

Самымъ крупнымъ пробѣломъ является періодъ перваго пребыванія Бакунина за границей, съ 1840 г. Болѣе извѣстно за это время его участіе въ Пражскомъ сѣздѣ Славянъ 1848 г. и потомъ въ Дрезденской революціи 1849 г., но и то лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. Исторія же внутренняго процесса, какимъ консервативный гегеліанецъ, увлекшій Бѣлинскаго до написанія статей, преклонявшихся передъ „разумностію дѣйствительности“ русской временъ Николая I, сдѣлался социалистомъ и горячимъ революціонеромъ, совсѣмъ не извѣстна. Не извѣстенъ также и процессъ, какимъ дошелъ Бакунинъ отъ интересовъ нѣмецкой абстрактной философіи къ социально-революціонному славянофильству, которое такъ рѣшительно проявилось

въ его участіи въ Пражскомъ сѣздѣ. Первый процессъ едва можно прослѣдить по статьямъ Бакунина въ *Jahrbücher Ruze*, а о второмъ извѣстно еще меньше. Едва слабые намеки можно найти въ извѣстныхъ доселѣ письмахъ нѣкоторыхъ современниковъ и самого Бакунина. Да и о самомъ участіи Бакунина въ Пражскомъ сѣздѣ извѣстно мало, такъ какъ протоколы сѣзда не напечатаны.

Чтобъ пополнить, по возможности, эти пробѣлы, необходимо было бы выбрать по крайней мѣрѣ изъ современныхъ газетъ извѣстія о Бакунинѣ, опросить немногихъ остающихся еще въ живыхъ свидѣтелей тогдашнихъ событій, а особенно собрать тогдашнія письма самого Бакунина и его друзей и поискать въ архивахъ, особенно въ Прагѣ, Дрезденѣ и Вѣнѣ, официальныхъ свѣдѣній о тогдашней дѣятельности Бакунина.

Обстоятельства не позволяютъ намъ предпринять подобный трудъ,—а потому мы должны отказаться отъ мысли дать здѣсь сколько нибудь полную, хотя бы и сжатую біографію Бакунина, а даемъ лишь его *curriculum vitae*, вставляя въ него извѣстные намъ біографическіе матеріалы. При этомъ мы должны оговориться, что печатныя біографическія показанія о Бакунинѣ, которыя намъ приходится приводить, принадлежатъ чаще людямъ, къ нему нерасположеннымъ, нежели его друзьямъ, а потому, тѣмъ болѣе, друзья его должны бы были противопоставить имъ показанія съ своей точки зрѣнія.

Самое обстоятельное и вѣстѣ съ тѣмъ самое характерное изъ всего, печатаннаго о Бакунинѣ, это воспоминанія о немъ А. И. Герцена, особенно статья „М. Б. и польское дѣло“ въ „Сборникѣ посмертныхъ сочиненій“. Послѣдователи Бакунина видѣли въ этой статьѣ карикатуру, а самъ Бакунинъ называлъ ее пасквилемъ. Но сильныя и симпатическія стороны характера и дѣятельности Бакунина достаточно горячо выставлены въ этой статьѣ, хотя въ ней не скрыты и недостатки его, которые, какъ почти всегда бываетъ въ жизни, были *les défauts des qualités*. При томъ же все, что говорилъ Герценъ о Бакунинѣ, обильно подтверждается документами, между прочимъ, и теперь печатаемыми письмами. Еслибъ мы захотѣли дѣлать характеристику Бакунина, намъ пришлось бы перепечатать всю упомянутую статью Герцена. Но мы этого не сдѣлаемъ, а имѣя въ виду главнымъ образомъ уясненіе политической дѣятельности Бакунина, остановимся лишь на главныхъ чертахъ его психологіи, которыя опредѣлили эту дѣятельность, при чемъ ограничимся только показаніемъ генезы этихъ чертъ, по мѣрѣ того, какъ онѣ рельефно выступаютъ въ его біографіи.

На основаніи всего извѣстнаго намъ до сихъ поръ о Бакунинѣ, природа личности его представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ: большая активность и подвижная энергія, большой талантъ ораторскій и способность привлекать и увлекать людей, хотя и не на долго *),—умъ быстрый, послѣдовательный, хотя и мало самостоятельный, и не глубокій, не изобрѣтательный и не наблюдательный, спо-

*) Почти все друзья Бакунина кончали тѣмъ, что расходились съ нимъ.

собный больше схватывать готовые мысли и доводить ихъ до крайности, чѣмъ творить ихъ, неспособный въ одно время охватывать разные стороны предмета и не увлекаться одною стороною, часто субъективно преувеличенною *); въ концѣ всего, способность увлекаться самому чужою личностію, особенно энергическою. Въ политикѣ эти свойства должны были сдѣлать изъ Бакунина самага крайняго застрѣльщика, почти партизана, но вовсе не главнокомандующаго. Въ довершеніе, воспитаніе и жизнь въ молодости должны были скорѣе усилить слабыя стороны природы Бакунина, чѣмъ выравнивать его способности. Довольно будетъ вспомнить хоть то, что въ школѣ Бакунинъ готовился быть артиллеристомъ, а послѣ онъ самъ, бросивъ артиллерію, готовился стать профессоромъ философіи, а сталъ политическимъ агитаторомъ. Последняя специализація не сопровождалась у него сколько нибудь глубокими изученіями исторіи и политики; по крайней мѣрѣ, даже одно изъ позднѣйшихъ сочиненій его,—„L'Empire knouto-germanique et la révolution sociale“ (Genève, 1871) поражаетъ промахами даже противъ элементарныхъ свѣдѣній по исторіи, а подъ конецъ жизни своей онъ „училъ“ по такому элементарному сочиненію, какъ Кольба—„Культурная исторія человѣчества“.

Михаиль Александровичъ Бакунинъ родился въ 1814 г. въ Торжскомъ уѣздѣ Тверской губерніи, въ старинномъ и довольно состоятельномъ, а вмѣстѣ очень образованномъ семействѣ, которое жило въ селѣ Прямухино. (Подробности объ этомъ семействѣ см. въ книгахъ Анненкова—о Н. Станкевичѣ и г. Пыпина о Бѣлинскомъ). На 20-мъ году М. А. былъ помѣщенъ въ Артиллерійскую школу въ Петербургѣ, въ которой учился хорошо, но почему то былъ выпущенъ изъ нея не въ гвардію, а въ армію, имѣя 21 годъ отъ роду. Квартируя съ полкомъ въ деревнѣ, Бакунинъ сильно скучалъ, проводилъ большую часть дня, лежа въ кровати, въ халатѣ,—скоро вышелъ въ отставку и жилъ то въ деревнѣ Прямухино у отца, то въ Москвѣ. Здѣсь уже въ 1835 г. онъ познакомился съ извѣстнымъ Н. Станкевичемъ, вошелъ въ его кружокъ и вслѣдъ за нимъ увлекся нѣмецкой философіей. Въ 1836 г. Бакунинъ далъ для напечатанія въ „Телескопѣ“, журналѣ, редакторъ котораго, Надеждинъ, предоставилъ его въ распоряженіе Бѣлинскому и друзьямъ его, по кружку Станкевича, переводъ Фихте „Лекціи о назначеніи ученыхъ“. Съ выѣздомъ Станкевича на Кавказъ, а потомъ за границу, гдѣ онъ скоро и умеръ,—

*) По рассказамъ знавшихъ Бакунина, это былъ человѣкъ въ личныхъ отношеніяхъ очень наблюдательный и обладавшій даже мѣткимъ юморомъ личныхъ характеристикъ. Да это видно и по письмамъ его. Но какъ только дѣло доходило до общественныхъ явленій, то, какъ показываютъ тѣ же письма его, Бакунинъ начиналъ видѣть не то, что было, а то, что ему хотѣлось и при томъ въ рисунокѣ схематическомъ, а вовсе не реальномъ. Эти особенности встрѣчаются довольно часто, именно у русскихъ и объясняютъ, почему рѣдко кто столь претендуетъ на реализмъ ума, „здравый толкъ“ и т. п. какъ русскіе, и рѣдко кто такъ охотно не тонетъ въ абстракціяхъ, схематизмѣ, иллюзіяхъ и мистицизмѣ.

Бакунинъ сталъ главою философскихъ студій въ кружкѣ. Съ 1837 г. онъ изучалъ и пропагандировалъ особенно философію Гегеля,—при чемъ довелъ Гегелево признаніе „разумности дѣйствительности“ до крайняго консерватизма, съ полнымъ оправданіемъ „николаевской“ дѣйствительности въ Россіи. Въ своихъ статьяхъ, печатаемыхъ въ „Московскомъ Наблюдателѣ“, поступившаго, послѣ закрытія „Телескопа“, въ руки Бѣлинскаго и его друзей, Бакунинъ говорилъ на этотъ счетъ въ общихъ выраженіяхъ, но болѣе горячій Бѣлинскій, котораго особенно посвящалъ въ гегеліанство Бакунинъ, дошелъ въ своемъ консерватизмѣ и „французоѣдствѣ“ до „неистовствъ“, которыя возмутили всѣхъ, сколько нибудь либеральныхъ читателей въ Россіи. (Ст. „О бородинской годовщинѣ“ и др. въ Отеч. Запискахъ 1839;—см. Пыпина, Бѣлинскій, I, 307 и слѣд.).

Но еще подчиняясь философскому направленію Бакунина, Бѣлинскій скоро сталъ расходиться съ нимъ лично и дошелъ, наконецъ, до весьма враждебнаго къ нему отношенія. Въ письмахъ Бѣлинскаго причинами разлада выставляется властолюбіе Бакунина, высокопарность и вмѣшательство въ интимныя, сердечныя и мелкія дѣла и даже привычки друзей. Бѣлинскій говорилъ о Бакунинѣ, что „онъ любитъ идеи, а не людей“. Въ 1839 г. первый писалъ Станкевичу: „съ весны я пробудился для новой жизни, рѣшилъ, что каковъ бы я ни былъ, но я самъ по себѣ, что ругать себя и кланяться другимъ глупо и смѣшно, что у всякаго свое призваніе, своя дорога въ жизни. Ему (Бакунину) это крайне не понравилось, и онъ съ удивленіемъ увидѣлъ, что во мнѣ самостоятельность, сила и что на мнѣ верхомъ ѣздитъ опасно—сшибу, да еще копытомъ лягну“. Въ другомъ мѣстѣ Бѣлинскій говоритъ: я пишу ему (Бакунину), что прекраснѣйшія и идеальныя комедіи мнѣ надоели. Споръ о простотѣ игралъ тутъ важную роль. Я ему говорилъ, что о Богѣ, объ искусствѣ можно разсуждать съ философской точки зрѣнія, но о достоинствѣ холодной телятины должно говорить просто. Онъ мнѣ отвѣтилъ, что бунтъ противъ идеальности есть бунтъ противъ Бога, что я погибаю, дѣлаюсь добрымъ малымъ, въ смыслѣ bon vivant et bon samarite и пр. А я только хочу бросить претензіи быть великимъ человѣкомъ, а хочу быть со всѣми, какъ всѣ“. (С. Невѣднскаго. Катковъ и его время. 22. Въ книгѣ г. Пыпина о Бѣлинскомъ часто говорится о размолвкахъ Бѣлинскаго съ Бакунинымъ, но мало приводится детальныя выписки и писемъ объ этомъ).

Впрочемъ Бакунинъ провожалъ, вмѣстѣ съ Катковымъ и Кетчеромъ, Бѣлинскаго до Черной Грязи, когда тотъ съ Панаевымъ уѣзжалъ изъ Москвы въ Петербургъ и продолжалъ вліять на философско-религіозныя идеи Бѣлинскаго. „Когда карета двинулась, вспоминаетъ Панаевъ, а мы выдвинулись въ окно, Бакунинъ съ нѣжной грустью смотрѣлъ на насъ, Кетчеръ кричалъ что-то и размахивалъ фуражкой, Катковъ стоялъ неподвижно со сложенными на крестъ руками, съ наведенными на глаза бровями, провожая отъѣзжающихъ глубокимъ и задумчивымъ взглядомъ“. Вскорѣ потомъ (въ началѣ 1840 г.) Бѣлинскій писалъ Боткину: „мысли мои объ Unsterblichkeit (безсмер-

тіи) снова перевернулись: Петербургъ имѣетъ необыкновенное свойство обращать къ христіанству, Мишель (Бакунинъ) много тутъ участвовалъ“ (И. Панаевъ, Литер. воспоминанія, 260, Невѣдѣнскаго, op. cit. 48, 58).

Незадолго до отъѣзда Бѣлинскаго изъ Москвы въ Петербургъ, въ Москву возвратился изъ ссылки Огаревъ, принадлежавшій къ кружку, который увлекался политическими идеями французовъ XVIII в. и великой революціи, а также социализмомъ С. Симона. Огаревъ познакомился съ членами кружка Станкевича, въ томъ числѣ съ Бѣлинскимъ, Бакунинымъ и Катковымъ. Первый скоро переѣхалъ въ Петербургъ, а послѣдніе двое стали часто посѣщать домъ женатаго Огарева. Въ концѣ 1839 г. Огаревъ писалъ Герцену, который оставался еще въ ссылкѣ во Владимірѣ,—о старыхъ и новыхъ друзьяхъ, собиравшихся у него, и между прочимъ о Бакунинѣ: „Бакунинъ погружается въ философію Гегеля, когда одинъ, но коль скоро съ кѣмъ нибудь вдвоемъ, то погружается въ шахматную игру такъ, что уже не слышитъ, что говорятъ“. Черезъ Огарева Бѣлинскій и Бакунинъ познакомились и съ Герценомъ, который въ 1840 г. былъ временно въ Москвѣ. Консервативный гегелизмъ Бакунина и Бѣлинскаго вызвалъ особенно горячія возраженія со стороны Герцена, но споры побудили его самого заняться изученіемъ нѣмецкой философіи и въ частности Гегеля.

Самъ Герценъ такъ рассказываетъ о своихъ тогдашнихъ разговорахъ съ Бѣлинскимъ и Бакунинымъ: „Знаете ли, что съ вашей точки зрѣнія, сказалъ я (Бѣлинскому), думая поразить его моимъ революціоннымъ ультиматумомъ, вы можете доказать, что самодержавіе, подъ которымъ мы живемъ, разумно и должно существовать?

— „Безъ всякаго сомнѣнія, отвѣчалъ Бѣлинскій, и прочелъ мнѣ Бородинскую годовщину Пушкина.

„Этого я не могъ вынести, и отчаянный бой закипѣлъ между нами. Размолвка наша дѣйствовала на другихъ; кругъ распался на два стана. Бакунинъ хотѣлъ примирить, объяснить, заговорить, но настоящаго мира не было. Бѣлинскій, раздраженный и недовольный, уѣхалъ въ Петербургъ и оттуда далъ по насъ залпъ въ статьѣ, которую такъ и назвалъ „Бородинской годовщиной“.

„Я прервалъ съ нимъ тогда всѣ сношенія. Бакунинъ, хотя и спорилъ горячо, но сталъ призадумываться, его революціонный тактъ толкалъ его въ другую сторону. Бѣлинскій упрекалъ его въ слабости, въ уступкахъ и доходилъ до такихъ преувеличенныхъ крайностей, что пугалъ своихъ собственныхъ пріятелей и почитателей. Хоръ былъ за Бѣлинскаго и смотрѣлъ на насъ съ высока, гордо пожимая плечами и находя насъ людьми отсталыми“. (Сочиненія, VII, 126—127).

Очень скоро послѣ перваго знакомства, Бакунинъ обратился къ Герцену съ слѣдующимъ письмомъ,—отъ 20 Апр. 1840 года:

„Любезный Герценъ! Пріѣхавъ сюда, я нашелъ въ отцѣ моемъ согласіе на мой отъѣздъ въ Берлинъ и готовность помочь мнѣ деньгами. Но такъ какъ дѣла его, вслѣдствіе неурожая и мелководія, на-

ходятся въ маленькомъ разстройствѣ, то онъ и не можетъ мнѣ дать теперь ничего другого, кромѣ общанія. Онъ говоритъ, что если дѣла его поправятся, то онъ согласенъ давать мнѣ по 1,500 рублей въ годъ; но это е с л и такъ неопредѣленно, что если бы мои надежды были основаны единственно только на немъ, то легко бы могло случиться, что онѣ растаяли бы „яко воскъ отъ лица огня“. Можетъ быть, что, со всею готовностью помочь мнѣ, онъ будетъ давать мнѣ не болѣе 1,000 или даже 500 руб. въ годъ, а потому, милый Герценъ, для того, чтобы дать поѣздкѣ моей въ Берлинъ твердую и незыблемую основу, я долженъ обратиться къ тебѣ. Если ты и друзья твои можете дать тѣ 5,000 рублей, о которыхъ ты мнѣ говорилъ, то это меня совершенно обезпечитъ. Имѣя ихъ въ виду, я могу смѣло ѣхать и, въ случаѣ нужды, ограничивъ свои расходы и путешествіе свое только однимъ Берлиномъ, прожить безъ всякихъ другихъ средствъ въ Берлинѣ въ продолженіи трехъ лѣтъ. Все же остальное, что я получу отъ отца или приобрѣту собственными трудами, будетъ употреблено мною на расширеніе моего путешественнаго плана, а слѣдовательно, и моего образованія. Я жду духовнаго перерожденія и крещенія отъ этого путешествія, я чувствую въ себѣ такъ много сильной и глубокой возможности, и еще такъ мало осуществилъ, что каждая лишняя копѣйка для меня будетъ важна, какъ новое средство къ достиженію моей цѣли. И потому я прошу тебя и друзей твоихъ, если вамъ это только возможно, дать мнѣ теперь 2,000 рублей, а въ продолженіи двухъ остальныхъ лѣтъ присылайте мнѣ по 1,500 руб. въ годъ такъ, какъ ты говорилъ мнѣ въ Москвѣ.

„Что же касается 2,000 рублей, то чѣмъ скорѣе вы мнѣ ихъ доставите, тѣмъ будетъ лучше, потому что я ни минуты медлить не стану.

„Я не могу назначить опредѣленнаго срока для уплаты этихъ денегъ, но вы можете быть увѣрены, что при первой малѣйшей возможности, я поспѣшу заплатить ихъ. Во всякомъ случаѣ, наслѣдство, которое я получу отъ отца, и образованіе, которое я приобрѣту за границей, дадутъ мнѣ вѣрное средство къ исполненію этой священной обязанности; въ случаѣ же моей смерти, братья за меня заплатятъ. Впрочемъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, я проживу еще долго,—во-первыхъ, потому, что было бы глупо умереть, ничего не сдѣлавъ путнаго, а во-вторыхъ, потому, что я совсѣмъ не намѣренъ умирать.

„Ты видишь, Герценъ, что я обращаюсь къ тебѣ прямо и просто, безъ всякихъ околичностей и отложивъ въ сторону всѣ 52 китайскія церемоніи. Я дѣлаю это потому, что я беру у васъ деньги не для удовлетворенія какихъ нибудь глупыхъ и пустыхъ фантазій, но для достиженія человѣческой и единственной цѣли моей жизни. Кромѣ этого, хоть наше знакомство началось и недавно, но мнѣ нужно было немного времени для того, чтобы полюбить тебя отъ души, и для того, чтобы сознать, что въ нашихъ духовныхъ и душевныхъ направленіяхъ есть много общаго, и что я могу обратиться къ тебѣ, не боясь недоразумѣній.

„Я не буду говорить тебѣ о своей благодарности, но, повѣрь мнѣ, я никогда не позабуду, что ты и друзья твои, почти не зная меня и не проникнувъ въ глубину души моей, повѣрили въ дѣйствительность и святость моего внутренняго стремленія; я никогда не позабуду, что давъ мнѣ средства ѣхать за границу, вы, можетъ быть, спасли меня отъ ужаснѣйшаго несчастья, отъ постепеннаго опошленія. Повѣрьте, что я всѣми силами буду стараться оправдать вашу довѣренность и что я употреблю всѣ заключающіяся во мнѣ средства для того, чтобъ стать живымъ, дѣйствительно духовнымъ человѣкомъ, полезнымъ не только для себя одного, но и отечеству, и всѣмъ окружающимъ меня людямъ. Да, я надѣюсь, что современемъ вы меня лучше узнаете и что тогда вы примете меня въ тѣснѣйшій кружокъ своихъ друзей. Покаместъ же, Герценъ, прощай. Отвѣчай мнѣ, пожалуйста, скоро, потому что мнѣ хотѣлось бы какъ можно скорѣе уничтожить всякую неопредѣленность въ дѣлахъ своихъ.

„Посылаю тебѣ съ братьями *Tagebuch eines Kindes* (Bettina). Пожалуйста, только никому не отдавай этой книги, потому что сестра была бы въ отчаяніи, если бы она затерялась.

„Получивъ твой отвѣтъ, я окончательно обо всемъ переговорю съ отцомъ и отправлюсь къ вамъ на другой же день.

„Прощай. Твой М. Бакунинъ“.

Субсидія, которой желалъ Бакунинъ, была ему дана, сполна или въ значительной части, Герценомъ и Огаревымъ, и въ скоромъ времени онъ чрезъ Петербургъ отправился въ Берлинъ. Но между тѣмъ случились обстоятельства личнаго свойства, которыя охладили къ Бакунину всѣхъ его друзей. Бакунинъ вмѣшался въ разныя личныя отношенія Бѣлинскаго, В. Боткина и Каткова и раздражилъ всѣхъ ихъ противъ себя до крайности. (См. книгу Пыпина о Бѣлинскомъ II, 7 и слѣд.). Биографы Бѣлинскаго и Каткова, имѣвшіе въ рукахъ письма Бѣлинскаго, говорятъ объ этомъ не мало, но неясно. Только г. Невѣдѣнскій говоритъ опредѣленно, что Бакунинъ „распустилъ о Катковѣ какую то сплетню, въ которой не одинъ Катковъ былъ замѣшанъ“. (Бѣлинскій и Катковъ. По неизд. письмамъ Бѣлинскаго. 1837—1840. „Русскій Вѣстникъ“, 1888, Іюнь, 48). По всей вѣроятности, дѣло состояло не въ простой сплетнѣ,—хотя Бакунинъ всегда любилъ слушать сплетни и былъ довольно невоздержанъ на языкъ*), —а въ теоризированіи всякой мелочи въ пріятельской жизни, подобномъ тому, какое описываетъ Тургеневъ въ „Гамлетѣ Щигровскаго уѣзда“ и въ „Рудинѣ“ и какое было въ ходу въ философскихъ кружкахъ московскихъ.

Катковъ незадолго передъ тѣмъ рекомендовалъ Краевскому Бакунина, не только какъ самаго подходящаго для писанія философскихъ статей въ „Отеч. Запискахъ“, но и какъ одного изъ самыхъ

*) См. дальше отзывъ Тургенева и письмо Б—на № CI. Герценъ писалъ еще въ 1886 г.: „Б—нъ, любившій всегда быть стокомъ сплетней....“ (Р. Стар. 1886. XII, 668).

близкихъ ему людей (письмо 7 Юня, 1840 г.). Но встрѣтившись съ Бакунинымъ въ Петербургѣ у Бѣлинскаго (въ нач. Августа, 1840) дошелъ до „оскорбленія его дѣйствіемъ“. Послѣдствіемъ былъ вызовъ со стороны Бакунина Каткову на дуэль, отъ исполненія котораго впрочемъ Бакунинъ всячески уклонялся и которая такъ и не состоялась. (Подробности см. въ упомянутой статьѣ г. Невѣдѣнскаго и въ его книгѣ о Катковѣ).

По поводу этой ссоры Огаревъ писалъ Герцену: „что за продолженіе боя у Каткова съ Бакунинымъ и почему окончаніе дуэли? Объясни. Я ужъ придумалъ: вѣроятно, одинъ другого ударилъ въ рожу, а тотъ (Бакунинъ) обтерся. Миѣ ужасно жалко, что я протянулъ руку помощи этому длинному гаду. Поведеніе его относительно Боткина такъ низко, что выразить нельзя. Надѣюсь, что не худо будетъ не только отъ него отстать, но даже напрямикъ отказать во всякомъ остальномъ вспоможеніи. Это такой человѣкъ, которому гадко руку протянуть; умно же ты сдѣлалъ, что не сблизился съ нимъ сердцемъ! Грустно, другъ, а дѣлать нечего—надо сознаться, что наше появленіе въ Москвѣ не доставило намъ хорошаго знакомства. Два умныхъ человѣка, изъ которыхъ одинъ мальчишка, другой подлець—вотъ все, что мы узнали“.

Первое изъ этихъ рѣзкихъ выраженій относится къ Каткову, второе къ Бакунину.

Герценъ съ своей стороны писалъ о Бакунинѣ въ „Дневникѣ“ своемъ еще въ 1843 г., послѣ статьи Бакунина въ *Jahrbücher Ruge*, понравившейся ему: „талантъ и дрянной характеръ“ (Сочиненія, I, 88).

По поводу отъѣзда Бакунина за границу, Бѣлинскій писалъ Боткину 4 Окт. 1840 г.: „когда онъ уѣзжалъ изъ Петербурга за границу, его провожали ни я, ни Катковъ, даже не Языковъ и Панаевъ, но Г—ъ (должно быть, Герценъ), произведенный имъ за 1000 р. ассигнаціями въ спекулятивныя натуры. (Въ это время Бѣлинскій самъ еще не сблизился съ Герценомъ и даже относился къ нему съ нѣкоторымъ недовѣріемъ, вслѣдствіе разницы политическихъ идей). Но этимъ не кончилось: оная натура говоритъ, что его можно уважать за умъ, но не любить, и что по письмамъ московскихъ друзей видно, что они даже плохо уважаютъ его.... Мишель думалъ, что кромѣ глубокой натуры и генія необходимо для удостоиваемыхъ его дружбы еще одинаковый взглядъ на погоду и одинаковый вкусъ даже къ гречневой кашѣ—условіе *sine qua non*! Вотъ какъ оправдала жизнь его абстрактныя, лишеныя жизненнаго соку и теплоты воззрѣнія“.

(Невѣд., 62).

По словамъ г. Невѣдѣнскаго, изъ Берлина Бакунинъ тотчасъ написалъ Бѣлинскому и Каткову. Въ письмѣ къ первому онъ сознавался въ своихъ недостаткахъ, соглашался съ опредѣленіемъ Бѣлинскаго, что онъ—діалектическая натура, и старался вызвать симпатіи со стороны послѣдняго. Про письмо къ Каткову Бѣлинскій писалъ къ Боткину: „Къ К—ву онъ писалъ, приписывая свой поступокъ пустотѣ и болтовнѣ, просилъ извиненія, но говорилъ, что извѣстное объясненіе неизбежно, да я не вѣрю—у.....ся на мѣстѣ объясненія—

и всего вѣриѣ—увернется отъ него. Ты правъ, что онъ трусь. (Тамъ же, 63; см. также статьи Невѣдѣнскаго: Катковъ и Бѣлинскій по неизданнымъ письмамъ Бѣлинскаго, 1837—1840, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1888, Июнь). То, что Бѣлинскій принимаетъ за трусость, могло быть результатомъ внутренняго сознанія Б—на въ неправотѣ своей. Когда и Катковъ явился вскорѣ въ Берлинъ, то не только не произошло дуэли у него съ Бакунинымъ, но отношенія между ними даже возобновились: по крайней мѣрѣ, Бакунинъ передавалъ въ маѣ 1841 г. Краевскому порученіе Каткова (тамъ же, 69).

Любопытно это совпаденіе появленія Бакунина и Каткова въ кружкѣ Огарева и Герцена и ихъ взаимное столкновеніе. Не смотря на крупныя различія въ личномъ характерѣ и дѣятельности, у Бакунина и Каткова было много сходныхъ чертъ, обусловленныхъ вліяніемъ времени и умственнаго воспитанія. Оба были головы абстрактныя, которыя отвлеченія и упованія принимали за дѣйствительность, въ реальныя условія которой не любили углубляться. Оба начали съ гегеліанскаго преклоненія передъ „дѣйствительностію“, не замѣчая того, что русская дѣйствительность 30—40-хъ гг. заключала въ себѣ явленія просто возмутительныя. Впослѣдствіи Бакунинъ перешелъ къ крайнему отрицанію дѣйствительности, но удержалъ при этомъ идеализацію славянства, народа и т. п., представляемыхъ сквозь очки абстракціи. Катковъ въ одно время склонился къ англійскому либерализму, при этомъ видѣлъ готовыхъ лордовъ и джентри въ русскихъ помѣщикахъ. Еще позже Бакунинъ перешелъ отъ отрицанія наднароднаго государства къ анархіи и аморфизму, отрицательно относился къ самому народу, но при этомъ вѣровалъ, что какимъ то образомъ, послѣ разрушенія государства усиліями „деклассированныхъ“ заговорщиковъ, можетъ изъ этого народа сама собою народиться „снизу вверхъ“ новая идеальная жизнь. Катковъ въ послѣдніе годы жизни отказался отъ всякаго либерализма и сталъ за деспотію „сильной руки“, „сильной власти“,—но забылъ при этомъ, что въ деспотіи, каковою является русская самодержавно-бюрократическая имперія, „сильной власти“ въ политическомъ смыслѣ быть не можетъ, ибо всякую власть раздробятъ въ свою личную пользу щедринскіе губернаторы и гоголевскіе городничіе. Слѣдуетъ отмѣтить, какъ общую черту у Каткова и Бакунина—самоувѣренность, съ склонностью къ диктаторству,—хотя наивную и часто добродушную у Бакунина, и нервозно-раздражительную и мстительную у Каткова *).

*) О нервозности самолюбія и склонности къ „сценамъ“ Каткова въ молодости см. въ Воспоминаніяхъ И. И. Панаева. Огаревъ тоже писалъ Герцену въ 1839 г.: „Каткова я очень люблю, кромѣ дѣтскаго самолюбія“. Бѣлинскій писалъ о Катковѣ Боткину въ 1841 г.: „Онъ носитъ въ себѣ страшнаго врага—самолюбіе, которое, чортъ знаетъ, до чего можетъ довести его. Удивительно вѣрно твое выраженіе: „бравда субъективности“. Это конецъ, на которомъ нашъ юноша легко можетъ свернуть себѣ шею“. (Невѣдѣнскій, 66).

Нельзя не признать значительною бѣдою для Россіи, что лица съ такими особенностями головъ и характеровъ, стали во главѣ, одинъ революціоннаго, а другой консервативнаго въ ней движенія *). Бѣду это надо счесть за фатальную, такъ какъ она свидѣтельствуешь, что въ русскомъ обществѣ рѣшительные, хотя абстрактные, тезисы,— „лишенные соку жизни“ имѣютъ больше вѣса, чѣмъ детальное обду-

*) Пользуемся случаемъ, чтобъ сохранить отъ пропажи слѣдующее письмо Каткова къ Огареву. (1839 г.), которое ясно отражаетъ нѣкоторыя изъ упомянутыхъ чертъ знаменитаго московскаго публициста. Черты эти, въ другихъ формахъ, проявлялись и въ его политической дѣятельности.

Я къ Вамъ пишу—чего же болѣ!
Что я могу еще сказать,
Теперь, я знаю, въ вашей волѣ
Меня презрѣньемъ наказать.

Со слезами, на колѣняхъ, прошу я васъ простите меня, васъ, которыхъ такъ недавно называлъ друзьями, передъ которыми я такъ тяжело виноватъ, я такъ глубоко оскорбилъ тебя, Николай,—передъ нею я грѣшенъ какъ преступникъ и ниже самаго презрѣннаго животнаго. У меня сердце поворачивается, какъ гнусно, какъ подло, заплатилъ я ей за ея ангельскую доброту, за ея пріязнь, которую я не умѣлъ оцѣнить. Какъ, неужели такъ случайно, такъ внезапно и навсегда разорвался нашъ союзъ?...

Я былъ въ странномъ состояніи, причиной котораго была съ одной стороны болѣзненность моей души, съ другой стороны одно особенное свойство, которое, не знаю, для счастья или для несчастья дано мнѣ природою. Люди близкіе мнѣ имѣютъ на меня необъяснимое вліяніе; какимъ то инстинктомъ я угадываю, что съ ними, что внутри ихъ, и страдаю, если отъ чего нибудь меркнетъ хоть на минуту ихъ существо. Это глупо и недѣло; кто можетъ предохранить себя во всякую минуту отъ вліянія различныхъ житейскихъ случайностей, отъ суеты, отъ апатіи. Богомъ клянусь, что этимъ большей частью объясняется моя раздражительность. Всегда, когда мѣнялся мой характеръ, мнѣ почему то казалось, что на душѣ ея что нибудь да не такъ—я не могъ удержать себя и привязывался къ мелочамъ. О, если она вспомнить, въ послѣднее время, душа ея не была въ своемъ нормальномъ состояніи; на ней была какая то тѣнь.—И только, клянусь честью, вотъ вся причина моихъ оскорбительныхъ поступковъ. Это не было самолюбіе; для доказательства я готовъ на всякое уничиженіе.

О, въ это время, которое показалось мнѣ цѣлымъ годомъ, я успѣлъ какъ должно оцѣнить ее! Какъ часто мысленно просилъ я у ней прощенія!....

Простите, простите меня! Я не смѣю ужъ надѣяться на возвращеніе вашей дружбы. Я знаю, какъ непріятно должно быть теперь для васъ мое присутствіе. Я только прошу васъ однимъ словомъ, однимъ намекомъ дать мнѣ знать, что вы меня простили. Только, только—больше я не буду васъ беспокоить.

К.

(На наружной сторонѣ:)

Николаю Платоновичу Огареву
отъ Каткова.

мываніе реальной жизни, а самоувѣренныя пароли больше, чѣмъ приглашеніе къ самодѣятельности *).

Какъ бы тамъ ни было, а исторія Бакунина съ Бѣлинскимъ, Боткинымъ и Катковымъ и общее неудовольствіе противъ Бакунина въ петербургскихъ и московскихъ литературныхъ кружкахъ извѣстнаго рода должна была оставить слѣды на отношеніяхъ Бакунина къ этимъ кружкамъ надолго. Бакунинъ, послѣ этихъ исторій, не возвращался въ Россію, пока его не привезли изъ Австріи въ Петропавловскую крѣпость въ 1851 г. Впечатлѣніе взаимнаго разлада между Бакунинымъ и литераторами русскими, изъ которыхъ многіе продолжали дѣйствовать и въ 60-е годы, несомнѣнно осѣло въ душѣ Бакунина и, проявило себя въ отрицательныхъ приговорахъ, которые онъ писалъ Герцену изъ Иркутска.

Изъ Берлина Бакунинъ писалъ Герцену слѣдующее письмо:
1840 г. 11 (23) октября. Берлинъ.

Любезный Герценъ! Ты вѣроятно, уже получилъ книги, посланныя мною тебѣ съ г-мъ Черныевымъ, и удивился, что послѣ такого долгаго молчанія я сопровождалъ ихъ весьма коротенькою записочкой. На это были своего рода причины, о которыхъ я теперь распространяться не буду. Сначала я написалъ тебѣ большое письмо, но потомъ

(Рукою М. Льв. Огаревой:)

Satin вамъ кланяется.

возвратите при оказіи.

М. О.

Послѣ этого письма отношенія Каткова и Огарева возобновились. Не знаемъ, только въ какой степени интимности. Оба скоро поѣхали за границу. Еще въ 1856 г., начиная изданіе „Русскаго Вѣстника“, Катковъ объявлялъ въ числѣ сотрудниковъ его Огарева. Но вслѣдъ затѣмъ, поссорившись съ Герценомъ, Катковъ называлъ въ своемъ журналѣ Огарева „пензенскимъ помѣщикомъ“ и спрашивалъ: „еда и Саулъ во пророцѣхъ?“

*) На первый разъ можетъ показаться страннымъ сравненіе Бакунина и Каткова съ точки зрѣнія научной подготовки, такъ какъ Катковъ, пробывшій нѣкоторое время профессоромъ университета, имѣлъ больше Бакунина возможности расширить свои научныя познанія. Но перескакиваніе Каткова по разнымъ специальностямъ напоминаетъ Бакунинское,—и ни въ одной спеціальности Катковъ не оставилъ по себѣ капитальнаго труда (кромѣ отчасти лингвистическаго сочиненія „Объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка“, котораго основъ, впрочемъ, самъ Катковъ не считалъ для себя обязательнымъ держаться, напр. по отношенію къ малорусскому языку). Ставши политическимъ писателемъ, Катковъ вовсе не имѣлъ значительныхъ свѣдѣній по политическимъ наукамъ и потому собственно не имѣлъ прочныхъ политическихъ идей. Это признаетъ и симпатизирующій ему біографъ его, г. Невѣднскій, который ставитъ Каткова по политическому образованію ниже напр. Ив. Аксакова. Интересно, что и этотъ послѣдній, посвятившій большую часть жизни публицистикѣ по слав. вопросамъ, отличался поразительнымъ незнаніемъ именно западно-славянскихъ и западно-русскихъ дѣлъ! Все это характерныя явленія русской жизни.

замѣнилъ его тою маленькой записочкой, которую ты вѣрно уже имѣлъ удовольствіе получить.

Я надѣялся, что до отъѣзда Черняева выйдетъ логика Вердера и хотѣлъ послать ее тебѣ, но она, къ несчастью, еще не вышла и ты долженъ довольствоваться первою частью вновь изданной энциклопедіи; съ Вердеромъ я уже познакомился; на вакаціяхъ онъ уѣхалъ изъ Берлина, но на дняхъ долженъ возвратиться; какъ только пріѣдетъ, я немедленно начну брать у него уроки; какой онъ славный человѣкъ, Герценъ! Духъ, знаніе стало въ немъ плотію; въ немъ такъ много *Gemüthlichkeit*, которая, противопоставляя себя разумному содержанию духа, выдаетъ себя за истину,—не той, которая вытекаетъ изъ живого, свободного единства знанія и жизни,—не мертвая буква, но плодъ религіознаго, внутренняго стремленія. Я надѣюсь сблизиться съ нимъ и ожидаю отъ него много пользы какъ въ интеллектуальномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Если будетъ возможность выслать тебѣ эту логику, то я непременно ею воспользуюсь.

Надѣюсь, что Наталья Александровна не вознегодовала на меня за смѣлость, съ которою я, безъ всякаго позволенія, поднесъ ей книгу не моего сочиненія, но сочиненія Шефера *),—я рѣшился на эту дерзость въ увѣренности, что сія книга доставитъ ей много наслажденія; Шеферъ написалъ по одному стихотворенію на всѣ 365 дней, которые, какъ вамъ извѣстно, составляютъ (исключая высокосный годъ) цѣлый годъ; разумѣется, что въ такомъ множествѣ должно быть много пустыхъ стихотвореній, но за то и очень много глубокихъ вещей. Наталья Александровна, прочтите, пожалуйста, стихотвореніе на 20 декабря; въ немъ высказано все, что только можно пожелать глубокой, святой женщинѣ, и потому примите его за выраженіе моихъ желаній вамъ!

Вы, вѣрно, захотите знать, какъ я провелъ эти три мѣсяца. Большая часть времени была посвящена заботамъ. Сестра, о которой я тебѣ уже говорилъ, здѣсь съ сыномъ, и, къ тому же, больная, такъ что въ продолженіи нѣкотораго времени я боялся даже за ея жизнь; теперь ей нѣсколько лучше, но все еще весьма слаба: бѣдная, она вынесла такъ много страданій, такъ много внѣшнихъ и внутреннихъ отрицаній въ своей жизни, что я удивился еще крѣпости ея организма; одна смерть Станкевича, котораго мы всѣ такъ горячо любили, должна была сильно потрясти ее; а что, Герценъ, вотъ и Станкевича нѣтъ; единственный человѣкъ, одно непосредственное присутствіе котораго заставляетъ вѣрить въ идею, — этотъ человѣкъ оставилъ насъ; его смерть еще болѣе убѣдила меня въ необходимости безсмертія индивидуальнаго духа. Штраусъ и Вердеръ также вѣрятъ въ безсмертіе; я не успѣлъ еще много говорить объ этомъ предметѣ съ

*) Leopold Schefer (род. въ 1784, умеръ въ 1864). Рѣчь тутъ идетъ о книгѣ „*Laienbrevier*“ (первое изд. 1834 г.).

Примѣч. издателя нѣмецк. перевода Th. Schieman'a

Вердеромъ и потому не знаю еще, есть ли эта вѣра результатъ его философскаго знанія, или нѣтъ.

Не смотря на великія и многосложныя заботы, я успѣлъ, однако, нѣсколько оглядѣться и приняться за дѣло. Логику прочелъ до Quantität, и что я прочелъ, кажется мнѣ такъ ясно, что я могу это передать ребенку. Теперь я чувствую, что узнаю все, что мнѣ нужно, и потому покоенъ.

Чрезъ 6 дней начнутся лекціи, я буду слушать:

- 1) Werder. 1. Logik. 2. Geschichte der neuen Philosophie.
- 2) Hotho. 1. Aesthetik.
- 3) Vatke. 2. Menschwerdung Gottes.
- 4) Курсъ физики.
- 5) Фехтованіе и верховая ѣзда.

А дома буду заниматься, кромѣ этого, новѣйшею исторіей.

Берлинъ городъ хорошій; музыка отличная, жизнь дешевая, театръ очень порядочный, въ кондиторскихъ журналахъ много и я ихъ читаю всѣ подрядъ,—однимъ словомъ, все хорошо, очень хорошо.

Нѣмцы ужасные филистры; еслибъ 10-я часть ихъ богатаго духовнаго сознанія перешла въ жизнь, то они были бы прекрасные люди; но до сихъ поръ, увы, пресмѣшной народъ; вотъ тебѣ двѣ надписи, прочитанныя мною на домахъ во время послѣднихъ празднествъ.

На одной нарисованъ прусскій орелъ, а подъ нимъ портной гладить, подъ портнымъ же написано:

Unter deinen Flügeln
Kann ich ruhig bügeln.

А на другомъ транспарантѣ:

Es lebe hoch das Königspaar
Und wenn es möglich ist zwei tausend Jahr.
Doch wenn es auch unmöglich scheint
So ist es doch recht gut gemeint.

А на третьемъ:

Ein preussisch Herz, ein gutes Bier
Was wollen sie noch mehr von mir.

И много другихъ разныхъ остротъ.

Что дѣлаешь ты? Чѣмъ занимаешься? Вѣришь ли, или сомнѣваешься?—я думаю, что и то, и другое вмѣстѣ; это общее состояніе духа. Приѣзжай скорѣй сюда; наука разрѣшитъ всѣ сомнѣнія или, по крайней мѣрѣ, покажетъ путь, на которомъ они должны разрѣшиться. Напиши мнѣ, пожалуйста, о вашемъ житьѣ-бытьѣ; я слышалъ, что Огаревъ собирается въ Берлинъ,—правда ли это и гдѣ онъ теперь? Гдѣ Сатинъ, что Кетчеръ? При случаѣ поклонись имъ отъ меня. Что русская журналистика,—что доказываетъ Бѣлинскій и чему вѣрять Языковъ и Панаевъ?

Не вышло ли чего-нибудь изъ сочиненій Пушкина, Гоголя и Лермонтова?

Пожми, пожалуйста, руку Ветлицкому; другой разъ я ему напишу. Скажи ему, чтобы онъ написалъ мнѣ письмо, не ожидая моего. Не собирается ли онъ на Кавказъ и посѣщаетъ ли университетъ?

Прощай, милый Герценъ.

Отъ души твой М. Бакунинъ.

Мой адресъ: à M-g Mendelsohn et Comp. à Berlin, pour remettre à M. Bakounine.

Напечатана ли 2-я половина моей статьи, и если напечатана, нравится ли она публикѣ и тебѣ въ особенности?

Въ письмѣ этомъ можно уловить начало вниманія къ политическому положенію Германіи. Но еще нѣкоторое время Бакунинъ, видимо не выходилъ изъ круга абстрактно-философскихъ интересовъ „правой“ стороны гегеліанства. О первомъ времени берлинскаго пребыванія Бакунина есть воспоминаніе его тогдашняго товарища Б. У. Ф. (остзейскаго барона). Вотъ что онъ говоритъ: „Въ теченіи зимняго семестра 1839—1840 гг. я посѣщалъ утреннія лекціи логики проф. Вердера. На эти лекціи являлось немного слушателей: въ числѣ ихъ находилось двое молодыхъ людей, говорившихъ по русски; это были Иванъ Тургеневъ и Мих. Бакунинъ; они занимались, подобно мнѣ, въ этомъ семестрѣ философіей и исторіей, и оба были восторженные приверженцы гегелевской философіи, казавшейся намъ въ то время ключемъ къ познанію добра... Мы, земляки, скоро познакомились и не менѣе двухъ разъ въ недѣлю сходились по вечерамъ то у меня, то у обоихъ друзей, жившихъ на одной квартирѣ, для занятія философіей и для бесѣды. Хорошій русскій чай, въ то время рѣдкость въ Берлинѣ, и хлѣбъ съ холодною говядиною служили матеріальною придачею этихъ вечеровъ; вина мы никогда не пили и не, смотря на это, просиживали иной разъ до ранняго утра, увлекшись разговоромъ, переходившимъ не рѣдко въ споръ. Тургеневъ былъ самый спокойный изъ насъ....

„Въ 1839—1840 гг. Тургеневъ ничѣмъ особеннымъ не выдавался, но былъ преисполненъ самыхъ идеальныхъ взглядовъ и надеждъ относительно будущаго преуспѣянія и развитія своего великаго отечества. Во всѣхъ нашихъ бесѣдахъ онъ никогда не сходилъ съ чисто исторической почвы, и я не слыхалъ, чтобы онъ когда нибудь высказывалъ горячія надежды или желанія по поводу отмѣны крѣпостнаго права, какъ многіе утверждаютъ. Даже самъ Бакунинъ, заходившій въ своихъ желаніяхъ гораздо дальше Тургенева, смотрѣлъ на освобожденіе крестьянъ какъ на дѣло далекаго будущаго“. (Русская Старина, 1884, Май, 391—393; изъ Baltische Monatschrift *)

*) Мы позволимъ себѣ замѣтить, что, какъ видно даже по „Дневнику“ Герцена, не только либеральныя, но даже демократическія идеи далеко не были сильны даже у болѣе передовыхъ русскихъ около 1840 г. и даже прогрессисты того времени не разрывали совсѣмъ съ абсолютизмомъ; идеалъ ихъ былъ въ Петрѣ I. Настроеніе это начинаетъ измѣняться около 1843—1844 г. и особенно около 1848 г. Реакціонная политика съ 1848—1849 г. была рѣшительнымъ толчкомъ къ появленію болѣе послѣдовательнаго русскаго либерализма.

Въ апрѣлѣ 1841 г. Катковъ писалъ Краевскому, что Бакунинъ желаетъ готовить статьи и участвовать въ составленіи смѣси „Отеч. Записокъ“, а что Тургеневъ переводить для нихъ рѣчь Шеллинга объ изящныхъ искусствахъ (Невѣдѣнскій, 77, 80). Немного спустя, Катковъ писалъ Краевскому, что Бакунинъ пишетъ статью „О современномъ состояніи философіи въ Германіи“ (тамъ же, 80). Много позже, уже въ 1870 г. Катковъ рассказывалъ объ участіи Бакунина въ Мартѣ 1842 г. въ факельцугѣ, устроенномъ въ Берлинѣ студентами въ честь Шеллинга: „Бакунинъ запечатлѣлся въ нашей памяти весьма характеристическимъ образомъ. Однажды въ честь одного знаменитаго профессора студенты устроили факельную процессію. Множество молодыхъ людей собралось передъ домомъ юбиляра, и когда почтенный старецъ вышелъ на балконъ своего дома, чтобъ благодарить за сдѣланную ему овацію, раздалось громогласное *hoch!* и всѣхъ пронзительнѣе зазвенѣлъ у самыхъ ушей нашихъ знакомый голосъ: то былъ Бакунинъ. Черты лица его исчезли: вмѣсто лица былъ одинъ разинутый ротъ. Онъ кричалъ громче всѣхъ, суетился всѣхъ болѣе, хотя предметъ торжества былъ ему совершенно чуждъ, и профессора онъ не зналъ и на лекціяхъ его не бывалъ“. (Тамъ же, 88).

Катковъ нѣсколько пересолитъ,—такъ какъ совершенно чуждымъ Шеллингъ Бакунину не былъ, и, какъ видно изъ брошюры *Schelling und die Offenbarung*, о которой скажемъ дальше, Бакунинъ посѣщалъ лекціи Шеллинга въ Берлинѣ. Но Катковъ все таки вѣрно указалъ одну изъ характерныхъ чертъ Бакунина: способность увлечься настроеніемъ окружающей его среды и при этомъ всегда довести это настроеніе до крайности. Далѣе, если показаніе Каткова вѣрно, то характерно и то, что Бакунинъ довольно быстро перешелъ отъ оваціи Шеллингу къ полемикѣ съ нимъ въ особой брошюрѣ *Schelling und die Offenbarung, Kritik des neuesten Reaktionsversuchs gegen die freie Philosophie* (Leipzig, Robert Binder, 1842, in 8°). Брошюра вышла анонимно, но приводимыя ниже слова изъ письма Арн. Руге прямо приписываютъ ее Бакунину.

Брошюра эта не совершенно еще исчезла изъ книжной торговли, а потому мы не будемъ резюмировать ея содержанія, тѣмъ болѣе, что оно всецѣло принадлежитъ къ тогдашнему кругу абстрактныхъ вопросовъ философіи, которые теперь могутъ интересовать только специалистовъ исторіи философіи. Скажемъ только, что авторъ беретъ постоянно противъ философіи Шеллинга „второй манеры“ сторону системы Гегеля, склоняясь къ его послѣдователямъ „лѣвой стороны“—Фейербаху и Штраусу. Оканчиваетъ авторъ свою брошюру горячимъ привѣтомъ „новому утру“, — которое опять, подобно „свободному эллинскому сознанию“ возвѣщаетъ „цѣлостность, самостоятельность и единство міра“, разбиваетъ „врата мрачнаго монастыря“ и т. д. „Идея, самосознаніе челоѣчества,—воскликаетъ авторъ,—это удивительный фениксъ, который строитъ себѣ костеръ изъ драгоцѣннѣйшаго, что есть на свѣтѣ и встаетъ помолодѣвшимъ изъ пламени, которое уничтожаетъ старое время. Пустите же насъ принести на костеръ этого феникса все намъ наидорогое и любимое, все, что было намъ свято и

велико, прежде чѣмъ мы стали свободны!... Пустите насъ бороться и пролить нашу кровь, глядѣть неустрашимо въ гнѣвные глаза врага и выстоять до конца! Видите ли, какъ наши знамена вѣютъ съ вершинъ горъ? Видите ли, какъ мечи нашихъ товарищей сверкаютъ, какъ развѣваются султаны на ихъ шлемахъ? Они идутъ, идутъ, изъ всѣхъ долинъ, со всѣхъ высотъ притекаютъ они къ намъ съ пѣснями и звукомъ роговъ; день великаго рѣшенія битвы народовъ (*der Völkerschlacht*) приближается и побѣда должна быть за нами!“

Во всей брошюрѣ нѣтъ ни одного, по крайней мѣрѣ, прямого намека на борьбу политическую или социальную. Весь вопросъ идетъ о борьбѣ философскихъ міровоззрѣній.

Спустя нѣсколько времени, Бакунинъ написалъ другую, болѣе популярную и съ большимъ общественнымъ интересомъ статью и помѣстилъ ее въ журналъ Арнольда Руге. Журналъ этотъ, *Halle'sche Jahrbücher*, выходилъ сначала въ Галле и въ немъ кромѣ истолкованія системы Гегеля въ духѣ явно антихристіанскомъ (Штраусъ, Фейербахъ) и демократическомъ, прославлялась политическая жизнь и революціонныя традиции Франціи. Прусское правительство запретило изданіе Руге, но редакторъ возобновилъ его въ Лейпцигѣ подъ именемъ *Deutsche Jahrbücher*. Бакунинъ поѣхалъ къ Руге въ Дрезденъ и напечаталъ въ №№ 247—251 его газеты статью „О реакціи въ Германіи“ подъ видомъ замѣтокъ француза Jules Elisard (*Die Reaction in Deutschland. Fragment eines Franzosen*). Въ статьѣ этой признается значеніе лишь за крайними партіями и при томъ теоретическими. Между консерваторами, по мнѣнію автора, не имѣетъ значенія молодежь, вышедшая изъ аристократіи, торговаго и чиновническаго класса,—но лишь „противники принципа революціи“, которые „называются въ политикѣ консерватизмомъ, въ наукѣ права—исторической школой, въ спекулятивныхъ наукахъ положительной философіей“. Этой послѣдней авторъ противопоставляетъ отрицаніе, которое видитъ и въ девизѣ французской революціи *liberté, égalité et fraternité*, заключающемъ въ себѣ „полное уничтоженіе существующаго политическаго и социальнаго міра“ и возникающихъ въ Англіи и во Франціи социально-религіозныхъ союзахъ, „которые противустоятъ теперешнему политическому міру, какъ нѣчто совершенно чуждое, и черпаютъ жизнь изъ новыхъ для него, неизвѣстныхъ источниковъ“. Въ заключеніе авторъ говоритъ: Воздухъ полонъ, чреватъ бурями! и потому мы зовемъ нашихъ ослѣпленныхъ братьевъ: покайтесь, покайтесь, царство божіе близко!—Мы говоримъ позитивистамъ *): откройте ваши духовные глаза, оставьте мертвыхъ хоронить своихъ мертвецовъ и убѣдитесь, наконецъ, что духа, вѣчно юнаго, вѣчно новорожденного, нечего искать въ упавшихъ развалинахъ.... Позвольте же намъ довѣриться вѣчному духу, который только потому разрушаетъ

*) Подъ этимъ терминомъ не слѣдуетъ разумѣть позитивистовъ въ смыслѣ послѣдователей Ог. Конта, но консерваторовъ въ смыслѣ вообще неотрицателей.

и уничтожаетъ, что онъ есть не исчерпаемый и вѣчно творящій источникъ всякой жизни. Страсть къ разрушенію есть вмѣстѣ и творческая страсть“ (Die Lust der Zerstörung ist zugleich eine schaffende Lust).

Статья Бакунина, снабженная лестнымъ примѣчаніемъ редактора, понравилась во многихъ русскихъ литературно-философскихъ кругахъ, гдѣ столкновеніе консервативныхъ гегеліанцевъ, въ родѣ Бѣлинскаго, и социалистовъ, въ родѣ Герцена, приводило само къ лѣвогегеліанскому направленію. Герценъ отмѣтилъ въ своемъ Дневникѣ:

„1873, 7 Янв. Deutsche Jahrbücher запрещены въ Саксоніи. Объ D. J. жалѣтъ намъ нечего, потому что полные энергіи издатели не сядутъ сложа руки, а какъ перебрались изъ Галле въ Лейпцигъ, такъ переѣдутъ и въ Цюрихъ, Женеву, пожалуй, въ Бельгію *). Въ одномъ изъ послѣднихъ №№ была статья Jul Elisard о современномъ духѣ реакціи въ Германіи. Художественно-превосходная статья. И это чуть ли не первый французъ (котораго я знаю), понявшій Гегеля и германское мышленіе. Это громкій, открытый, торжественный возгласъ демократической партіи, полный силъ, твердый въ обладаніи симпатій въ настоящемъ и всего міра въ будущемъ; онъ протягиваетъ руку консерватистамъ, какъ имѣющій власть, раскрываетъ имъ съ неимовѣрной ясностію смыслъ ихъ анахронистическаго стремленія и зоветъ въ человѣчество. Вся статья отъ доски до доски замѣчательна. Когда французы примутся обобщать и популяризировать германскую науку, разумѣется, понявши ее, тогда наступитъ великая фаза der Bethätigung. У нѣмца нѣтъ еще языка на это. Въ этомъ дѣлѣ можетъ и мы можемъ вложить ленту“. (Сочиненія, I, 70—71). Скоро Герценъ узналъ, что Elisard совсѣмъ не французъ, и записалъ въ своемъ дневникѣ 28 января: „Вѣсть объ Jules Elisard. Онъ смываетъ прежніе грѣхи свои. Я совершенно примирился съ нимъ.... 15 Февраля. Письмо отъ J. Elisard... онъ умомъ дошелъ до того, чтобъ выйти изъ паутины, въ которой сидѣлъ“. (Тамъ же, 82).

Бѣлинскій писалъ, 7 Ноября 1842 г., Боткину: „До меня дошли хорошіе слухи о М.,—и я—написалъ къ нему письмо!! Не удивляйтесь: отъ меня все можетъ случиться... Странно: мы, я и М., искали бога по разнымъ путямъ—и сошлись въ одномъ храмѣ. Я знаю, что онъ разошелся съ Вердеромъ, знаю, что онъ принадлежитъ къ лѣвой сторонѣ гегеліанства, знакомъ съ R. и понимаетъ жалкаго, заживо умершаго романтика Шеллинга. М. во многомъ виноватъ и грѣшенъ; но въ немъ есть нѣчто, что перевѣшиваетъ всѣ его недостатки—это вѣчно движущееся начало, лежащее въ глубинѣ его духа“. (Невѣднскій, 94).

Между тѣмъ, Бакунинъ поѣхалъ изъ Дрездена въ Швейцарію, вмѣстѣ съ нѣмецкимъ поэтомъ Гервегомъ. Въ Швейцаріи Бакунинъ сошелся съ нѣмецкими социалистами, во главѣ которыхъ стоялъ портной и публицистъ Вейтлингъ. Герценъ писалъ по этому поводу въ „Дневникѣ“:

*) Дѣйствительно Руге издавалъ съ К. Марксомъ въ Парижѣ „Deutsch-Französische Jahrbücher“

„4 Ноября (1843). Die Kommunisten in der Schweiz. Wörtlicher Abdruck des Kommissionsberichtes an die Regierung von Zürich. Первое, что удивило въ этой книгѣ, это фамилія Бакунина, названнаго не только въ числѣ коммунистовъ, но упомянутаго какъ одинъ изъ „venin“. Они были захвачены, слѣдовательно и онъ. Странная судьба этого человѣка. Пока онъ былъ въ Россіи, этого конца предсказать было нельзя. Jules Elisard указалъ великую перемѣну,—его консеквентность не могла остановиться. Что съ нимъ будетъ?“ (Сочиненія, 145).

30 Сент. 1844 г. Герценъ писалъ въ дневникѣ: „Бакунину префектъ въ Парижѣ велѣлъ выѣхать. Знай нашихъ,—одинъ испанскій *exaltado* говорилъ, что Бакунинъ далеко ушелъ. Въ Цюрихѣ—въ тюрьмѣ, а изъ Парижа выслали“. (тамъ же, 239). Кажется, что до Москвы дошли нѣсколько преувеличенные слухи и что Бакунинъ не былъ въ тюрьмѣ въ Цюрихѣ, ни высланъ въ 1844 году изъ Парижа. Изъ писемъ Руге, которыя мы приведемъ ниже, видно, что въ 1844 г. Бакунинъ жилъ въ Парижѣ безпрепятственно.

2 Марта 1845 г. Герценъ записалъ: „Между прочимъ, статья Бакунина въ „La Réforme“,—вотъ языкъ свободного человѣка; онъ дикъ намъ; мы не привыкли къ нему. Мы привыкли къ аллегоріи, къ смѣлому слову *intra muros*, и насъ удивляетъ свободная рѣчь русскаго, такъ какъ удивляетъ свѣтъ сидѣвшаго въ темной конурѣ“. (Тамъ же, 272). Мы не могли узнать, о какой собственно статьѣ тутъ говорится.

До Герцена, очевидно, дошли нѣсколько преувеличенные слухи о преслѣдованіяхъ Бакунина въ Швейцаріи и Франціи. Въ рапортѣ Блунчи цюрихскому правительству о Вейтлингѣ и др. коммунистахъ въ Швейцаріи находимъ о Бакунинѣ только два указанія въ выдержкахъ изъ писемъ къ Вейтлингу: на стр. 64 парижскій корреспондентъ Вейтлинга, находившійся въ сношеніяхъ съ *Cabet*, пишетъ 15 Мая 1843: „Мы хотимъ, чтобы ты вступилъ въ тѣсную связь и интимное общеніе съ Фрѣбелемъ и Бакунинымъ; это будетъ полезно тебѣ и дѣлу“; на ст. 121 А. (Беккеръ) пишетъ въ Маѣ же 1843 г., изъ Женевы: „побуди русскаго, чтобъ скорѣе пріѣзжалъ“.

При посредствѣ проф. Штерна въ Цюрихѣ, мы получили отъ проф. Швейцера, директора архива въ Цюрихѣ, слѣдующія выдержки изъ полицейской корреспонденціи того времени о Бакунинѣ. 25 Іюля 1843 г. русское посольство въ Бернѣ, получивъ цюрихскій докладъ о коммунистахъ, пожелало имѣть болѣе подробныя свѣдѣнія объ упомянутомъ тамъ на 64 стр. русскомъ, Бакунинѣ. 12 Сентября полицейскій совѣтникъ сообщилъ правительственному совѣтнику Цюриха, что „эта личность проживала отъ 16 Янв. до 26 Іюня у г. архитектора Штадлера въ Энге и въ послѣдній день, незадолго до арестованія Вейтлинга, уѣхалъ подъ предлогомъ важныхъ дѣлъ, не визировавъ въ бюро цюрихскаго госуд. совѣта своего паспорта, выданнаго ему 29 Мая 1840 г. въ Твери и визированнаго въ русскихъ посольствахъ въ Берлинѣ и Дрезденѣ, въ каковомъ паспортѣ онъ помѣченъ прапорщикомъ гренадерскаго полка. По справкамъ, теперь Бакунинъ долженъ быть въ Женевѣ или въ окрестностяхъ ея. Онъ учился въ

Берлинѣ, откуда его хотѣли выслать въ Россію (?). Въмѣсто того, чтобъ ѣхать туда, онъ отправился въ путешествіе по Германіи и прибылъ въ Швейцарію. Тутъ занимался онъ болѣе всего наукою (mit Studien) и литературными работами, а именно переводомъ одного сочиненія о французской революціи, изъ котораго нѣсколько печатныхъ листовъ найдено при обыскѣ въ бумагахъ Вейтлинга, однако не захвачены. Знакомства его были: Толленъ (Tollen,) Фрѣбель, проф. Фѣгели (Vögeli,—Heinrich?). Кромѣ того, былъ онъ въ корреспонденціи съ извѣстнымъ Руге. При своемъ отъѣздѣ, оставилъ онъ послѣ себя значительные долги, не смотря на то, что Толленъ много заплатилъ за него и въ томъ числѣ 100 фр. за помѣщеніе у г. Штадлера, у котораго Бакунинъ оставилъ и свою библіотеку“.

Все это сообщено было русскому посольству и посоль А. Ф. Струве 17/29 Сент. 1843 г. извѣстилъ цюрихское правительство, что онъ „увѣдомилъ императорское министерство объ этихъ свѣдѣніяхъ о г. Бакунинѣ (sieur B.), котораго въ связи съ лицами, компрометированными въ процессѣ, возбужденномъ въ Цюрихѣ противъ коммуниста Вейтлинга, должны были привлечь вниманіе императорскаго посольства. Такъ какъ г. Бакунинъ продолжаетъ жить въ этой странѣ, то оно было бы очень благодарно за всякія свѣдѣнія относительно поведенія (les allures) этого путешественника, которыя могли бы достигнуть до свѣдѣнія цюрихскаго правительства“.

Вслѣдствіе этой просьбы цюрихская полиція передала русскому посольству еще два свѣдѣнія о Бакунинѣ:

1. Сообщение дирекціи полиціи Бернскаго кантона отъ 18 Февраля 1844 г. цюрихскому полицейскому совѣтнику, въ отвѣтъ на его вопросы отъ 15 Февр., что Бакунинъ нѣкоторое время пробылъ въ Бернѣ, но нѣсколько дней назадъ уѣхалъ оттуда, не получивъ паспорта отъ русскаго посольства и, по свѣдѣніямъ, собраннымъ по просьбѣ того посольства, отправился въ Нидербаденъ, а оттуда, вѣроятно, въ Вельгію (?).

2. Отъ 27 Февр. 1844 г. изъ Водскаго кантона извѣщали, что Бакунинъ провелъ нѣкоторое время въ 1843 г. въ Нюнѣ, потомъ уѣхалъ внезапно въ путешествіе въ Германію (?), и возвратившись, прожилъ нѣкоторое время въ Prangins; наконецъ, такъ какъ синдикъ этого города замѣтилъ, что его бумаги не въ порядкѣ, онъ опять выѣхалъ и съ той поры не являлся.

Проф. Швейцеръ прибавляетъ къ этимъ сообщеніямъ, что между бумагами, найденными у Вейтлинга, кажется нѣтъ ничего Бакунинскаго, впрочемъ, это трудно рѣшить, такъ какъ письма эти по большей части носятъ псевдонимныя подписи.—Объ изгнаніи Бакунина изъ Цюриха нѣтъ нигдѣ рѣчи *).

*) Приносимъ глубокую благодарность профессорамъ Швейцеру и Штерну за эти сообщенія.

Герценъ позже рассказываетъ (Колоколъ, № 119—120, 15 Янв. 1862), что тотчасъ послѣ рапорта Блюнчли, Бакунинъ получилъ приказаніе возвратиться въ Россію. „Онъ не поѣхалъ. Императоръ Николай велѣлъ его судить. Сенатъ лишилъ его офицерскаго чина, дворянства и пр. Онъ уѣхалъ въ Парижъ“.

Объ этомъ парижскомъ пребываніи Бакунина есть нѣсколько свѣдѣній въ брошюрѣ Ивана Головина: *Der Russische Nihilismus. Meine Beziehungen zu Herzen und Bakunin, nebst einer Einleitung ueber die Dekabristen.* (Leipzig. Verlag von Luis Senf. 1880). Къ сожалѣнію, рассказы г. Головина вообще спутаны и часто не точны. Головинъ говоритъ, что онъ познакомился съ Бакунинымъ у Огарева въ Парижѣ, rue Quinze-Vingt. Интересно, что въ тогдашнихъ письмахъ Огарева къ друзьямъ въ Россію ни слова нѣтъ о Бакунинѣ. Головинъ говоритъ, что онъ и Бакунинъ одновременно получили приказаніе возвратиться въ Россію и, послѣ отказа, присуждены были сенатомъ къ „лишенію правъ состоянія“—и что посольство русское во Франціи, во главѣ котораго стоялъ гр. Киселевъ junior послало въ „*Gazette des tribunaux*“ замѣтку о томъ, что Головинъ и Бакунинъ осуждены за революціонныя сочиненія и за отказъ возвратиться въ Россію. Головинъ написалъ въ ту же газету отвѣтъ, въ которомъ защищалъ свои сочиненія („*Der Geist der politischen Oekonomie*“ и *Die Politik, als Wissenschaft*“) и упомянулъ, что хартія Михаила Романова давала дворянамъ русскимъ право ѣздить за границу и служить тамъ. Бакунинъ же, по словамъ Головина, написалъ въ „*Gazette des tribunaux*“, что никакой хартіи Михаила Романова не было. Головинъ говоритъ, что Бакунинъ получилъ тогда денежную помощь отъ Боткиныхъ, когда же ему было велѣно выѣхать изъ Парижа, то денегъ ему на дорогу далъ Николай Ивановичъ Тургеневъ, у котораго Бакунинъ бывалъ, а въ Брюсселѣ его поддержалъ полякъ генералъ Скрзинецкій (Skrzinecki).

За этотъ промежутокъ времени есть нѣсколько интересныхъ біографическихъ свѣдѣній о Бакунинѣ въ письмахъ Арнольда Руге (Arnold Ruges Briefwechsel und Tagebücher aus den Jahren 1825—1880. Herausgegeben von Paul Nerrlich. Berlin, 1886),

Въ Апрѣлѣ 1842 Руге писалъ изъ Дрездена Розенкранцу, отрицая у Шеллинга (второй манеры) самое имя философа и рекомендуя ему брошюру, статью Элизара. „Она принадлежитъ,—говоритъ Руге,—русскому, Бакунину, который теперь живетъ здѣсь. Подумай себѣ только, этотъ симпатичный (liebenswürdiger) молодой человѣкъ превосходитъ всѣхъ старыхъ ословъ въ Берлинѣ. Но я думаю, что Бакунинъ, котораго я знаю и очень охотно принимаю у себя, не будетъ радъ, если станетъ извѣстно, что онъ авторъ (брошюры этой), уже вслѣдствіе положенія дѣлъ въ Россіи. Онъ со временемъ отправится въ Москву, можетъ быть въ университетъ (профессоромъ)“. (I, 273). 2 Сентября философъ писалъ Людвигу Руге: „Мюллеръ здѣсь

и Бакунины тоже. Я вижу ихъ часто *). Старшій Бакунинъ очень образованный человекъ и имѣетъ большой философскій талантъ“. (281). 15 Ноября А. Руге пишетъ Штару о романѣ Ж. Сандъ „*Consuelo*“: „Его очень хвалятъ за психологическую глубину; Гервегъ и Бакунинъ говорили мнѣ объ этомъ. Бакунинъ и Кѣхли сердечно привѣтствуютъ тебя“. (284). 7 Декабря Руге пишетъ Прутцу: „жаль, что тебя здѣсь нѣтъ. Тутъ живетъ среди многихъ возбужденныхъ и отчасти значительныхъ людей,—я назову франка, Бакунина, русскаго, Мюллера и Кѣхли, Кесслера,—гораздо лучше, чѣмъ въ старыхъ, покрытыхъ плѣсенью университетскихъ норахъ“. (289).

8 Марта 1843 г. Руге пишетъ Фрѣбелю о его книгѣ *Anecdota* и говоритъ: „одного я желаю, чтобъ эту книгу узнали и читали также въ Страсбургѣ и Парижѣ, чтобъ дать французамъ понятіе о нашихъ борьбахъ.... Бакунинъ долженъ былъ о томъ написать Пьеру Леру и рассказать ему все дѣло подлинно и ясно“. (300). 3 Мая философъ жалуется Людвигу Руге: „моя поѣздка въ Швейцарію не состоится. Бакунинъ, которому я много, слишкомъ много повѣрилъ, не можетъ заплатить опять мнѣ и вообще всѣ свои долги. Я построилъ на немъ воздушные замки и долженъ признаться, что мнѣ приходится солоно (*sauer*), черезъ иноземца, лежать скрученнымъ цѣлое лѣто. Я поручился за него у Бонди и на дняхъ заплатилъ за него 306 талеровъ, послѣ того какъ я ему въ Лейпцигѣ, когда онъ съ Гервегомъ отправлялся въ Швейцарію, далъ въ займы чистыми деньгами 3500 талеровъ. (307).

26 Августа 1843 г. Руге пишетъ женѣ своей изъ Парижа, что проѣздомъ черезъ Женеву видѣлъ Бакунина.

Въ 1844 г. А. Руге встрѣтился съ Бакунинымъ въ Парижѣ. 16 Окт. онъ пишетъ Фрѣбелю: „Бакунинъ здѣсь теперь, какъ вы знаете; всегда полонъ надежды и веселья; несокрушимое хорошее расположеніе духа. Но его участь кажется мнѣ такова, что онъ будетъ имѣть успѣхъ только въ обществѣ, но не публично. Онъ обладаетъ всѣмъ для салона, но ему не достаетъ вообще (много) въ наукѣ и въ атмосферѣ иностранныхъ, ему по крайней мѣрѣ неродственныхъ литературъ“.... (368).

20 Окт. Руге пишетъ Флейшеру изъ Парижа: „Бакунинъ посѣтилъ меня здѣсь. Онъ уже отвыкъ такъ отъ нѣмецкаго языка, что дѣлаетъ ошибку на ошибкѣ, не находитъ больше словъ. (Многоточіе, знакъ пропуска). Бакунинъ все прежній любезный малый (*liebenswürdiger Kerl*). Я охотно предоставляю ему свободу и къ тому же его распутныя признанія, какъ наслѣдство славянское, въ Парижѣ совсѣмъ не должно ставить ему на счетъ. Здѣсь въ Quartier Montmartre, его связи въ Faubourg St. Germain не стѣсняютъ меня нисколько. Онъ говорилъ, что не ходитъ болѣе въ кабачекъ (*estaminet*) и сталъ очень прилеженъ. Въ Германію онъ больше не поѣдетъ, даже если дѣйстви-

*) Müller-Stübing, филологъ, приговоренъ былъ въ 1833 г. къ смерти за участіе въ студенческихъ тайныхъ обществахъ, но помилованный на пожизненное заключеніе. Въ 1840 г. амнистированъ.

тельно произойдетъ чрезъ 3 мѣсяца революція, какъ онъ предполагаетъ, такъ что въ Февралѣ все уже получитъ коммунистическія учрежденія“. (370).

24 Ноября 1844 г. Руге пишетъ Флейшеру: „не пропустите случая прочитать Кюстина о Россіи *). Какъ замѣчательно здѣсь изображеніе образованныхъ русскихъ! Видишь передъ собою всегда Бакунина, какъ будто онъ служилъ ему моделью. Я не вѣрю своимъ глазамъ. Мои исключенія сдѣлались здѣсь типами! Такова вообще культура въ знатныхъ семействахъ. Они умѣютъ говорить обо всемъ свысока. Читайте книгу и вы убѣдитесь. Только немногіе изъ нихъ дѣйствительно станутъ гегеліанцами и разницу характеровъ я предполагаю естественно. Бакунинъ былъ одинъ разъ у меня. Мы болтали о Гервегѣ, который опять тутъ. Бакунинъ, который его очень любитъ, казалось, имѣлъ желаніе примирить меня съ нимъ. Но это какъ то не подходитъ, такъ какъ мы вѣдь собственно не враждебно настроены другъ къ другу, а просто характерами не сошлись. Я сказалъ Бакунину, что я сдѣлалъ было визитъ Гервегу и что теперь ожидаю того же самаго и отъ него, но что мнѣ не вѣрится, чтобы онъ пришелъ. Бакунинъ увѣрялъ меня, что Гервегъ всегда говоритъ обо мнѣ самымъ дружескимъ образомъ. Я же съ своей стороны выразилъ свое сожалѣніе, что между нами господствуетъ теперь эта натянутость, но въ то же самое время я ему сообщилъ, что я недоволенъ направленіемъ Гервега и его поэтическимъ тщеславіемъ, которое главнымъ образомъ приковало его къ г-жѣ S (tern)**). Бакунинъ замѣтилъ очень тонко: „друзей не критикуютъ“. Я же: „ну, а если на тебя нападутъ подруги твоихъ друзей, тогда поневолѣ отнесешься критически къ этимъ друзьямъ, на глазахъ которыхъ имѣютъ мѣсто подобнаго рода нападенія“. Бакунинъ: „Гервергъ—благородный характеръ“. Ezgo: „благороденъ-то онъ благороденъ, но не мѣшало бы имѣть побольше характера“. Бакунинъ: „Какъ такъ?“ Ezgo: „Онъ измѣняетъ себя: въ своей теперешней жизни и въ равнодушіи ко всему, потому что все, что въ немъ было поэтическаго, то были просто на просто его вѣра, его паѳосъ“. Бакунинъ: „вы вѣдь не вздумаете дѣлать какія нибудь нравственныя заключенія на основаніи его расположенія къ г-жѣ S(tern) и вы вѣдь не рѣшитесь объяснить этимъ его разочарованіе относительно Германіи и политики; если онъ дѣйствительно въ отчаяніи—то вина тому бѣдственное положеніе Германіи, и если онъ ошибается, то онъ самъ находится въ печальномъ состояніи“. Ego: „Всякій свободенъ располагать своими наклонностями, если только онъ не взялъ въ этомъ отношеніи извѣстныхъ обязательствъ на себя. Но если общественное положеніе человѣка обуславливается исключительно его вѣрою и на-

*) Марк. Ад. де Кюстинъ (Custine) напечаталъ въ 1843 г. свое путешествіе по Россіи—„La Russie en 1839“.

**] Графиня d'Agorlt, которая въ литературѣ извѣстна подъ именемъ Daniel Stern (1805—1876).

дежду, то онъ представляется намъ въ очень жалкомъ видѣ, если его одолѣваетъ въ частной жизни равнодушіе. Публично онъ затыкаетъ Rückler'a за поясъ, а въ частной жизни онъ вполне Rückler до трупнаго запаха пачулей и до привычки постоянно нить изъ за ѣды. Впрочемъ, нѣтъ никакой необходимости, чтобы Германія была преисполнена надеждъ для того, чтобы человѣкъ, какъ Гервегъ, остался при своей положительности и при своемъ паѳосѣ. Міръ политики въ этомъ отношеніи ничѣмъ не отличается отъ великаго нравственнаго міра. Поэтъ не долженъ терять духа изъ за бѣдственнаго положенія страны. Творить—значить уничтожить всякое бѣдственное положеніе, не въ дѣйствительности, а въ произведеніяхъ искусства. И если въ костяхъ нашего друга сохранилось еще мозгу, то онъ опять примется за работу“. Бакунинъ: „Онъ привезъ съ собою изъ Швейцаріи много прекрасныхъ стиховъ и вернулся оттуда совсѣмъ освѣженнымъ“. На это я ему отвѣтилъ, что нечего больше и желать. Такъ приблизительно мы бесѣдовали. Вы видите, такимъ образомъ, благородную распушенность Бакунина въ свободѣ разврата, которой онъ требуетъ для всякаго, не de facto, это мы знаемъ,—нѣтъ, какъ правило,—и при этомъ эта любезность и гуманность! Стыдишься своего узкосердечія и однакожь мнѣ распутство, какъ правило и пресыщенность, какъ геніальный аристократизмъ такъ противны, какъ постоянное открытое почесываніе, въ то время какъ я понимаю, что иной можетъ прійти и до чесотки, тѣмъ или другимъ способомъ, безъ того, чтобы онъ былъ черезъ это свиньей по правилу.

„Однако, скажите, почему вы нападаете на моего сосѣда Ribbentrop'a? Онъ аристократъ по рожденію и по воспитанію. Онъ образованъ и сообщителенъ и гуманнѣе, чѣмъ наши здѣшніе друзья... Самымъ гуманнымъ послѣ него слѣдуетъ считать Бакунина, который только презираетъ и презрительно обращается съ тѣми людьми, съ которыми я не имѣю охоты такъ обращаться. Риббентропъ стоитъ Бодкина (Боткина В. П.) и лучше чѣмъ большая часть другихъ сосѣдей и трактирныхъ товарищей Бакунина, но Бакунинъ нашелъ Bernays ниже всякаго достоинства, когда онъ встрѣтилъ его въ нашемъ обществѣ, а теперь онъ его перенесъ и переноситъ, когда Bernays, къ счастью, не приходитъ болѣе въ мой домъ *). Въ Дрезденѣ онъ также относился къ Dr. Köchly и Кесслеру, а съ кѣмъ онъ самъ водился? Съ Бюловымъ и барономъ Плохомъ и Дрезденской аристократіей. Народъ изучалъ онъ съ птичьяго полета....

„Но общественное значеніе нашего друга Бакунина становится мнѣ постепенно также проблематичнымъ, какъ и Ribbentrop'a. Уже протекло столько лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ онъ вздумалъ приводить въ исполненіе свои планы, что я боюсь, чтобы такимъ образомъ не протекли и остальные годы. Между тѣмъ, его значеніе какъ частнаго

*) Lazarus Bernays издавалъ въ Парижѣ вѣстѣ съ Бёрнштейномъ въ 1844 года журналъ „Vorwärts“ (2 раза въ недѣлю), въ которомъ писали К. Марксъ и Бакунинъ.

лица довольно хорошаго свойства и какъ личность онъ очень любезенъ. Только что съ нимъ невозможно вести нѣмецкую дружбу, которая основывается болѣе на привычкѣ взаимнаго общенія, чѣмъ на значеніи того или другого изъ друзей; безъ сомнѣнія, это возможно для него по отношенію къ русскимъ, но не ко мнѣ, потому что онъ, пріѣхавъ въ Дрезденъ, сблизился со мною, только благодаря тому значенію, которое онъ приписывалъ мнѣ". (373—376).

17 Декабря 1844 г. Руге писалъ матері: „Несчастный Vorwärts идетъ теперь назадъ. Вегнаус, скандальнѣйшій редакторъ, приговоренъ къ 300 франковъ штрафа и 2 мѣсяцамъ тюрьмы.... Собственникъ глупаго листка видитъ теперь, что онъ былъ въ дурныхъ рукахъ и проситъ меня взять его; онъ жалѣетъ, что позволилъ Марксу низкія выходки противъ меня; Бакунинъ-де также будто бы протестовалъ противъ того. Подумай: Бакунинъ, котораго я спасъ отъ Сибири (!) и отъ всякихъ чертей большими деньгами, присоединяется за моей спиной къ этой компаніи и потомъ пробуетъ обѣлиться передо мною тѣмъ, что будто бы онъ не читалъ тѣхъ вещей, которыя онъ вмѣстѣ съ другими редактировалъ. Мнѣ не нужно увѣрять тебя, что я болѣе не вступлю въ сношенія съ этой компаніей". (385). Дальше Руге сообщаетъ, что онъ живетъ въ далекомъ отъ Бакунина и Маркса кварталѣ и что они его оставляютъ въ покоѣ,—чему онъ радъ, такъ какъ онъ хотѣлъ бы не знать ничего объ ихъ характерѣ, или лучше ихъ безхарактерности. Однако, замѣчаетъ онъ, этотъ сортъ софистовъ и безпутниковъ (roués) необходимое явленіе въ наше распущенное, лишенное бога и еще не гуманизированное время. Il faut qu'on connaisse ça". (386—397). Впрочемъ, немного спустя Руге сообщаетъ Флейшеру, что Бакунина, какъ онъ слышитъ теперь, притянули къ большому журнализму, такъ что, наконецъ, въ свои зрѣлыя лѣта начинаетъ быть дѣятельнымъ". (398).

Вѣроятно, Руге разумѣетъ сотрудничество Бакунина въ „La Réforme“, о которомъ, впрочемъ, мы не имѣемъ сколько нибудь обстоятельныхъ свѣдѣній.

Тотъ же Руге даетъ слѣдующую суммарную характеристику Бакунина въ этотъ періодъ времени въ своихъ воспоминаніяхъ о Михаилѣ Бакунинѣ въ „Neue Freie Presse“ 1876, 28 и 29 Сентября №№ 4344 и 4345.

„Всею душою Бакунинъ передался нѣмецкому умственному движенію тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, изучивъ въ Берлинѣ не только гегелевскую философію, но и живую „діалектику, эту творческую душу вселенной. Онъ посѣтилъ меня въ Дрезденѣ, гдѣ я издавалъ „Deutsche Jahrbücher“, сговорился со мною относительно необходимости упраздненія абстрактной теоріи на практикѣ и относительно предстоящей революціи. Мы тѣсно сблизились и я ему помогалъ честно, когда онъ сталъ подозрительнымъ для русской дипломатіи и когда пребываніе его въ Дрезденѣ стало для него небезопаснымъ.

„Если бы онъ напечаталъ свою статью „Реакція въ Германіи“ въ „Deutsche Jahrbücher“ не подъ псевдонимомъ Жюль Элизаръ, то онъ давно бы уже обратилъ на себя вниманіе дипломатіи, такъ какъ

эта статья, наполнившая въ октябрѣ 1842 г. 20 столбцовъ, содержитъ въ себѣ весь характеръ Бакунина и дальнѣйшее развитіе его мышленія до социаль-демократическаго включительно. Правда, статья эта была написана такимъ философскимъ языкомъ, который не такъ-то легко могло бы раскусить русское посольство въ Дрезденѣ, или въ другомъ мѣстѣ.

„Только въ научной оболочкѣ возможно было тогда писать съ тою рѣзкою діалектикою и откровенностью, съ какою молодой ученый, Бакунинъ, предвѣщалъ погибель изгнилымъ порядкамъ. Самъ цензоръ не добрался до смысла этой статьи. А между тѣмъ, когда мы ее читаемъ теперь и объясняемъ при помощи великихъ событій нашего времени, статья эта приводитъ насъ невольно въ изумленіе.

„Бакунинъ начинаетъ ее слѣдующими словами: „Свобода, реализація свободы—кто рѣшится отрицать, что это слово стоитъ теперь на первомъ планѣ исторіи? Другъ и недругъ согласятся съ этимъ, потому что обязаны это сдѣлать, еще болѣе, никто не осмѣлится въ настоящую минуту откровенно и дерзко признать себя врагомъ свободы“.—А вѣдь бакунинская „реализація свободы“ есть просто-напросто—революція.

„Далѣе Бакунинъ подвергаетъ анализу реакціонную партію и разбираетъ ея истинное и поверхностное отрицаніе. Вотъ что онъ говоритъ: „Демократизмъ далеко еще не состоитъ изъ одного своего аффирмативнаго богатства, но онъ черпаетъ свою жизненность въ отрицаніи позитивнаго, и вотъ почему онъ долженъ погибнуть вмѣстѣ съ позитивнымъ, для того чтобы послѣ воспрянуть изъ своего свободного основанія въ совсѣмъ возрожденномъ видѣ и какъ живая полнота своего собственнаго „я“. И это превращеніе демократической партіи въ самой себѣ не будетъ однимъ только количественнымъ измѣненіемъ, т. е. не только расширеніемъ ея теперь особеннаго, а вслѣдствіе этого, дурнаго существованія—сохрани Боже!—вѣдь подобнаго рода расширеніе было бы просто опошленіемъ цѣлаго міра и конечнымъ результатомъ всей исторіи, было бы просто-напросто абсолютное ничтожество—о нѣтъ, это превращеніе демократической партіи будетъ качественнымъ измѣненіемъ, новымъ живымъ и оживляющимъ откровеніемъ, новымъ небомъ и новою землею, новымъ и восхитительнымъ міромъ, въ которомъ всѣ современные диссонансы сольются въ одно гармоническое цѣлое.

„Бакунинъ критикуетъ далѣе послѣдовательныхъ и посредническихъ позитивистовъ. „Первые будятъ, не сознавая того, что они дѣлаютъ, отрицательное отъ его филистерской дремоты, для которой оно было предназначено и призываютъ его къ исполненію его великаго предназначенія, а именно, къ упорному и безпощадному уничтоженію всего положительнаго. Отрицательное только и имѣетъ право на существованіе, какъ подобнаго рода безпощадное отрицаніе,—но какъ таковое оно имѣетъ абсолютное право на существованіе, потому что, какъ таковое, оно есть дѣйствіе современнаго практическаго духа, невидимаго даже въ противопоставленіи духа, который посредствомъ этой бури уничтоженія могущественно побуждаетъ

грѣшныя, стоящія на полѣ-дорогѣ души къ покаянію и возвѣщаетъ свое близкое пришествіе, свое близкое откровеніе въ истинно демократической и всемірно-человѣческой церкви свободы“.

„Гдѣ былъ красный карандашъ г-на профессора Ваксмута, когда онъ пропустилъ эти мѣста? Но Бакунинъ заходитъ еще далѣе въ своемъ апокалипсическомъ тонѣ и говоритъ (при чемъ онъ здѣсь уже высказываетъ свою послѣднюю точку зрѣнія): „Народъ, бѣдный классъ, который уже, безъ сомнѣнія, представляетъ большинство человѣчества; классъ, права котораго уже признаны теоретически, но который до сихъ поръ по своему рожденію, по условіямъ своей жизни, осужденъ на неимущее состояніе, на невѣжество и вмѣстѣ съ этимъ и на фактическое рабство; этотъ классъ, который собственно и есть настоящій народъ, принимаетъ вездѣ угрожающее положеніе, начинаетъ считать ряды своихъ враговъ, слабые, по сравненію съ нимъ, и требовать практическаго приложенія своихъ правъ, уже признанныхъ всѣми за нимъ. Всѣ народы и люди уже исполнены извѣстнымъ предчувствіемъ, и всякій, чьи только жизненные органы не парализованы, смотритъ съ трепетнымъ ожиданіемъ на встрѣчу приближающейся будущности, которая произнесетъ слово освобожденія. Даже въ Россіи, въ этомъ безконечномъ, покрытомъ снѣгомъ царствѣ, которое мы такъ мало знаемъ и которому, можетъ быть, предстоитъ великая будущность,—даже въ Россіи собираются тяжелыя, грозу предвѣщающія тучи! О, воздухъ душень, онъ носитъ въ себѣ бури!“

„Мало сказать, что Бакунинъ имѣлъ нѣмецкое образованіе: онъ былъ также въ состояніи философски намылить голову нѣмецкимъ философамъ и политикамъ и предсказать будущность, которую они добровольно, или нѣтъ, вызвали.... Я привелъ въ доказательство этого нѣкоторыя мѣста изъ замѣчательной маленькой статьи. Она заслуживаетъ быть цѣликомъ заново прочтенной и меня не удивляетъ, что нѣкоторые посвященные, которымъ не чужды елевзинскія таинства безсмертной логики грековъ и нѣмцевъ, вспоминаютъ пророческія мѣткія слова Жюля Елизара изъ „Deutsche Jahrbücher“ за послѣднія ихъ недѣли.

„Въ Дрезденѣ Бакунинъ попалъ въ натянутыя отношенія со своимъ петербургскимъ начальствомъ по иному поводу, чѣмъ участіе въ „Jahrbücher“.

„Георгъ Гервегъ заѣхалъ во время своего путешествія къ намъ, а такъ какъ Бакунинъ имѣлъ просторную и удобную квартиру, то я помѣстилъ у него Гервега. За это гостепріимство Бакунинъ навлекъ на себя такое подозрѣніе, что мы стали бояться за его безопасность въ Саксоніи. Мы отправили нашего друга, какъ можно скорѣе, въ Цюрихъ, при чемъ я былъ недоволенъ на русскихъ, что они придавали больше значенія его невиновному гостепріимству, по отношенію къ молодому поэту, чѣмъ его отношеніямъ со мною и открытому манифесту противъ „нѣмецкой реакціи“, которой гибель онъ предсказалъ безъ обиняковъ и изложилъ какъ историческую необходимость. Онъ даже имѣлъ обыкновеніе совершенно открыто, на Дрезденской променадѣ, гдѣ какъ говаривалъ онъ: „было начало Россіи и

граница Германіи“,—пѣтъ мнѣ вечеромъ при разставаньи припѣвъ изъ „Гугенотовъ“:

Въ правую руку взялъ онъ саблю
И храбро устремился на бой;
Да здравствуетъ старикъ Колинъи!

Этимъ онъ хотѣлъ намекнуть намъ, чѣмъ это все кончится.

„Послѣ его отъѣзда изъ Дрездена стало извѣстно, что онъ и въ экономическихъ дѣлахъ слишкомъ сильно принималъ въ расчетъ отрицательныя величины, и я самъ очутился между тѣми филистерами, которымъ пришлось вѣдаться съ этими расчетами. Его семья оставила его на мели непростительнымъ образомъ и онъ долженъ былъ бѣгать не только отъ русскихъ, но и отъ маннихеевъ, какъ говорили студенты. Такая негативность въ столь существенномъ пунктѣ отчуждала меня отъ него, и когда его отецъ не уплатилъ въ срокъ, который назначилъ мнѣ сынъ, то я сдѣлалъ открытіе, что я съ моимъ братаньемъ остался въ дуракахъ. Но у меня это дурное настроеніе не долго держалось, и когда я опять встрѣтилъ Бакунина въ Парижѣ, послѣ того какъ провалилось „Jahrbücher“, то мы поддерживали знакомство, при чемъ не упоминалось рѣшительно о прежнихъ экономическихъ отношеніяхъ.

„Но за то, въ то время въ Парижѣ вопросъ экономическій былъ главной теоретической зацѣпкой и обсуждались всѣ формы социализма. При этомъ я разошелся съ Марксомъ, а Бакунинъ присталъ къ нему и коммунистамъ; но когда я однажды встрѣтилъ его на улицѣ Риволи и потребовалъ отъ него объясненія, то онъ не только отрицалъ это, но даже заявилъ свое твердое убѣжденіе въ томъ, что революція наступитъ только политическая, а никакъ не социальная,—вѣдь коммунизмъ просто на просто есть логическая невозможность. Я познакомилъ его съ Жоржъ Сандъ, Шопеномъ и Ламеннэ, но видѣлся съ нимъ рѣже, чѣмъ въ Дрезденѣ, гдѣ мы съ нимъ ежедневно встрѣчались въ музеѣ, или гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ“.

Въ 1847 г. Герценъ пріѣхалъ въ Парижъ и встрѣтился тамъ съ Бакунинымъ. Въ запискахъ Герцена (Былое и Думы) мало, впрочемъ, говорится объ отношеніяхъ между ними въ это время.

Первую свою встрѣчу съ Бакунинымъ въ Парижѣ Герценъ описываетъ такъ:

„Въ Парижѣ!—едва ли въ этомъ словѣ звучало для меня меньше, чѣмъ въ словѣ „Москва“. Объ этой минутѣ я мечталъ съ дѣтства.... Я одѣлся и пошелъ бродить зря.... искать Бакунина, Сазонова;—вотъ St. Honore, Елисейскія поля—всѣ эти имена, сроднившіяся съ давнихъ лѣтъ.... да вотъ и самъ Бакунинъ.

„Его я встрѣтилъ на углу какой то улицы; онъ шелъ съ тремя знакомыми, и точно въ Москвѣ проповѣдывалъ имъ что то, безпрестанно останавливаясь и махая сигареткой. На этотъ разъ проповѣдь осталась безъ заключенія; я ее прервалъ и пошелъ вмѣстѣ съ ними удивлять Сазонова моимъ пріѣздомъ“. (Сочиненія, VII, 218—219).

Въ другомъ мѣстѣ Герценъ вспоминаетъ о Бакунинѣ, говоря о

Прудонъ: „Я встрѣчалъ его (Прудона) раза два у Бакунина, съ которымъ онъ былъ очень близокъ. Бакунинъ жилъ тогда съ А. Рейхелемъ (музыкантъ, женившійся послѣ на дѣвицѣ Эрнѣ, пріѣхавшей изъ Россіи съ Герценами) въ чрезвычайно скромной квартирѣ за Сеной, въ rue de Bourgogne. Прудонъ часто приходилъ туда слушать Рейхелева Бетховена и Бакунинскаго Гегеля,—философскіе споры длились дольше симфоній. Они напоминали знаменитыя восточныя бдѣнія Бакунина съ Хомяковымъ у Чаадаева, у Елагиной, о томъ же Гегелѣ. Въ 1847 году Карлъ Фогтъ, жившій тоже въ rue de Bourgogne и тоже часто посѣщавшій Рейхеля и Бакунина, наскучивъ какъ то вечеромъ слушать безконечныя толки о феноменологіи, отправился спать. На другой день утромъ онъ зашелъ за Рейхелемъ; имъ обоимъ надобно было идти къ Jardin des Plantes; его удивилъ, не смотря на ранній часъ, разговоръ въ кабинетѣ Бакунина; онъ пріотворилъ дверь,—Прудонъ и Бакунинъ сидѣли на тѣхъ же мѣстахъ передъ потухшимъ каминомъ и оканчивали въ краткихъ словахъ начатый вчера споръ“. (Сочиненія, IX, 52).

Не смотря на горячность первыхъ встрѣчъ, вскорѣ обнаружались разногласія между Герценомъ и Сазоновымъ и отчасти и Бакунинымъ. Вотъ что находимъ мы у Герцена въ разсказѣ о Сазоновѣ, котораго можно назвать первымъ русскимъ эмигрантомъ, изъ за политическихъ идей, послѣ Н. И. Тургенева:

„Послѣ первыхъ шумныхъ дней въ Парижѣ начались больше серьезные разговоры, при чемъ сейчасъ обнаружилось, что мы (на) строены не по одному ключу. Сазоновъ и Бакунинъ были недовольны (какъ впослѣдствіи Высоцкій и члены польской централизаціи), что новости, мною привезенныя, больше относились къ литературному и университетскому міру, чѣмъ къ политическимъ сферамъ. Они ждали разсказовъ о партіяхъ, обществахъ, о министерскихъ кризисахъ (при Николаѣ!), объ оппозиціи (въ 1847 г.!), а я имъ говорилъ о каеэдрахъ, о публичныхъ лекціяхъ Грановскаго, о статьяхъ Бѣлинскаго, о настроеніи студентовъ и даже семинаристовъ. Они слишкомъ разобшились съ русской жизнью и слишкомъ вошли въ интересы „всемирной“ революціи и французскихъ вопросовъ, чтобы помнить, что у насъ появленіе „Мертвыхъ душъ“ было важнѣе назначенія двухъ Паскевичей фельдмаршалами и двухъ Филаретовъ митрополитами. Безъ правильныхъ сообщеній, безъ русскихъ книгъ и журналовъ, они относились къ Россіи какъ то теоретически и по памяти, придающей искусственное освѣщеніе всякой дали“. (Сочиненія А. И. Герцена, IX, 114).

Съ Сазоновымъ это разногласіе чуть на довело Герцена до размовки. Случилось это послѣ прощанія съ Бѣлинскимъ, который возвращался въ Россію и по наблюденіямъ друзей не долженъ былъ долго жить.

— „Жаль, замѣтилъ Сазоновъ, что Бѣлинскому не было другой дѣятельности, кромѣ журнальной работы, да еще работы подцензурной,

— Кажется, трудно упрекать именно его, что онъ мало сдѣлалъ. отвѣтилъ я—(разсказываетъ Герценъ).

”

— Ну, съ такими силами, какъ у него, онъ при другихъ обстоятельствахъ и на другомъ поприщѣ побольше бы сдѣлалъ....

„Мнѣ было досадно и больно. „Да скажите, пожалуйста, ну вы, живущіе безъ цензуры, вы, полные вѣры въ себя, полные силъ и талантовъ, что же вы сдѣлали? (Множественное число, употребляемое здѣсь Герценомъ, показываетъ, что онъ говорилъ не объ одномъ Сазоновѣ, но и о Бакунинѣ, хотя конечно, больше о первомъ). Неужели вы воображаете, что ходить съ утра изъ одной части Парижа въ другую, чтобъ еще разъ переговорить съ Служальскимъ и Хоткевичемъ о границахъ Польши и Россіи,—дѣло? Или что ваши бесѣды въ кафе и дома, гдѣ пять дураковъ слушаютъ васъ и ничего не понимаютъ, а другіе ничего не понимаютъ и говорятъ,—дѣло?

— „Постой, постой, говорилъ Сазоновъ, уже очень равнодушно, ты забываешь наше положеніе.

— Какое положеніе? Вы живете здѣсь годы, на волѣ, безъ гнетущей крайности,—чего же вамъ еще? Положенія создаются, силы заставляютъ себя признать, втѣсняють себя. Полноте, господа, одна критическая статья Бѣлинскаго полезнѣе для новаго поколѣнія, чѣмъ игра въ конспираціи и въ государственныхъ людей. Вы живете въ какомъ то бреду и лунатизмѣ, въ вѣчномъ оптическомъ обманѣ, которымъ сами себѣ отводите глаза....

„Меня особенно, продолжаетъ Герценъ, сердили тогда двѣ мѣры, которыя прилагали не только Сазоновъ, но и вообще русскіе къ оцѣнкѣ людей. Строгость, обращенная на своихъ, превращалась въ культъ и поклоненіе передъ французскими знаменитостями.

„Каюсь, что я сначала былъ увлеченъ и думалъ, что поговорить въ кафе съ историкомъ „десяти лѣтъ“ или у Бакунина съ Прудомъ, нѣкоторымъ образомъ чинъ, повышение: но у меня всѣ опыты идолопоклонства и кумировъ не держатся и очень скоро уступаютъ мѣсто полнѣйшему отрицанію.

„Мѣсяца черезъ три послѣ моего пріѣзда въ Парижъ я началъ крѣпко нападать на это чинопочитаніе и именно въ пушій разгаръ моей оппозиціи случился споръ по поводу Бѣлинскаго. Бакунинъ съ обыкновеннымъ добродушіемъ своимъ хохоталъ; но Сазоновъ надулся и продолжалъ считать меня профаномъ въ практически-политическихъ вопросахъ“ (Сочиненія, IX, 114—118).

Изъ вышеприведенныхъ словъ видно, что парижская жизнь Сазонова и Бакунина представлялась Герцену безплодною, да и была таковою въ значительной степени. Она должна была усилить въ Бакунинѣ абстрактное отношеніе къ дѣйствительности, особенно русской, а кромѣ того такая жизнь втягивала въ себя и отучала отъ работы русскую натуру и безъ того мало привычную къ систематичному труду. Лично Бакунинъ за семь лѣтъ пребыванія его за границей, съ 1840 до конца 1847 г., едва написалъ съ пятокъ газетныхъ статей и, отбившись отъ литературнаго труда, къ которому онъ было присталъ въ 1836—1839 гг., попалъ совершенно въ положеніе деклассированнаго, безпрофессіональнаго человѣка. Онъ сталъ родоначальникомъ тѣхъ русскихъ людей, которые въ политическихъ

процессахъ въ 70—80-е годы на вопросъ: чѣмъ занимаетесь?—отвѣчали: „революціонными дѣлами“,—и внѣ этихъ дѣлъ дѣйствительно ничѣмъ неспособны были заниматься.

Бакунинъ имѣлъ преимущественную симпатію къ такимъ без- профессиональнымъ людямъ и считалъ ихъ солью земли, особенно подающею надежды. Въ одномъ изъ писемъ своихъ объ Италіи въ 1872 г., къ одному испанцу, онъ говоритъ: „Италія съ Испаніей есть, можетъ быть, самая революціонная страна. Въ Италіи есть то, чего не достаетъ другимъ странамъ: молодежь горячая, энергическая, совершенно безмѣстная (*deplacée*), безъ видовъ на карьеру, безъ выхода (*sans carrière, sans issue*), которая, не смотря на свое буржуазное происхождение, не истощена морально и интеллектуально, какъ буржуазная молодежь другихъ странъ. Теперь она бросается внизъ головою (*à tête perdue*) въ революціонный социализмъ“... (*L'Alliance de la Démocratie Socialiste et l'Association Internationale des Travailleurs. Rapport et documents, publiés par ordre du Congrès International de la Haye. Londres et Hambourg, chez Otto Meissner, 1873, 136*).

Питая преимущественную симпатію къ такого рода деклассированнымъ людямъ, Бакунинъ смотрѣлъ скептически даже на рабочихъ специализированныхъ. Въ книжкѣ „Государственность и анархія“ (ч. I, 8) онъ пишетъ: „Да, можетъ быть, нигдѣ такъ не близка социальная революція, какъ въ Италіи... Въ Италіи не существуетъ, какъ во многихъ другихъ странахъ Европы, особаго рабочего слоя, уже отчасти привилегированнаго, благодаря значительному заработку, хвастающагося даже въ нѣкоторой степени литературнымъ образованіемъ и до того проникнутаго буржуазными началами, стремленіями и тщеславіемъ, что принадлежащій къ нему рабочий людъ отличается отъ буржуазнаго люда только положеніемъ, отнюдь же не направленіемъ.... Въ Италіи преобладаетъ тотъ нищенскій пролетаріатъ, о которомъ гг. Марксъ и Энгельсъ, а за ними и вся школа социальныхъ демократовъ Германіи, отзываются съ глубочайшимъ презрѣніемъ и совершенно напрасно, потому что въ немъ, и только въ немъ, отнюдь же не въ вышеозначенномъ буржуазномъ слоѣ рабочей массы, заключается и весь умъ, и вся сила будущей социальной революціи“ *).

Такимъ образомъ, на Западѣ Бакунинъ вѣровалъ преимущественно въ голытьбу, выражаясь козацкимъ терминомъ,—обязательную голытьбу въ плебсѣ и буржуазіи. О Россіи тоже написалъ Бакунинъ въ 1869 г.: „я вѣрю единственно въ міръ мужицкій и грамотный міръ безпардонныхъ юношей, не находящихъ себѣ ни мѣста, ни возможности занятія въ Россіи,—этой сорокатысячной (?) фаланги

*) Нечего много распространяться о томъ, что надежды Бакунина на Италію не оправдались: если тамъ и произошло,—далеко позже, чѣмъ ждалъ Бакунинъ, нѣсколько крестьянскихъ бунтовъ, то они не сдѣлались общенародною революціей, социалисты же итальянскіе и между ними непосредственные друзья Бакунина, бывшіе анархисты, обратились къ организаціи городскихъ рабочихъ, на манеръ нѣмецкихъ социаль-демократовъ, и къ парламентской дѣятельности.

сознательно или бессознательно, т. е. по положенію, принадлежащихъ революціи“.

Какъ ни парадоксальнымъ можетъ показаться наше замѣчаніе, а мы скажемъ, что эта вѣра Бакунина въ „безпардонные“ элементы населенія, составляетъ основу, на которой выросла и вѣра Бакунина въ конспираціи и въ диктатуры. Отворачиваясь отъ элементовъ профессиональных, съ извѣстнымъ образованіемъ, энергическій человѣкъ отстаеъ отъ довѣрія къ органическому ходу прогресса, по необходимости медленному, и начинаетъ вѣровать въ катастрофы, а за тѣмъ и диктатуры кружковъ и лицъ, которыхъ катастрофы могутъ вывести на авансцену и которые сами могутъ вызвать эти катастрофы.

Къ тому же, деклассированные юноши естественно представляются такому человѣку своего рода преторіанцами и бюрократіей революціи. На такой основѣ у Бакунина въ его сибирскій періодъ жизни могла вырастать, рядомъ съ вѣрой въ крестьянскій топоръ, вѣра въ диктаторовъ, въ родѣ Муравьева Амурскаго, предпочтеніе генерала Игнатьева всякимъ литераторамъ, послѣ симпатія къ Нечаеву, вѣра въ возможность разрушить государство—Россію—чрезъ конспирацію кружка подобныхъ людей и т. п.

Совершенно въ соотвѣтствіи этой вѣры Бакунина въ диктатуру исключительныхъ личностей идетъ его вѣра и въ разбойниковъ среди „мужицкаго міра“. Въ письмахъ своихъ послѣ неисполненія надеждъ на мужицкое возстаніе въ 1863 г., Бакунинъ относится довольно скептически къ массѣ народа, усматривая въ ней костность. Въ книжкѣ „Государственность и анархія“ (Прибавл. А, 10, 15) онъ указываетъ „три черты, затемняющія народную массу: 1) патріархальность, 2) поглощеніе лица міромъ, 3) вѣра въ Царя“, и говоритъ дальше: „есть въ русскомъ народѣ лица, смѣющія идти противъ міра: это разбойникъ. Вотъ почему разбой составляетъ важное историческое явленіе въ Россіи,—первые революціонеры Россіи, Пугачевъ, и Стенька Разинъ, были разбойники“.

Конечно, всѣ такія черты характера и идеи Бакунина достигли своего полного развитія съ теченіемъ времени, но основы имъ, очевидно, положены были во время его парижской жизни, когда онъ оторвался отъ русской дѣйствительности и вмѣстѣ отъ всякаго правильнаго труда.

29 Ноября 1847 г. Бакунинъ произнесъ въ Парижѣ рѣчь на банкетѣ въ 17 годовщину польскаго возстанія 1830 г., въ которой указывалъ на возможность примиренія поляковъ и русскихъ въ общей революціи, которую Бакунинъ считалъ близкой. Въ концѣ рѣчи Бакунинъ заявилъ, что такое русско-польское примиреніе будетъ и „освобожденіе всѣхъ славянскихъ народовъ, которые стонутъ подъ игомъ иностраннымъ“. Это первое извѣстное проявленіе славянскихъ интересовъ у Бакунина. Въ 1861 г. Бакунинъ писалъ Герцену и Огареву изъ С. Франциско: „буду служить у васъ по Польско-Славянскому вопросу, который былъ моею *idée fixe* съ 1846 и моею практической

спеціальністю въ 48 и 49 годах“. Между тѣмъ, какъ объ этомъ мы скажемъ и дальше, генеза этой идеи у Бакунина и до сихъ поръ представляется не ясною.

Послѣдствіемъ упомянутой рѣчи была высылка Бакунина изъ Франціи, по просьбѣ русскаго посла Киселева. Бакунинъ выѣхалъ въ Бельгію,—откуда писалъ между прочимъ Анненкову отъ 28 Дек. 1847 г. изъ Брюселя:

.... „Изъ поляковъ видѣлъ я Лелевеля, Скржнецкаго, графа Тишкевича и еще двухъ, которыхъ и называть не стоитъ. Исключая Лелевеля, съ которымъ я знакомъ уже съ давнихъ лѣтъ, всѣ другіе мнѣ какъ-то не симпатичны; они составляютъ особенную партію подъ предводительствомъ Тишкевича и довели мелкую ненависть и сплетни, эту общую болѣзнь всѣхъ эмиграцій, особливо польской, до высшей степени развитія. И не смотря на это, я, вѣроятно, скоро долженъ буду снова ораторствовать; покамѣстъ не говорите объ этомъ, кромѣ Тургенева, никому; я боюсь, чтобъ черезъ Сазонова не узнали объ этомъ славянщики, а дѣло еще не совсѣмъ рѣшено. Можетъ статься, что меня и отсюда также прогонятъ,—пусть себѣ гонятъ, и я буду тѣмъ смѣлѣе, чутче и мѣтче говорить. Вся жизнь моя опредѣлялась до сихъ поръ почти невольными изгибами независимо отъ моихъ собственныхъ предположеній; куда она меня поведетъ—Богъ знаетъ! Чувствую только, что возвратиться назадъ я не могу, и что никогда не измѣню своимъ убѣжденіямъ. Въ этомъ вся моя сила и все мое достоинство; въ этомъ также вся дѣйствительность и вся истина моей жизни; въ этомъ моя вѣра и мой долгъ, а до остальнаго мнѣ дѣла нѣтъ: будетъ, какъ будетъ. Вотъ вамъ вся моя исповѣдь, Анненковъ. Во всемъ этомъ много мистицизма—скажете вы,—да кто же не мистикъ? Можетъ ли быть капля жизни безъ мистицизма? Жизнь только тамъ, гдѣ есть строгій, безграничный и потому и нѣсколько неопредѣленный мистическій горизонтъ; право, мы всѣ почти ничего не знаемъ, живемъ въ живой сферѣ, окруженные чудесами, силами жизни, и каждый ихъ шагъ можетъ ихъ вызвать наружу безъ нашего вѣдома и часто даже независимо отъ нашей воли.

„Приемъ, сдѣланный мнѣ поляками, наложилъ на меня огромную обязанность, но вмѣстѣ показалъ и далъ мнѣ возможность дѣйствовать. Я знаю, милый Анненковъ, что вы относитесь ко всему этому нѣсколько скептически, и вы съ своей стороны правы; и я также переносюсь иногда на вашу точку зрѣнія, но чтожъ дѣлать! Природѣ не измѣнишь. Вы—скептикъ, я—вѣрующій; у каждаго изъ насъ свое дѣло, но въ сущности мы всегда будемъ другъ съ другомъ симпатизировать, потому что, не смотря на всѣ различія, дѣло наше—одно.

„Марксъ treibt hier dieselbe eitle Wirtschaft wie vorher, портитъ работниковъ, дѣлая изъ нихъ резонеровъ. То же самое теоретическое сумасшествіе и неудовлетворенное, недовольное собою самодовольствіе. Видѣли ли Хоткевича? Онъ, кажется, на пути измѣнить славянскому дѣлу.

Въ письмѣ этомъ особенно важно упоминаніе о какихъ то славянскихъ въ Парижѣ. Сопоставивъ это выраженіе со словами Бакунина о Хоткевичѣ, можно думать, что это былъ болѣе или менѣе специализированный кружокъ. Онъ не могъ состоять изъ русскихъ, такъ какъ послѣднихъ въ Парижѣ тогда было не много, да и тѣ, какіе были, не отличались интересомъ къ славянству. Скорѣе всего это должны были быть поляки. О славянствѣ въ 40-е годы говорилъ въ Парижѣ Мицкевичъ въ своихъ лекціяхъ въ Collège de France, но говорилъ въ такомъ католическо-польскомъ духѣ, что врядъ ли могъ оказать вліяніе на Бакунина. Изъ дневника Герцена можно видѣть, какъ могъ относиться человѣкъ его круга къ идеямъ Мицкевича: „12 Февр. 1844. Лекціи Мицкевича въ Collège de France 1840—1842. Мицкевичъ славянофилъ, въ родѣ Хомякова и К^о, съ тою разницею, что онъ полякъ, а не москаль, живетъ въ Европѣ, а не въ Москвѣ, толкуетъ не объ одной Руси, но и о чехахъ, иллирахъ и пр. и пр.“ (Сочиненія, I, 171). Если судить по статьѣ Jana Alegeto „Stanowisko Polski w Słowiańszczyźnie“, въ органѣ польской демократической эмиграціи, выходившемъ въ Парижѣ „Ramiętnik Demokracji“ (1843. № 3), то трудно предположить, чтобъ на идеи Бакунина могли имѣть вліяніе и польскіе демократы въ Парижѣ, такъ какъ альфа и омега названной статьи—Польша, а объ освобожденіи и Россіи въ ней нѣтъ и слова.

Скорѣе всего подходило бы къ идеямъ Бакунина ученіе Лелевеля о демократической общинности (gminowladstwo), какъ первоначальной основѣ славянской жизни передъ установленіемъ въ Польшѣ шляхетства (miejscowladstwo). Но объ отношеніяхъ между Лелевелемъ и Бакунинымъ мало извѣстно. Самъ Бакунинъ въ вышеприведенныхъ словахъ письма къ Анненкову только упоминаетъ, что встрѣчался съ Лелевелемъ и раньше пріѣзда въ Брюссель въ 1847 г. Въ книгѣ іезуитскаго священника Заленскаго „Geneza i rozwój nihilizmu w Rosyi“ (Kraków 1892, 2 wyd. 41, примѣч.) находимъ такое показаніе о Бакунинѣ: „передъ 1848 г. онъ бросился съ горячкой на основаніе лиги славянской, втянулъ въ эту работу Лелевеля“.

Къ сожалѣнію, и на это краткое сообщеніе нельзя положиться, такъ какъ книга г. Заленскаго написана безъ всякой критики, со множествомъ ошибокъ и анахронизмовъ. Впрочемъ, существованіе нѣкотораго общаго грунта идей между Лелевелемъ и Бакунинымъ несомнѣнно, основаніе, или замысль основанія Бакунинымъ лиги славянской не невѣроятенъ,—но во всякомъ случаѣ интересно, что Бакунинъ въ концѣ 1847 г. боится, чтобъ парижскіе славяники не узнали о его будущей рѣчи въ Брюсселѣ.

Провозглашеніе республики во Франціи, вслѣдствіе революціи 24 Февраля 1848, вновь открыло Бакунину двери Франціи. Онъ явился опять въ Парижѣ, но пробылъ тамъ не долго. Герценъ, возвратившись въ Парижъ изъ Италіи, уже не засталъ Бакунина, рассказываетъ объ этомъ парижскомъ пребываніи такъ:

„Первые дни послѣ Февральской революціи были лучшими днями жизни Бакунина. Возвратившись изъ Бельгіи, куда его вытурилъ Гизо за его рѣчь на Польской годовщинѣ 29 Ноября 1847, онъ съ головой нырнулъ во всѣ тяжкія революціоннаго моря. Онъ не выходилъ изъ казармъ Монтаньяровъ, ночевалъ у нихъ, ѣлъ съ ними и проповѣдывалъ, все проповѣдывалъ, коммунизмъ et l'égalité du salaire, нивеллированіе во имя равенства, освобожденіе всѣхъ славянъ, уничтоженіе всѣхъ Австрій, революцію en permanence, войну до избіенія послѣдняго врага. Префектъ съ баррикадъ, дѣлавшій „порядокъ изъ безпорядка“, Косидьеръ, не зналъ, какъ выжить дорогого проповѣдника и придумалъ съ Флокномъ отправить его въ самомъ дѣлѣ къ Славянамъ съ братской акколадой и увѣренностью, что онъ тамъ себѣ сломитъ шею и мѣшать не будетъ. „Quel homme! Quel homme! говорилъ Косидьеръ о Бакунинѣ: „въ первый день революціи это просто кладъ; а на другой день его надобно разстрѣлять“.

„Скажите Косидьеру, говорилъ я шутя его пріятелямъ: что тѣмъ то Б. и отличается отъ него, что и Косидьеръ славный человекъ, но что его лучше бы разстрѣлять наканунѣ революціи. Въ послѣдствіи въ Лондонѣ въ 1854 г., я ему упомянулъ объ этомъ. Префектъ въ изгнаніи только ударилъ огромнымъ кулакомъ своимъ въ молодецкую грудь съ той силой, съ которой вбиваютъ сваи въ землю, и говорилъ: „Здѣсь ношу Бакунина, здѣсь“. (Сборникъ посмертныхъ сочиненій, стр. 194—195).

Изъ этого разсказа Герцена важно было бы провѣрить показаніе, что именно Косидьеръ и Флокнъ (членъ временнаго правительства) придумали послать Бакунина въ славянскія земли. Головинъ сообщаетъ, что Бакунинъ жилъ въ 1848 г. въ Парижѣ у „Рейхеля, саксонца-музыканта,—и предводилъ большою манифестаціей рабочихъ, которая протестовала противъ національной гвардіи (bonnets à poils). Флокнъ который прежде сотрудничалъ въ „Réforme“ и теперь былъ министромъ публичныхъ работъ, говорилъ-де, что Франціей не возможно было бы управлять, если бы въ ней было 300 Бакуниныхъ. Онъ далъ-де Бакунину 3000 франковъ, французскій паспортъ и порученіе революціонировать Германію“. Руге, въ воспоминаніяхъ, изъ которыхъ мы приведемъ выдержку, говоритъ, что Бакунинъ выѣхалъ изъ Парижа для агитаціи въ Россіи *).

Тотчасъ послѣ этого выѣзда изъ Парижа Бакунинъ написалъ. 17 Апр. 1848 г., слѣдующее письмо Анненкову изъ Кёльна:

Любезный другъ Анненковъ, я такъ спѣшилъ и забѣгался въ послѣдній день въ Парижѣ, что не успѣлъ даже проститься съ вами

*) Въ „Neue Fr. Presse“ Руге ставитъ въ кавычкахъ слова: „чтобы направиться на русскую границу, и сдѣлать что нибудь для русской революціи“, какъ будто слова самого Бакунина.

и съ Тургеневымъ. Вы не можете себѣ вообразить, какъ мнѣ это было грустно, но въ послѣднее время я былъ какъ сумасшедшій, не могъ ни прійти въ себя, ни вздохнуть свободно; только здѣсь въ Германіи и, еще опредѣленнѣе, здѣсь только въ Кѣльнѣ опомнился. Во Франкфуртѣ я все еще былъ какъ въ лихорадкѣ; здѣсь лихорадка невозможна, потому что, несмотря на все мнимое, кажущееся движеніе, здѣсь царствуетъ филистерское спокойствіе. Странная вещь! Большая часть Германіи въ безпорядкѣ, но безъ собственной революціи, что не мѣшаетъ нѣмцамъ говорить, запивая рейнвейномъ: „*innere Revolution*“. Впрочемъ, въ Берлинѣ, говорятъ, живѣе, а въ Баденъ-Баденѣ, безъ всякаго сомнѣнія, уже дерутся. Отсутствіе всякой централизаціи теперь ошутительнѣе, чѣмъ когда нибудь. Въ Ахенѣ (6 часовъ ѣзды отъ Кѣльна) вотъ уже два дня какъ работники отчаянно дерутся противъ *bourgeoisie*, а здѣсь мертвое спокойствіе; правда, что клубовъ и здѣсь много, гдѣ нѣмецъ съ гордостью пользуется безопасностью слова, — но революціи здѣсь рѣшительно нѣтъ. Во Франкфуртѣ было гораздо живѣе и опять будетъ живо въ Маѣ мѣсяцѣ, когда соберутся депутаты со всѣхъ странъ Германіи. Я познакомился тамъ, по крайней мѣрѣ, съ пятидесятью живыми, энергичными и вліятельными демократами и подружился особенно съ тремя: съ Jakobі изъ Кѣнигсберга, съ графомъ Рейхенбахъ изъ Силезіи и съ отставнымъ поручикомъ артиллеріи Willich, выгнаннымъ изъ прусской службы за распространеніе коммунистическихъ мыслей. Послѣднему ввѣрено теперь начальство надъ соединенною революціонною арміею баденскихъ крестьянъ и нѣмецкихъ выходцевъ изъ Парижа и Швейцаріи; тамъ и нашъ другъ Гервегъ теперь дѣйствуетъ; объ немъ я ничего не слышалъ.... Бѣда, если имъ не удастся, потому что реакція хотя и сломана, но обломки ея еще являются вездѣ и грозятъ безпрестанно; теперь сильны не короли и князья, но *bourgeoisie*, которая отчаянно отвергаетъ республику, какъ ведущую за собою социальные вопросы и торжество демократіи. Впрочемъ, республика въ Германіи неминуема: старая власть рушится, вездѣ лишена инициативы; анархія безъ революціи—вотъ положеніе Германіи, и только республика можетъ стать на мѣсто убитаго и брошеннаго Германскаго союза и дать единство, этотъ идеалъ всякаго нѣмца, Германіи. „*Deutsche Einheit*“—вы не можете себѣ вообразить, сколько глупостей наговорено уже на эту тему. Въ продолженіе этихъ четырнадцати дней нѣмецъ много говорилъ и хочетъ, чтобъ все, что онъ говоритъ, было напечатано. Что живо въ Германіи, это начинающійся двигаться пролетаріатъ и крестьянское сословіе; здѣсь будетъ еще революція страшная, настоящий потокъ взрывовъ; потокъ этотъ смоетъ съ лица земли развалины стараго міра, и тогда доброму, говорливому Bürger'у будетъ плохо, очень плохо. Симптомы этой революціи уже вездѣ показываются: денегъ мало, покупателей еще менѣе, фабрики останавливаютъ работы, и работники безъ работы съ каждымъ днемъ умножаются. Демократическая революція начнется здѣсь не позже двухъ или трехъ мѣсяцевъ; теперь предводители ея организуютъ мало по малу свои силы и стараются ввести единство въ революцион-

ное движеніе цѣлой Германіи; есть умные, дѣльные люди, и они дѣйствуютъ хорошо. Филистеръ же теперь занимается тремя вещами: во первыхъ, онъ готовится къ выборамъ въ германскій парламентъ, который долженъ открыться 1-го Мая въ Франкфуртѣ и долженъ рѣшить, какую форму правленія будетъ имѣть Германія: „Republik oder Monarchie“; во вторыхъ, принимаетъ всѣ возможныя мѣры противъ народа, вооружается со страхомъ пополамъ, и въ третьихъ, высылаетъ молодыхъ людей противъ Даніи для спасенія нѣмецкихъ братьевъ in Schleswig und Holstein; это Schleswig-Holstein'ское движеніе совершенно реакціонное; во главѣ его Пруссскій король: „Es soll bewiesen werden, dass die Könige auch für die deutsche Herrlichkeit und für die Würde der deutschen grossen Nation sorgen!“ И странная вещь! Нѣмецъ объявляетъ Шлезвигъ нѣмецкою землею, не смотря на то, что половина народонаселенія тамъ состоитъ изъ датчанъ; и въ Позенѣ, гдѣ нѣмецъ поселился насильственно, всякою неправдой и всѣми подлыми средствами, филистеръ не хочетъ признать... права поляковъ. Вообще позенскіе нѣмцы ведутъ себя самымъ подлымъ образомъ, что вамъ впрочемъ должно быть извѣстно изъ газетъ: для насъ это хорошо.

„Теперь нѣсколько словъ обо мнѣ: я сижу здѣсь пять дней въ ожиданіи своихъ вещей изъ Брюсселя,—но вещи не пришли и сегодня вечеромъ отправлюсь въ Берлинъ. Въ Берлинѣ пробуду не болѣе двухъ дней и оттуда прямо въ Позенъ. Сказать ли вамъ, Анненковъ: чѣмъ ближе къ сѣверу, тѣмъ становится мнѣ грустнѣе и страшнѣе“....

Конецъ письма не сохранился).

Письмо это важно для общей характеристики Бакунина, какъ примѣръ его вѣры въ ближайшее наступленіе народной революціи,—примѣръ принятія „второго мѣсяца беременности за девятый“, говоря словами Герцена. Эта вѣра поколебалась у Бакунина только послѣ его покушенія установить революціонную коммуну въ Ліонѣ въ 1870 г. Но специально для разъясненія вопроса, куда именно и съ какими цѣлями выѣхалъ Бакунинъ изъ Франціи въ 1848 году, и это письмо (на несчастье еще безъ конца) даетъ мало.

Слѣдующее по времени и мѣсту извѣстіе объ этомъ пребываніи Бакунина въ Германіи мы имѣемъ въ замѣткахъ Арн. Руге. Во время взрыва революціоннаго движенія въ Германіи Руге былъ въ Лейпцигѣ. Дѣла дошли до агитаціи въ пользу выборовъ въ германскій предварительный парламентъ (Vorparlament). Саксонское патріотическое общество (Vaterlandsverein) должно было поставить своихъ кандидатовъ. Руге былъ въ числѣ ихъ, но комитетъ общества былъ къ нему не расположенъ. Назначенъ былъ митингъ въ Odeum. Руге присутствовалъ,—какъ въ это время ему доложили, что одинъ господинъ изъ Парижа желаетъ его видѣть.

„Я сказалъ, говорить Руге, что буду занятъ на нѣсколько часовъ. Тогда мнѣ передали карточку съ именемъ Бакунина. Этому я не могъ противустоять. Я поспѣшилъ выйти и нашелъ его въ коляскѣ.

— „Садись сюда, закричалъ онъ,—брось своихъ филистеровъ и поѣзжай со мной въ Hôtel de Pologne. Я тебѣ имѣю разсказать безконечно много.

„Я протестовалъ и просилъ его дать мнѣ пару часовъ времени, выражая твердое убѣжденіе, что въ мое отсутствіе меня вычеркнутъ изъ списка кандидатовъ.

— „Пойдемъ, старый другъ, мы выпьемъ бутылку шампанскаго, а тѣхъ оставимъ выбирать, кого они хотятъ. Ничего изъ этого не выйдетъ—однимъ обществомъ упражненія въ краснорѣчіи больше и больше ничего. Ты развѣ много ожидаешь?

— „Не очень много. Но нельзя же ихъ бросить. Одни они не выпутаются изъ затрудненій.

— „Ну, такъ ты, наконецъ, дѣйствуешь лишь изъ состраданія! Исторія будетъ испорчена еще разъ,—и если тебя при этомъ не будетъ, то ты не будешь въ отвѣтъ. Ну, садись сюда!

„Я далъ себя уговорить, и то, что я предполагалъ, случилось: патріотическое общество отбросило мою кандидатуру.

„Бакунинъ былъ Парижемъ совсѣмъ не доволенъ. Движеніе, казалось ему, ослабѣваетъ и навѣрно наступитъ поворотъ назадъ. Уже то, что оставили безъ помощи Испанію и Италію,—ошибка, а о нѣмецкой и славянской революціи не имѣютъ тамъ никакого понятія, и съ большимъ трудомъ удалось ему получить средства на агитацію въ Россіи; онъ хочетъ съ этой цѣлью отправиться въ Бреславль, чтобъ быть ближе къ русской границѣ. Изъ парижскихъ политиковъ онъ особенно сблизился съ de Flotte, который впрочемъ соглашается съ нимъ въ томъ, что революція слабѣетъ и что враждебные ей элементы поднимаются“.

Во время этого разговора Альтгаусъ принесъ вѣсть о паденіи кандидатуры Руге, и когда послѣдній упрекнулъ въ винѣ этого и Бакунина, который его увлекъ изъ Odeum, Бакунинъ утѣшалъ его: „ну, когда пойдетъ наша славянская революція, мы тебя вознаградимъ за неблагодарность этихъ саксонскихъ филистеровъ, такъ какъ ты больше сдѣлалъ для умственного возбужденія нашего времени, чѣмъ полный Odeum тѣхъ людей. Къ тому же ты принадлежишь не Саксоніи и не Лейпцигу, а Берлину.

„Я отвѣтилъ: За исключеніемъ твоей слишкомъ высокой оцѣнки моихъ заслугъ, я съ тобою вполне согласенъ.

„Такъ прошелъ у насъ этотъ вечеръ и мы скорѣе слишкомъ много, чѣмъ слишкомъ мало предавались юмору и легкому разговору; до глубокой ночи оставались мы вмѣстѣ и всякій разъ, когда я собирался уходить, мой любезный русскій удерживалъ меня, восклицая: Руге, ты знаешь, что утрачено во мгновеніе, того никакая вѣчность не возвратитъ“.

„На другое утро онъ уѣзжалъ въ Бреславль, чтобъ завести сношенія (въ Россіи) съ поповичами, отъ которыхъ онъ ждалъ чувствительности къ идеямъ времени. Бакунинъ тогда очень далеко зашелъ съ коммунизмомъ. Революція, съ ея рѣшительными политическими за-

дачами, пошла нѣсколько на перерѣзъ всей социалистической партіи, и Бакунинъ отбросилъ ее сначала на своихъ поповичей, послѣ на славянскій парламентъ и на возстаніе въ Прагѣ; въ Парижѣ, гдѣ социализму дали слово въ Люксембургскомъ дворцѣ, не умѣлъ предложить ни одного исполнимаго проэкта". (Arn. Ruges, Briefwechsel etc., II, 42—45).

Когда наступили выборы во Франкфуртскій парламентъ, Бакунинъ вызвалъ Руге изъ Лейпцига въ Бреславль, обѣщая ему тамъ успѣхъ въ кандидатурѣ и прежде всего поддержку своего хозяина, купца St.... (Тамъ же, 46).

О положеніи самага Бакунина въ Бреславлѣ Руге рассказываетъ такъ: „Бакунинъ завязалъ многочисленныя знакомства и охотно принимался всюду ради своей симпатичной и остроумной личности. Для своей цѣли онъ собралъ около себя нѣсколько русскихъ; онъ вступилъ въ сношенія съ чехами, и тогда было положено, что въ Прагѣ соберется конгрессъ славянъ, для того чтобъ различныя племена ихъ могли придти къ соглашенію“. (Тамъ же 49).

Къ сожалѣнію и эти извѣстія о планахъ Бакунина довольно темны. Интересно было бы знать болѣе, что за поповичи (Popensöhne), на которыхъ возлагалъ надежды Бакунинъ. Должно быть это былъ первый „безпardonный“ элементъ, на революціонность котораго рассчитывалъ Бакунинъ. Какого рода были тѣ русскіе въ Бреславлѣ, которыхъ собралъ около себя Бакунинъ? Въ тѣ времена въ Бреславлѣ бывали иногда изъ Россіи медики, но единицами, да купцы и ихъ прикащики, тоже въ незначительномъ количествѣ. Во всякомъ случаѣ это Бреславльское собраніе русскихъ около Бакунина, должно быть, осталось безъ всякихъ результатовъ, такъ какъ даже въ Прагу на конгрессъ славянскій, никто изъ нихъ съ Бакунинымъ не поѣхалъ *).

Обстоятельная исторія пражскаго съѣзда, который открылся 1 Юня 1838 г. и прерванъ былъ 12 Юня, еще не написана, а поэтому нѣтъ прочной основы не только для оцѣнки участія въ немъ Бакунина, но даже для прагматическаго разсказа объ этомъ участіи. Въ Россіи же почти никому не извѣстны и тѣ свѣдѣнія о пражскомъ съѣздѣ и о послѣдовавшихъ за нимъ событіяхъ, которыя обнародованы за границей, а потому мы должны будемъ здѣсь говорить не только специально о дѣятельности Бакунина въ это время, но и о самихъ условіяхъ ея **).

*) Герценъ въ своей статьѣ о Бакунинѣ, писанной по случаю его пріѣзда въ Лондонъ. („Колоколъ“, № 119—120) говоритъ, что „въ Бреславлѣ собирався польско-славянскій съѣздъ“ передъ пражскимъ. Намъ ничего не извѣстно объ этомъ съѣздѣ.

*) Пособіями нашими будутъ главнымъ образомъ статья въ „Casopis českého muzea“ 1848 и брошюра Jana M. Cerného „Slovensky zjezd w Praze roku 1848 Na pametku ctyricitiletou“ (V Praze, 1888). Jakuba Maleho, „Nase znovuzrozeni“. (V Praze, 1880). Протоколы съѣзда не были напечатаны. Поляки и югославы вывезли протоколы своихъ секцій, уѣзжая изъ Праги въ началѣ уличныхъ безпорядковъ 12 Мая; остальные сложены въ чешскомъ музеѣ и были забраны тамъ военными властями и переданы военному суду, который разбиралъ дѣло этихъ безпорядковъ.

Собственно говоря, положеніе Бакунина на пражскомъ сѣздѣ было не совсѣмъ естественно, въ соотвѣтствіе двойственности значенія самаго сѣзда. Непосредственная, вполне практическая цѣль сѣзда была опредѣленіе политическаго положенія австрійскихъ славянъ въ виду національно централистическихъ стремленій политиковъ венгерскихъ и нѣмецкихъ. Первые добились для себя весьма либеральныхъ уступокъ отъ австрійскаго императора, но желали сохранить и даже расширить гегемонію мадьярскаго племени надъ всѣми другими племенами короны св. Стефана: славянами, румынами и даже нѣмцами. Политики же нѣмецкіе, въ томъ числѣ особенно либеральные,—желали включить въ предположенную ими нѣмецкую имперію, конституцію которой тогда вырабатывалъ парламентъ во Франкфуртѣ,—также и всѣ австрійскія провинціи, нѣкогда считавшіяся въ составѣ Священной римско-германской имперіи и съ 1815 г. въ Германскомъ Союзѣ, со всѣмъ ихъ славянскимъ и итальянскимъ населеніемъ. Для славянъ не была выгодна ни мадьярская гегемонія въ Венгріи, ни перспектива нѣмецкой гегемоніи въ будущей Германской имперіи, въ которой славяне составили бы меньшинство, обреченное на то подчиненіе, въ которомъ напр. теперь находятся познанскіе поляки. Поэтому среди австрійскихъ славянъ 1848 г. оппозиція противъ мадьярскихъ и нѣмецкихъ стремленій проявилась въ двухъ направленіяхъ: первое предпочитало сохраненіе австрійскаго status quo, второе желало обращенія Австріи въ федеральную державу съ равноправностію національностей,—монархическую Швейцарію, какъ иногда говорилось.

Для послѣдней цѣли австрійскимъ славянамъ необходимо было согласиться въ цѣляхъ и средствахъ. Хорватскій писатель Кукульевичъ подалъ первый мысль о сѣздѣ; а чехи, которые считали свое положеніе особенно угрожаемымъ стремленіями франкфуртскаго парламента, подхватили эту мысль,—и сѣздъ славянскій былъ созванъ на 30 Мая 1848 г. въ Прагѣ.

Но созывающіе не ограничились одними австрійскими славянами. Идея всеславянскаго общенія, которая въ 40-е годы разрабатывалась въ литературѣ разныхъ славянскихъ народовъ, заставила организаторовъ пражскаго сѣзда позвать туда и неавстрійскихъ славянъ, хотя бы въ качествѣ гостей. Нѣкоторымъ практическимъ побужденіемъ къ тому было особое положеніе поляковъ. Собственно-австрійскимъ,—галицкимъ,—полякамъ не было практической необходимости въ сѣздѣ славянскомъ, такъ какъ Галиція не входила ни въ число земель венгерской короны, ни въ Германскій союзъ, и ничто не угрожало въ ней польской національности. Венгерскіе и австро-нѣмецкіе національные централисты надѣялись по этому, что поляки совсѣмъ не примутъ участія въ славянскомъ сѣздѣ. Но поляки прусскіе,—познанскіе,—оказались въ иномъ положеніи, такъ какъ прусское правительство, очевидно въ расчетъ на болѣе успѣшное подавленіе польскаго сепаративнаго движенія въ Познани, если и эта провинція будетъ введена въ число земель германскихъ, предписало и познанцамъ послать своихъ представителей въ парламентъ франкфуртскій. Познанскіе поляки такимъ образомъ оказались въ томъ положеніи,

какого боялись чехи,—и у поляковъ явился практическій резонъ искать опоры въ другихъ славянахъ для охраны своей національности въ Познани. Кромѣ того въ Галиціи русины (малоруссы) заявили желаніе освободиться отъ супрематіи поляковъ,—поднять былъ даже вопросъ о раздѣленіи Галиціи на двѣ части: западную, польскую, и восточную—русинскую. Галицкіе поляки могли надѣяться, что посредничество другихъ славянъ поможетъ улаженію польско-русинскихъ разногласій.

Но участіе въ пражскомъ сѣздѣ неавстрійцевъ, поляковъ познанскихъ, логически, или по крайней мѣрѣ діалектически,—повело за собою приглашеніе и всѣхъ другихъ славянъ—балканскихъ и русскихъ. Но передъ славянами балканскими стоялъ въ первой линіи вопросъ освобожденія ихъ отъ турокъ, врядъ ли возможного безъ военнаго вмѣшательства Россіи,—а славянскій вопросъ въ Россіи состоялъ въ освобожденіи поляковъ, невозможномъ безъ общей политической свободы. Такимъ образомъ участіе неавстрійскихъ славянъ въ пражскомъ сѣздѣ собственно парализовало дѣятельность австрійскихъ славянъ, крайне усложняя задачи сѣзда и вывода ихъ за предѣлы силъ австрійскихъ славянъ, которые все же составляли на сѣздѣ огромное большинство. (Члены сѣзда раздѣлились по специальностямъ такъ: 237—вступили въ секцію чешско-моравско-силезско-словацкую, 62—въ польско-русинскую, 42—словено-хорватско-сербско-далматинскую.

Между неавстрійскими членами сѣзда оказались познанскій полякъ Либельтъ,—членъ франкфуртскаго парламента, тщетно отстаивавшій въ немъ автономію Познани,—и Бакунинъ, принадлежавшіе оба къ числу самыхъ талантливыхъ, самыхъ образованныхъ и самыхъ либеральныхъ членовъ сѣзда, которые способны были оказывать наиболѣе сильное личное вліяніе на товарищей. Хотя и гости, Либельтъ и Бакунинъ, были избраны въ число членовъ дипломатическаго комитета и получили вмѣстѣ съ Захомъ миссію составить проэктъ воззванія къ европейскимъ народамъ *). Проэктъ этотъ окончательно редактированный Палацкимъ, былъ принятъ въ общемъ собраніи сѣзда и можетъ считаться въ извѣстной мѣрѣ за сочиненіе Бакунина, который во всякомъ случаѣ раздѣлялъ его основныя мысли.

Манифеста этого достаточно, чтобъ снять съ пражскаго сѣзда обвиненіе въ реакціонности, которое наброшено было на него современными національными либералами нѣмецкими и мадьярскими и ко-

*) Захъ былъ мораванъ, но служилъ при сербскомъ князѣ и въ спискѣ членовъ помѣченъ былъ *mogavan za Srbia*. Ширингеръ говоритъ: „хотя по официальной программѣ неавстрійскіе славяне должны были считаться только гостями, но въ дѣйствительности они имѣли наибольшее вліяніе на переговоры. Порядокъ занятій составилъ лужичанинъ, основы важнѣйшихъ мемуаровъ предлагалъ сербскій княжескій чиновникъ, по имени Захъ и Либельтъ изъ Познани, наибольшую жизнь въ конфиденціальныя собранія секцій вносилъ русскій, Бакунинъ“. (А. Springer. *Geschichte Oesterreichs seit dem Wiener Frieden 1809*. II. B., 333).

торое, съ ихъ голоса повторялось иногда и въ Россіи,—напр. въ радикальныхъ „Отеч. Запискахъ“ 70-хъ годовъ. Манифестъ провозглашалъ внѣшнюю и внутреннюю свободу всѣхъ народовъ и оканчивался даже предложеніемъ общаго европейскаго конгресса народовъ. Славянофильство въ манифестѣ этомъ можно усмотрѣть развѣ въ увѣреніи, что славяне никогда не притѣсняли другихъ народовъ, какъ завоеватели романскіе и германскіе, тогда какъ и теперь „свободный британецъ отказывается ирландцу въ полной національной самостоятельности, нѣмецъ угрожаетъ принужденіемъ славянскимъ племенамъ, а мадьяринъ не стыдится признавать въ Венгріи національныя права только за своимъ племенемъ“. Если въ этихъ словахъ и есть національное самообольщеніе, то во всякомъ случаѣ такое, которое не угрожало никому.

Кромѣ вышепоказанныхъ комитетовъ Бакунинъ, означенный въ общемъ списокѣ членовъ, какъ rossijanin, т. е. великоруссъ, былъ зачисленъ въ польско-малорусскую секцію. (zbor polskorusinski) состоявшую изъ галичанъ и буковинцевъ, т. е. поляковъ и русиновъ (малороссовъ) кромѣ Олимпія Милорадова, старообрядческаго священника изъ великорусской колоніи Бѣлая Криница въ Буковинѣ, который въ общемъ списокѣ членовъ означенъ z Galicyi Rossijanin *). Отъ этой секціи Бакунинъ былъ назначенъ посломъ-посредникомъ на секцію словено-хорватско-сербско-далматскую.

Бакунинъ сдѣлалъ съѣзду какое то предложеніе, о которомъ чешскій современный историческій обзоръ съѣзда (Historicka sprava o zjezdu slovanském) говоритъ: „предложеніе Либельта и Бакунина не могло быть принято потому, что не относилось спеціально къ славянамъ въ Австріи, но брало во вниманіе и другія вѣтви, внѣ австрійскія“ (Casopis Českého Museum. 1848, díl druhý, 12). Такъ какъ протоколы съѣзда не напечатаны, то намъ неизвѣстно точно, въ чемъ собственно состояло предложеніе Бакунина. Вѣроятно, оно было въ смыслѣ статьи его, напечатанной тогда же въ польской газетѣ „Dziennik Domowy“, которую мы даемъ въ приложеніи по нѣмецкому тексту ея, напечатанному въ „Slavische Jahrbücher“, 1848. Суть этой статьи сводится къ проекту установленія всеславянскаго совѣта, который бы посредничалъ между разными славянскими племенами, соединенными въ братскій союзъ и устранялъ бы между ними всякія противныя братству дѣйствія. Вся эта концепція славянскаго братства не только утопична для тогдашняго, какъ и нынѣшняго положенія дѣлъ, но и вполне идилична и совсѣмъ не занималась собственно политическими, конституціонными подробностями вопроса,—такъ что въ этомъ уступаетъ программамъ Кирило-Методіевскаго братства Костомарова

*) Поляки отиѣтили себя въ общемъ списокѣ буквою М., т. е. Mazur, соотвѣтственно тому взгляду, который признавалъ, что и русины, какъ и мазуры, только разновидность поляковъ. И. Либельтъ помѣченъ не полякомъ, а великополяниномъ (W. P.) изъ Познани. Либельтъ председательствовалъ въ польско-малорусской секціи, Эдм. Хоецкій, который послѣ былъ пріятелемъ Герцена, отиѣтилъ себя мазуромъ съ Украйны!!

1846—1847 г., и даже предложеніямъ Либельта пражскому съѣзду 1848 г. *). Соціалистическая тенденція въ слабой степени представлена въ статьѣ Бакунина въ видѣ желанія, чтобъ каждый славянинъ имѣлъ право на земельный участокъ въ общей территоріи славянской,—но и это желаніе выражено нѣсколько туманно.

Вообще съѣздъ принялъ нѣсколько рѣшеній, которыя могли имѣть непосредственное значеніе относительно дѣлъ австрійскихъ славянъ и которыя имѣли цѣлью превращеніе Австріи въ федерацію равноправныхъ народностей. Относительно же не-австрійскихъ славянъ съѣздъ ограничился платоническими пожеланіями, которыя изложены были еще передъ его открытіемъ въ программѣ его занятій:

„Если бы наше слово могло быть уважено внѣ Австріи, то мы бы высказались за улаженіе русско-польскихъ споровъ и объ освобожденіи славянъ изъ подъ ярма турецкаго. Между русскими и поляками идетъ дѣло главнымъ образомъ о прочномъ опредѣленіи правъ обѣихъ народностей. Когда оно наступитъ, то настанетъ само собою соглашеніе между тѣми могучими славянскими народами. Пусть свѣтъ свободы, который свѣтитъ намъ, австрійскимъ славянамъ на пути къ единству, приведетъ также русскихъ и поляковъ къ пристани. О, еслибъ дѣйствительно, русскій народъ увидалъ свѣтъ свободы въ своей родинѣ!“.

Далѣе слѣдуютъ такія же пожеланія освобожденія славянъ въ Турціи, „подъ знаменемъ благороднаго народа сербскаго“, и наконецъ пожеланіе, чтобъ „просвѣщенное правительство саксонское не угнетало малаго и безвреднаго народа лужичанъ“, а Пруссія отказалась отъ систематической германизации славянъ въ Силезіи, Нижней Лужицѣ, въ западной и восточной Пруссіи“. О Познани не сказано, очевидно, потому, что польскій характеръ ея ставился внѣ спора.

Славянскій съѣздъ успѣлъ оформить только одно изъ своихъ постановленій: манифестъ къ европейскимъ народамъ, который былъ одобренъ въ собраніи 12 Іюня. На 14 Іюня было назначено постановленіе рѣшеній по другимъ вопросамъ. Но уже 12-го началось въ Прагѣ возстаніе, которое положило конецъ работамъ съѣзда и во время котораго разсѣялись и его бумаги.

Мы привели выше слова Руге о томъ, что Бакунинъ возлагалъ большія надежды на святодуховское возстаніе въ Прагѣ, и приведемъ дальше чешскія показанія о томъ какое участіе принималъ въ немъ Бакунинъ. Надо намъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ возстаніи.

*) Программы Костомаровскаго братства сведены въ „Русскомъ Архивѣ“ 1893, № 7,—а предложенія Либельта, см. въ названной статьѣ чешскаго музея, прил. VI. Программа Костомарова хотя и утопическая для своего времени, все таки выставляетъ опредѣленные политическія формы славянскаго единства: она проэктируетъ славянскіе соединенные штаты съ правительствами областными и федеральнымъ, при чемъ предлагаетъ раздѣленіе и Россіи на политическія области этнографическія и географическія, какъ напр. по нѣскольку областей малорусскихъ и великорусскихъ.

Причины возстанія этого лежать въ тогдашнемъ крайне запутанномъ и возбужденномъ состояніи всей Австро-Венгріи и въ частности чеховъ. Чехи, въ своемъ стремленіи къ автономіи имѣли противъ себя и придворно-военную партію и національно-либеральныхъ нѣмцевъ и въ частности нѣмцевъ Богеміи съ Прагой. Сами они раздѣлялись на разныя партіи, изъ которыхъ одни думали достигнуть цѣли переговорами съ династіей, другіе черезъ—парламентаризмъ, третьи—черезъ народное возстаніе. Настроеніе въ Прагѣ и войска и населенія было таково, при которомъ, какъ говорится, ружья сами стрѣляютъ. Въ первые часы послѣ мартовскихъ волненій въ Вѣнѣ, чехи и въ частности городъ Прага получили нѣкоторыя уступки правительства и между прочимъ народную гвардію (Svornost) одинъ изъ легіоновъ которой, по примѣру Вѣны, составили студенты. Отряды этой гвардіи составляли почетный караулъ славянскаго съѣзда и находились въ общеніи, особенно студенты, съ болѣе радикальными его членами.

Ближайшимъ поводомъ ко взрыву возстанія было назначеніе въ Прагу командиромъ войскъ и верховнымъ начальникомъ администраціи кн. Авг. Шварценберга, извѣстнаго за реакціонера, которому приписывали изреченіе: „для меня человѣкъ начинается съ барона“. Назначеніе это оживило консерватизмъ нѣмецкой части населенія въ Прагѣ, которое составило „Союзъ спокойствія и порядка“ (Verein für Ruhe und Ordnung) и раздражило чеховъ. Тотчасъ по вступленіи въ должность, кн. Шварценбергъ издалъ полицейскія правила, между прочимъ ограничившія демонстративныя движенія около чешскаго музея, гдѣ засѣдалъ славянскій съѣздъ. Студенты, послѣ уличнаго митинга, послали депутацію Виндишгрецу требовать отмены его распоряженій, какъ оскорбительныхъ для съѣзда, и выдачи ихъ легіону 60.000 патроновъ (11 Іюня). Когда Виндишгрецъ отвѣтилъ отказомъ, изъ депутаціи раздались рѣзкія противъ него восклицанія. По городу пошли слухи, что студенты готовятся сдѣлать противъ Шварценберга демонстрацію съ обычной въ такихъ случаяхъ въ Германіи и Австріи „кошачьей музыкой“.

12 Іюня, въ День Святого Духа, на одной изъ площадей Праги священникъ служилъ обѣдню. По городу пошли слухи, что это славянская обѣдня и что послѣ нея будетъ „братаніе“, чешскихъ студентовъ и рабочихъ противъ войскъ и нѣмцевъ. Толпа собралась значительная. Когда послѣ обѣдни часть ея проходила мимо дома Виндишгреца, изъ него выходила депутація „Союза спокойствія и порядка“. Пѣсни, которыя пѣла толпа, приняты были во дворѣ Виндишгреца, гдѣ были собраны солдаты, за „кошачью музыку“,—а можетъ быть среди пѣвшей толпы и были такіе, которые пустили въ ходъ такую музыку. Солдаты выскочили изъ двора и стали разгонять толпу холоднымъ оружіемъ. Толпа бросилась на улицы съ крикомъ: „насъ бьютъ!“ и начала строить баррикады. Къ мѣстамъ безпорядка стали собираться солдаты,—и въ то время, по показаніямъ, которыя повторяетъ и Яковъ Малый въ его исторіи чешскаго возстанія (Jakub Malý, — Nase znovuzrození. V Praze 1880 I—VI) .раздались первые выстрѣлы по войскамъ изъ дома гостиницы Голубой Звѣзды, гдѣ жилъ Бакунинъ и нѣкто-

рые поляки, члены съѣзда, началась перестрѣлка, жертвой которой была между прочимъ и жена Шварценберга, подошедшая къ окну. Къ вечеру, впрочемъ, баррикады по главнымъ улицамъ были очищены солдатами.—но нѣкоторыя большія зданія, въ томъ числѣ семинарія (Clementinum), университетъ и почти вся высокая часть города, Старая Сторона, находились въ рукахъ возставшихъ. Между прочимъ въ рукахъ студентовъ оказался и начальникъ губерніи, Левъ Тунъ.

На другой день граждане Праги отправили депутацію къ Шварценбергу для мирныхъ переговоровъ, которые протянулись три дня, когда въ городѣ была относительная тишина.

Между тѣмъ кн. Шварценбергъ вывелъ изъ города большую часть войскъ и поставилъ ее вокругъ города на высокихъ мѣстахъ,—что и дало ему возможность потомъ бомбардировать городъ. Это, въ сущности зловѣщее, отступленіе войскъ осмѣлило возставшихъ,—и кто то изъ нихъ выставилъ на улицахъ объявленія, которыя излагали требованія: установленія временнаго правительства Богеміи, отвѣтственного богемскаго министерства и особой національной арміи. Со стараго города стали учашенно, хотя совершенно напрасно, стрѣлять черезъ рѣку по солдатамъ, которые стояли въ т. наз. Моломъ городѣ.

Между тѣмъ въ Прагу прибыли два комиссара вѣнскаго министерства. 15 Іюня они согласились съ членами городской управы на томъ, что баррикады будутъ оставлены и Виндишгрецъ пойдетъ въ отставку, на что соглашался и послѣдній. Уже соглашеніе это было возвѣщено по улицамъ 16 Іюня, какъ опять часть возставшихъ начала стрѣльбу со Стараго города по берегу рѣки. Виндишгрецъ объявилъ себя свободнымъ отъ всякихъ условій и началъ бомбардировку города. Послѣ первыхъ выстрѣловъ Виндишгрецу предложена была представителями города сдача на извѣстныхъ условіяхъ,—но генераль требовалъ безусловной сдачи и выдачи заложниковъ, хотя и прекратилъ канонаду. Но въ это время опять стали стрѣлять со стараго города,—и бомбардированіе было возобновлено. Ночной пожаръ впрочемъ напугалъ городъ,—и Прага сдалась безусловно и поступила въ управленіе Шварценберга на военномъ положеніи. (См. описаніе этихъ событій у Шпрингера, II, 342—347 и Малаго, II, 77—81).

I. Иречекъ характеризуетъ это святодуховское возстаніе, говоря, что никто изъ дѣйствовавшихъ въ немъ мѣщанъ и студентовъ не могъ сказать, какія оно имѣетъ цѣли, что никакой системы въ направленіи его не было, а только всякій разъ, когда близилось соглашеніе съ Виндишгрецомъ, стрѣльба гдѣ нибудь возобновлялась на сторонѣ возставшихъ. „Позже, говоритъ чешскій писатель, выяснилось, что тайное правительство возстанія сидѣло въ Клементинумѣ. Тамъ сидѣлъ Бакунинъ съ своею компанеіей около стола, на которомъ лежали планы Праги, и оттуда давалъ приказанія о продолженіи сопротивленія“. (Maly, II, 81).

Первымъ послѣдствіемъ этого святодуховскаго возстанія было прекращеніе славянскаго съѣзда. Уже 12 Іюня начальникъ народной гвардіи, кн. Лобковицъ посовѣтовалъ польскимъ, хорватскимъ и сербскимъ членамъ съѣзда уѣзжать изъ Праги, что многіе изъ нихъ и сдѣлали. 16 Іюня, по прекращеніи бомбардировки, часть оставшихся

членовъ собралась было для продолженія обсужденій, но когда бомбардированіе возобновилось, то члены съѣзда объявили его отсроченнымъ и разошлись.

Для чеховъ вообще послѣдствіемъ востанія было неисполненіе тѣхъ уступокъ, которыя привезли изъ Инсбрука (куда удалился изъ Вѣны императоръ) какъ разъ во время возстанія чешскіе депутаты гр. Ностицъ и Ригеръ. Надо прибавить, что въ числѣ самыхъ горячихъ возбудителей возстанія, призывавшихъ пражанъ строить баррикады, былъ словакъ, членъ слав. съѣзда, Туранскій, который оказался шпиономъ и провокаторомъ, посланнымъ венгерскимъ правительствомъ съ цѣлью скомпрометировать съѣздъ. (Springer, II, 340—341).

Послѣ бомбардировки Праги Бакунинъ убѣжалъ въ Германію. Тамъ онъ скрывался въ Берлинѣ, Дессау, Котенѣ и др., и въ Апрѣлѣ 1849 г. явился въ Лейпцигъ, въ кружкѣ студентовъ-чеховъ. Объ этой порѣ жизни Бакунина даютъ нѣкоторое понятіе воспоминанія Августа Рёккеля (Aug. Röckel—*Sachens Erhebung und das Zuchthaus zu Waldheim*, 1865, Frankfurt a M., bei E. Adelmann). По словамъ Рёккеля Бакунинъ ожидалъ, что скоро возстанетъ Чехія и желалъ замедлить это возстаніе, пока подготовится таковое въ Германіи. Для этого онъ послалъ Рёккеля въ Прагу,—но эмисаръ нашелъ Богемію весьма далекою отъ востанія. Въ это время Бакунинъ издалъ въ Кетенѣ по нѣмецки „Воззваніе къ Славянамъ“ (Aufruf an die Slaven), переводъ котораго мы даемъ въ Приложеніи *). Брошюра эта, полная благородныхъ намѣреній служить свободѣ и братству народовъ, не могла впрочемъ имѣть никакого непосредственного практическаго значенія, хотя такова была ея цѣль,—такъ какъ прежде всего среди самыхъ нѣмцевъ (не говоря уже о мадьярахъ) не было сколько нибудь значительнаго элемента, готоваго признать права славянъ на политическое равенство съ нѣмцами. Кромѣ того совѣтъ Бакунина славянамъ работать для разрушенія Австріи совершенно не соотвѣтствовалъ дѣйствительнымъ условіямъ австрійскихъ земель, въ которыхъ національности такъ перемѣшаны, что раздѣленіе ихъ невозможно, а потому раціональною можетъ быть только цѣль превращенія Австріи въ федеральное государство въ родѣ Швейцаріи, а вовсе не распаденія этого государства по принципу этнографическому.

Врядъ ли нужно пускаться въ критику той части брошюры Бакунина, которая касается Россіи,—гдѣ авторъ предлагаетъ австрійскимъ славянамъ взять на себя инициативу освобожденія поляковъ и русскихъ, а въ то же время увѣряетъ ихъ, что Россія готова къ революціи.

Ко времени написанія Бакунинымъ „Воззванія къ славянамъ“ относятся слова Герцена, въ статьѣ, писанной сейчасъ послѣ появленія Бакунина въ Лондонѣ къ началу 1862 г. „Оставивъ Прагу, Ба-

*) „Воззваніе“ Бакунина было напечатано и по чешски Сабіною въ его газетѣ „Noviny Slavenske“,—что вызвало осужденіе даже въ журналѣ Гавличка „Nar. Noviny“, 1849, № 18.

кунинъ сдѣлалъ опытъ, въ противность Палацкому, соединить славянскихъ демократовъ съ венгерцами, искавшими независимости, и съ нѣмецкими революціонерами. Союзъ этотъ былъ составленъ съ многими поляками, на него отъ венгровъ пріѣзжалъ гр. Л. Телеки. Бакунинъ, желая скрѣпить собственнымъ примѣромъ союзъ, принялъ главное управленіе въ защитѣ Дрездепа; тамъ онъ покрылъ себя славой, которой не отрицали его враги“. (Колоколь, № 119—120, 15 Янв. 1862).

Какъ извѣстно, многіе поляки приняли активное участіе въ венгерскомъ возстаніи 1848—1849 гг., но это не имѣло никакого вліянія на отношенія между другими славянами и венграми,—такъ какъ поляки никакихъ внутреннихъ дѣлъ, общихъ съ венграми не имѣютъ,—не то, что славяне въ земляхъ, которыя венгерскіе націоналисты называютъ достояніемъ короны Св. Стефана, и въ которыхъ они не признаютъ и теперь равноправія другихъ національностей съ венгерскою. Въ 1848 же году венгерское правительство Кошута, которое стало потомъ во главѣ возстанія, явно было противно всѣмъ славянскимъ стремленіямъ и даже поставило официальныхъ представителей на франкфуртскомъ парламентѣ, выражаясь, что нѣмцы представляютъ въ Австріи передъ славянами „элементъ цивилизаціи“, и настаивая на присоединеніи нѣмецко-славянскихъ земель въ Австріи и Германіи, чтобъ „Австрія не стала славянскою монархіей“ (Springer, II, 330),—по L. Szalay, *Diplomatische Actenstücke zur Beleuchtung der ungarischen Gesandtschaft in Deutschland*. Zürich, 1849). Что до предположеннаго Бакунинымъ союза славянъ съ нѣмцами, въ 1848 г., то самъ же Герценъ писалъ въ той же вышеупомянутой статьѣ, которая была, очевидно, писана при помощи Бакунина: Бакунинъ страшно заплатилъ за благородную ошибку, за несбыточную мечту общаго дѣйствія съ нѣмецкими демократами. У большей части нѣмцевъ слишкомъ развита племенная ненависть къ намъ. Мы знаемъ, что нѣмецкій общественный дѣятель работаетъ въ пользу нѣмецкаго народа, не удивляемся этому и уважаемъ его. Но нѣмецъ ждетъ отъ русскаго и славянина, чтобъ онъ презиралъ свой народъ и несъ бы нѣмецкую цивилизацію своимъ дикарямъ“... Когда Бакунинъ сидѣлъ въ саксонской крѣпости Кенигштейнѣ, ожидая смертнаго приговора, въ газетѣ К. Маркса явилось извѣстіе, будто Бакунинъ былъ агентомъ русскаго правительства.

Возстаніе Саксоніи произошло подъ предлогомъ требованія приведенія въ исполненіе конституціи, выработанной германскимъ парламентомъ въ Франкфуртѣ, которой не признали ни прусскій король, отказавшійся принять предложенную ему этимъ парламентомъ 2 Апр. 1849 г. карту Германіи, ни Австрійское правительство, отозвавшее депутатовъ-австрійцевъ изъ франкфуртскаго парламента. Бакунину въ Дрезденѣ пришлось явиться защитникомъ франкфуртскаго парламента, противъ котораго онъ выступалъ въ Прагѣ съ славянской точки зрѣнія и къ которому и нѣмецкіе радикалы были въ свое время довольно равнодушны какъ къ слишкомъ умѣренному. Очевидно, Бакунинъ былъ увлеченъ своимъ революціоннымъ инстинктомъ, а кромѣ того,

можетъ быть, рассчитывалъ, что дрезденское возстаніе, разросшись, приметъ болѣе широкое направленіе. Съ 5 по 9 Мая Бакунинъ игралъ видную, чуть не диктаторскую, роль въ защитѣ Дрездена отъ саксонскихъ и прусскихъ войскъ. Авторъ статьи „Michael Bakunin und der Radicalismus“ въ книгѣ „Russland vor und nach dem Kriege“ (2 Aufl., Leipzig, Brockhaus, 1879) приписываетъ Бакунину накопленіе горючихъ матеріаловъ въ ратушѣ и приготовленіе осмоленныхъ вѣнковъ, которые были положены въ Цвингеръ (музей) и въ оперный театръ, послѣдствіемъ чего былъ пожаръ въ Цвингерѣ, истребившій часть его коллекцій. Герценъ рассказываетъ, что Бакунинъ совѣтовалъ революціоннымъ правителямъ въ Дрезденѣ „поставить на городскія стѣны Мадонну Рафаэля и картины Мурильо и ими защищаться отъ пруссаковъ, которые zu klassisch gebildet, чтобъ осмѣлиться стрѣлять по Рафаэлю“. (Посм. Сочиненія, 195).

8 Мая Бакунинъ держалъ рѣчь прибывшимъ изъ Лейпцига городскимъ депутатамъ о европейскомъ значеніи отчаянной защиты Дрездена, но 9-го дрезденскіе революціонеры должны были разсѣяться, или отступить къ Фрейбургу. 10 Мая Бакунинъ былъ взятъ въ Хемницѣ. Прусскій офицеръ, который его сторожилъ въ Альтенбургѣ, рассказывалъ о его непоколебимости и о томъ, какъ Бакунинъ научалъ его, что въ политическихъ дѣлахъ только успѣхъ опредѣляетъ, что великое дѣло, и что преступленіе“ (von Varchmin. Die soziale Frage, 1876, въ „Russland vor und nach dem Kriege“).

Съ Августа 1849 по Май 1850 г. Бакунинъ содержался въ крѣпости Königstein, и былъ приговоренъ къ смерти секретнымъ военнымъ судомъ, но король замѣнилъ казнь на вѣчную тюрьму. Вскорѣ Бакунинъ былъ переданъ австрійскому правительству. Въ Маѣ 1850 г. Бакунинъ былъ отправленъ скованный въ Прагу. Австрійское правительство хотѣло отъ осужденнаго на вѣчную тюрьму узнать тайны славянскаго движенія. Бакунинъ отказался отвѣчать: его около года оставили въ Грачинѣ, ничего не спрашивая. Въ Мартѣ 1851 г., напугавшись слуха, что Бакунина хотятъ освободить, его перевели въ Ольмюцъ; тамъ онъ просидѣлъ шесть мѣсяцевъ, прикованный къ стѣнѣ. Австрійскія власти опять приговорили Бакунина къ смерти, но за тѣмъ выдали его въ Россію въ Маѣ 1861. (Колоколь № 119—120).

Арнольдъ Руге рассказываетъ въ „N. Fr. Presse“ о жизни Бакунина отъ пребыванія въ Прагѣ до выдачи въ Россію, такъ:

„Не можетъ быть сомнѣнія относительно того, въ какомъ смыслѣ говорилъ онъ въ Прагѣ. Что онъ сражался храбро, объ этомъ мнѣ передавали прибывшіе въ Франкфуртъ поляки, сообщившіе мнѣ извѣстіе, которое я напечаталъ для конгресса (франкфуртскаго).

„Когда я ради управленія „Реформой“ оставилъ Франкфуртъ и переселился въ Берлинъ, то я нашелъ тамъ и Бакунина. Со времени пражскихъ событій онъ сдѣлался нѣкоторымъ образомъ бродягой и не всегда могъ спасать съ собой свои вещи. Отъ этого его элегантность значительно пострадала, и одинъ нашъ молодой другъ „изъ племени Авраамова“, который слышалъ, что объ этомъ уже было сдѣлано замѣчаніе въ обществѣ, упрекнулъ въ неопрятности Бакунина,

встрѣтивъ его у меня въ редакціи „Реформы“ и увѣщевалъ его исправиться; это произвело комическое впечатлѣніе. Бакунинъ, желая очевидно оставаться независимымъ даже въ своемъ гардеробѣ, смѣрилъ изумленнымъ взглядомъ своего увѣщевателя съ головы до ногъ и вскричалъ: „чего ему надо, этому маленькому чистенькому жиду?“ оскорбленно задымилъ своей папиросой—и не исправился.

Франкфуртъ все болѣе опускался и становился обществомъ упражненія въ разговорахъ, и центръ тяжести движенія падалъ на Берлинъ, пока и тамъ не угасло солнце отъ Ноябрьскаго переворота и король Фридрихъ Вильгельмъ IV ополчился противъ франкфуртской конституціи и противъ своего собственнаго императорства. Этотъ пріемъ, посредствомъ котораго Пруссакіи запрягли лошадей позади экипажа, бросилъ меня сначала въ Лейпцигъ, гдѣ я опять встрѣтилъ Бакунина, и замѣшалъ насъ разными способами въ дрезденское возстаніе за конституцію. Бакунинъ завелъ болѣе крѣпкія связи съ пражской молодежью и сообщилъ мнѣ свои планы. Однако я совершенно разошелся съ нимъ въ этомъ и заявилъ ему, что время заговоровъ прошло; чего нельзя достигнуть агитаціей и непосредственнымъ народнымъ движеніемъ, то еще менѣе можетъ быть достигнуто тайными союзами. Я говорилъ, что вижу въ этомъ только отчаянный шагъ и потому я рѣшительно противъ. Это объясненіе рѣшительно охладило его къ намъ, и незадолго до вспышки въ Дрезденѣ я потерялъ его совершенно изъ виду. Онъ втихомолку отправился въ Дрезденъ и жилъ тамъ, скрываясь уже изъ-за однихъ своихъ кредиторовъ давнихъ временъ.

„Какъ вдругъ вспыхнули беспорядки, потому что дрезденское правительство считало нужнымъ не допускать проведенія конституціи, что, со времени берлинскаго отреченія отъ короны, было не въ его власти; когда реакція вызвала беспорядки и кровопролитіе такимъ легкомысленнымъ поворотомъ къ насилію надъ народной волей, то, казалось, пришло время наверстать медлительность мартовскихъ дней. Дворъ бѣжалъ въ Кенигштейнъ; въ Дрезденѣ составилось временное правительство, Бакунинъ вышелъ изъ своего убѣжища и предложилъ ему свои услуги. Онъ, кажется, нѣкоторое время думалъ о совмѣстномъ дѣйствіи Праги и Дрездена. Но прусское вмѣшательство не дало достаточно времени дрезденскому народному движенію. Поднялась контръ-революція, и временное правительство бѣжало въ Хемницъ. Тамъ Гейбнеръ и Бакунинъ были арестованы и отведены въ Кенигштейнъ, отданы подъ судъ и приговорены къ смерти за государственную измѣну.

„На вопросъ, желаютъ ли подсудимые обратиться къ королю съ просьбой о помилованіи, Бакунинъ отвѣчалъ, что онъ „предпочитаетъ быть разстрѣляннымъ!“ Если бы это было сообщено невѣрно, то Гейбнеръ можетъ самъ это легко опровергнуть, чтобы намъ избѣжать необходимости обращаться за разъясненіями къ бакунинскимъ противникамъ. Тѣмъ не менѣе Бакунинъ былъ помилованъ, но потомъ, по причинамъ пражскаго возстанія, былъ выданъ Австріи подъ условіемъ, что по окончаніи слѣдствія онъ будетъ опять препровожденъ

въ Саксонію. За этотъ фактъ я также не могу поручиться. Бакунинъ, упорно отрицавшій свое вмѣшательство въ пражскія событія, былъ, наконецъ, выданъ Россіи.“

Русскій императоръ, какъ рассказываетъ Бакунинъ, пожелалъ получить отъ него записку о славянскихъ дѣлахъ. По словамъ Герцена, Императоръ Николай I, прочитавъ записку Бакунина (которую, можетъ быть, можно бы было разыскать въ архивѣ бывшаго III-го отдѣленія, ставшаго теперь довольно доступнымъ), сказалъ: „Онъ умный и хорошій малый, но опасный чело-вѣкъ; его надобно держать въ заперти“ *). (Посм. сочин. 197).

Изъ времени ареста Бакунина въ Петербургѣ есть о немъ упоми-наніе въ запискахъ бывшаго саксонскаго повѣреннаго въ Петербургѣ гр. Фицтума-фонъ-Экштадта, который передаетъ между прочимъ свой разговоръ съ кн. Г., управлявшимъ тайной полиціей. Князь Г. сначала сообщилъ своему собесѣднику довольно фактическія свѣдѣнія о такъ называемомъ „заговорѣ“ Петрашевцевъ, будто бы приготавливавшихся „съ истинно-дьявольской геніальностію“ перебить въ одинъ день въ Петербургѣ и въ провинціяхъ высокопоставленныхъ лицъ, губерна-торовъ и полицейскихъ чиновниковъ и обратить Россію въ федера-тивную республику. Далѣе кн. Г. сказалъ: я впрочемъ имѣю всѣ при-чины предполагать, что Бакунинъ, котораго вы три года тому назадъ поймали въ Саксоніи, состоялъ въ тѣснѣйшей связи съ Иваномъ Ива-новичемъ (такъ названъ у Фицтума, очевидно, Спѣшневъ, котораго кн. Г. считалъ главою „заговора“). Бакунинъ въ настоящее время здѣсь, такъ какъ австрійское правительство выдало намъ его. Я самъ допрашивалъ его. Жаль этого чело-вѣка! Не думаю, чтобъ въ русской арміи нашелся хоть одинъ артиллерійскій офицеръ, который могъ бы сравниться съ нимъ въ познаніяхъ. Въ настоящемъ случаѣ провидѣніе явно охраняло насъ, и оба преступника, какъ Иванъ Ивановичъ, такъ и Бакунинъ, поплатятся за свои происки каторгою“. (Изъ книги St. Petersburg und London in den Jahren 1852—1864,—„Русская Ста-рина“ 1887, V, 394). Сопоставляя эти слова кн. Г. съ отзывомъ самого Бакунина о Петрашевцахъ и специально о Спѣшневѣ нельзя не улыб-нуться по поводу точности свѣдѣній петербургской тайной полиціи, а между тѣмъ такія свѣдѣнія заставляли всемогущаго Императора Николая I говорить тому же Фицтуму: „le sol est miné sous mes pieds!“

*) Ив. Головинъ рассказываетъ, что записка Бакунина Императору Нико-лаю I оканчивалась словами: „за мои иностранныя преступленія судите меня, какъ русскій Государь“. (Ор. cit., 52) Г-жа Тучкова-Огарева передаетъ этотъ конецъ такъ: „Государь, за мое откровеніе простите мнѣ мои нѣмецкіе грѣхи“. (Р. Стар. 1894, XI, 20). Эти слова врядъ ли вѣрны, такъ какъ Императоръ Александръ II, читая записку Бакунина, говорилъ, что въ ней „нѣтъ никакого раскаянія“ Описаніе дороги Бакунина изъ Австріи въ Петербургъ у г-жи Огаревой до-вольно правдоподобно.—показаніе же, будто вѣсть о смерти Императора Николая I „застала Бакунина въ Соловецкомъ монастырѣ“.—странная ошибка! Бакунинъ переве-денъ былъ въ 1854 г. изъ Петроавловской крѣпости въ Петербургъ въ Шлиссельбургъ.

По словамъ Б. У. Ф., Тургеневъ, во время ареста Бакунина въ Шлиссельбургѣ, „осмѣлился просить облегченія его участи и снабжалъ его книгами, не смотря на то, что самъ былъ на дурномъ счету у имп. Николая“. (Р. Стар. 1884, Май, 396).

Дальнѣйшая исторія Бакунина довольно ярко отражена въ печатаемыхъ дальше письмахъ. Съ 1851 по 1854 г. Бакунинъ содержался въ Петропавловской крѣпости, а послѣ до 1859 въ Шлиссельбургской, потомъ поселенъ былъ въ Западной и дальше въ Восточной Сибири.

О сибирской жизни Бакунина сообщаетъ нѣчто Катковъ, но съ свойственнымъ ему озлобленіемъ и, вѣроятно, нѣсколько ретушируя по своему основу фактовъ. „Въ 1859 году, рассказывалъ Катковъ (въ „Моск. Вѣдомостяхъ“, 1870, № 4, по поводу ареста Нечаевцевъ и прокламацій Бакунинскихъ),—въ 1859 г., когда Бакунинъ еще проживалъ въ Сибири и служилъ по откупамъ, (?—по золотопромышленнымъ дѣламъ у откупщика Бенардаки? *М. Др.*); мы получили отъ него неожиданно письмо, въ которомъ онъ припоминалъ намъ о нашемъ давнемъ знакомствѣ и которое показалось намъ искреннимъ. Мы предложили ему попробовать писать въ нашъ журналъ изъ его далекаго захолустья, которое для ума живого и любознательнаго должно представлять много новыхъ и интересныхъ сторонъ. Въ теченіе 1861—1862 гг. получили мы отъ него еще два—три письма черезъ ссыльныхъ изъ поляковъ, которые, бывъ помилованы, возвращались на родину. Оказалось, что онъ жилъ въ Сибири не только безъ нужды, но и въ избыткѣ ничего не дѣлалъ и читалъ французскіе романы, но на серьезный трудъ, хотя бы малый, его не хватало. Русскую литературу онъ не обогатилъ своими произведеніями. Въ письмахъ его къ намъ проглянулъ прежній Бакунинъ: отъ нихъ вѣяло хотя благонамѣреннымъ, но пустымъ и лживымъ фантазерствомъ. Мѣстами онъ заговаривалъ тономъ вдохновенія, пророчествовалъ о будущихъ судьбахъ славянскаго міра и взывалъ къ нашимъ русскимъ симпатіямъ въ пользу польской націи. Переписки съ своей стороны мы не поддерживали. Послѣднее посланіе получили мы отъ него уже въ эпоху варшавскихъ демонстрацій. Прежній Бакунинъ явился передъ нами во всей полнотѣ своего, ничуть не поврежденнаго, существа. Онъ потребовалъ отъ нашей гражданской доблести присылки ему денегъ, по малой мѣрѣ 6000 р. Дабы облегчить для насъ это пожертвованіе, онъ дозволилъ намъ открыть въ его пользу подписку между людьми, ему сочувствующими и его чтящими, которыхъ, по его расчету, долженствовало быть не мало. Зачѣмъ же вдругъ и такъ экстренно понадобилась ему вышеозначенная сумма? Вотъ зачѣмъ: однажды его осянило сознаніе, что онъ получалъ даромъ жалованье отъ откупщика, у котораго состоялъ на службѣ, ничего не дѣлая; онъ вдругъ сообразилъ, что откупщикъ выдавалъ ему ежегодно, въ продолженіе трехъ лѣтъ, по 2000 руб. единственно изъ угожденія генералъ губернатору, которому Бакунинъ приходился сродни. Сознаніе это не давало ему-де покоя, и онъ рѣшился, во что бы то ни стало, возвратить откупщику всю въ продолженіе трехъ лѣтъ перебранную сумму. Благородный рыцарь, онъ хотѣлъ подаяніемъ уплатить подаяніе и изъ чужихъ кармановъ возстановить свою репутацію во мнѣ-

ни откупщика. Мы не могли ему быть полезны, и письмо его осталось втунѣ. Но прошло затѣмъ нѣсколько мѣсяцевъ, и мы узнали, что Бакунинъ все таки добылъ сумму, которую требовалось возвратить откупщику, но откупщику ея не возвратилъ, а бѣжалъ съ полученными деньгами изъ Сибири“ (Невѣдѣнскій, 503—505).

Показаніе это нѣсколько сбивчиво: въ 1862 г. Бакунинъ былъ уже въ Лондонѣ и не могъ писать Каткову изъ Сибири. По всей вѣроятности послѣднее письмо Бакунина было еще отъ 1861 года. Затѣмъ сомнительно, чтобъ Бакунинъ имѣлъ 6000 р. передъ отъѣздомъ изъ Сибири. Во всякомъ случаѣ желательное обнародованіе текста писемъ Бакунина въ Каткову, которыя могли сохраниться въ архивѣ „Моск. Вѣдомостей“. Основа же писемъ, передаваемая Катковымъ, какъ равно и обращеніе Бакунина къ Каткову за деньгами ни представляютъ ничего невѣроятнаго. Замѣтимъ, что начиная издавать въ 1856 г. „Русскій Вѣстникъ“, Катковъ помѣстилъ въ числѣ сотрудниковъ и Сатина и Огарева. Правда въ 1861 г. уже намѣтилось различіе между все еще, впрочемъ, либеральнымъ журналомъ Каткова и радикальнымъ „Соверменникомъ“,—но мы увидимъ далѣе въ иркутскихъ письмахъ Бакунина, что онъ одинаково презрительно смотрѣлъ на всю тогдашнюю русскую журналистику.

Объ отъѣздѣ Бакунина изъ Сибири ходятъ нѣсколько фантастическіе рассказы, напр., даже такіе, что будто онъ женился на дочери своего тюремщика (géolier) и съ ея помощью бѣжалъ и т. п. (В. Mallon, L'Internationale, La Nouvelle Revue, 1884, 15 Févr., 750). На самомъ дѣлѣ, кажется, что отъѣздъ Бакунина нельзя назвать собственно и побѣгомъ: онъ имѣлъ свободу движенія по Сибири и выѣхалъ изъ Иркутска безпрепятственно, а на р. Амурѣ сѣлъ на американскій пароходъ и отплылъ съ нимъ.

Кавелинъ писалъ Герцену по поводу отъѣзда Бакунина изъ Сибири: „ушелъ онъ изъ Россіи нехорошо, нечестно“ (Письма Кав. и Тургенева, 48), и г-жа Тучкова-Огарева сообщаетъ, что самъ Бакунинъ, прибывъ въ Лондонъ, говорилъ: „хоть и совѣстно, а пришлось и друзей обмануть, чтобъ вырваться на волю“. (Р. Старина, 1894, IX, 20).

Ари. Руге рассказываетъ о жизни Бакунина въ Сибири, конечно, со словъ самого Бакунина,—но, можетъ быть, съ нѣкоторыми ошибками:

„Въ Сибири онъ скоро получилъ столько свободы, что могъ жениться и даже на дамѣ, которая принесла ему маленькое имѣніе. Бакунинъ изображалъ жизнь ссыльнаго какъ рѣшительно анти-русскую*). Всѣ принимаютъ непрерывно живѣйшее участіе въ европейскомъ развитіи. Сибирь освобождается все болѣе и болѣе отъ вліянія Россіи и въ далекомъ будущемъ станетъ безъ сомнѣнія сама госпожей своей судьбы. Но все же эта жизнь, беззаботная и замкнутая, не удовлетворяла нашего друга; онъ стремился уйти изъ этой расширенной тем-

*) Т. е. антиправительственную. М. Др.

ницы, доставилъ себѣ средства чрезъ продажу своего имѣнія и устроилъ такъ, что одна торговая фирма въ Иркутскѣ дала ему свидѣтельство, какъ своему коммивояжеру по Амуру. Снаряженный такимъ образомъ, онъ задумалъ переплыть море, въ то время какъ его жена должна была ѣхать по сухопутью ему на встрѣчу чрезъ Европу. На Амурѣ плаваніе какъ разъ не было оживленнымъ и Бакунинъ нашелъ только императорскій фрегатъ, который шелъ по пути. У него хватило храбрости подняться на бортъ, изложить свою просьбу и побудить капитана взять его съ собой, рассказавъ ему о своихъ дѣлахъ и порученіяхъ. Капитанъ нашелъ пріятнаго спутника, а Бакунинъ пріятное путешествіе, которое заняло порядочное разстояніе внизъ по пустынной рѣкѣ. Ему угрожала опасность встрѣтиться съ губернаторомъ, съ которымъ онъ былъ лично знакомъ и, такъ какъ ему на встрѣчу шелъ фрегатъ, Бакунинъ вывѣдалъ, разговаривая, въ какомъ мѣстѣ фрегатъ долженъ встрѣтиться съ губернаторомъ, хотѣлъ было перебраться на купеческій корабль, который они нашли на якорѣ. Капитанъ корабля былъ житель Бремена: ему дѣло показалось довольно подозрительнымъ и онъ отказался взять съ собой въ Японію мнимаго коммивояжера даже за хороше вознагражденіе, Капитанъ фрегата, который любезно заинтересовался путешественникомъ, взялъ его на свой ботъ и отвезъ къ одному американскому кораблю, который тоже тамъ стоялъ на якорѣ и также собирался въ Японію. Тамъ капитанъ помѣстилъ Бакунина, и послѣдній разстался, искренно благодарный, съ услужливымъ другомъ, котораго онъ плѣнилъ своимъ обаятельнымъ обращеніемъ.

На другой день американскій клиперъ съ Бакунинымъ въ каютѣ проплылъ мимо фрегата съ губернаторомъ. Такимъ образомъ опасность миновала и Японія была достигнута. Въ Йокагамѣ была небольшая остановка, Бакунинъ сошелъ на берегъ и принялъ ванну, отъ которой ему могло быть плохо, такъ какъ слуга началъ обливать его горячей водой, и Бакунинъ полагалъ, что только его густые волосы спасли его отъ гибели. Послѣ пріятнаго, все время благополучнаго и быстрого плаванія черезъ Великій Океанъ, счастливый бѣглець прибылъ въ Санъ-Франциско и тамъ, между переселенцами, ищущими золота, встрѣтилъ много европейскихъ знакомыхъ, которые, болѣе мягко, но все же были также выброшены контр-революціей. Бакунинъ проѣхалъ одну половину земного шара въ цѣпяхъ, другую какъ бѣглець, пока прибылъ въ Европу. Здѣсь, въ Санъ-Франциско, встрѣтилъ онъ форпосты той великой арміи, въ которой онъ служилъ съ такимъ рвеніемъ и смертной отвагой и въ которую онъ намѣревался возвратиться.

„Его друзья въ Санъ-Франциско снабдили его средствами поѣхать дальше въ Нью-Йоркъ, а оттуда помочь ему выбраться Александръ Герценъ, которому онъ писалъ въ Лондонъ. Герценъ нашелъ ему и парижскаго издателя для описанія его приключеній и побѣга: „*Ut sine Festungs-und ut sine Stromtid*“, котораго, къ сожалѣнію, онъ никогда не написалъ“.

Въ концѣ 1861 г. (27 Декабря) Бакунинъ явился въ Лондонъ въ общество Герцена и Огарева, которые приняли его съ распростерты-

ми объятіями. Впрочемъ, одно близкое лицо къ Герцену передавало намъ воспоминанія о томъ, что Герценъ ожидалъ осложненій, которыя Бакунинъ внесетъ въ дѣятельность „Колокола“. Съ этимъ согласно и показаніе Н. И. Тучковой-Огаревой, которая говоритъ, что, „дочитавъ письмо (Бакунина изъ Америки), Герценъ задумался и сказалъ Огареву: „признаться, я очень боюсь пріѣзда Бакунина; онъ навѣрно испортитъ наше дѣло“.... Огаревъ былъ согласенъ съ Герценомъ и думалъ тоже, что Бакунинъ не удовлетворится ихъ пропагандой, а будетъ настаивать на дѣятельности по образцу западныхъ революціонныхъ явленій. Вдобавокъ Бакунинъ на Западѣ всегда представлялся защитникомъ Польши. Герценъ и Огаревъ тоже сочувствовали Польшѣ въ размѣрѣ ея испытаній, но они не сочувствовали аристократическому характеру поляковъ, ихъ отношенію къ низшему классу и пр.... Предчувствіе Герцена скоро начало оправдываться. Съ пріѣзда Бакунина польская струнка живѣй забила въ вольной русской типографіи. Сначала Бакунинъ помѣщалъ въ „Колоколѣ“ свои статьи (собственно половину статьи М. Др.), но замѣтивъ вышесказанное направленіе, Герценъ предложилъ ему печатать свои статьи отдѣльными брошюрами, или въ изданіяхъ, называемыхъ „Голоса изъ Россіи“, потому что взгляды ихъ расходились.... Главное заключалось въ томъ, что взгляды Огарева и Бакунина были какъ-то ближе, и послѣдній возымѣлъ большее вліяніе на перваго. А Герценъ всегда уступалъ Огареву, даже когда сознавалъ, что Огаревъ ошибается“. („Русская Старина“, 1894, Ноябрь, 18--21).

Надо впрочемъ сказать, что на показанія г-жи Огаревой можно полагаться лишь въ самыхъ общихъ чертахъ ихъ,—такъ какъ они часто противорѣчатъ даже тому, что говорится въ запискахъ Герцена и сбивчивы въ хронологіи. Кромѣ того, г-жа Огарева слишкомъ уже старается уменьшить сочувствіе Герцена польскому возстанію (см. особ. стр. 25) и рассказываетъ совсѣмъ невѣрно, будто „посланники“ варшавскаго революціоннаго комитета (въ 1862 г.) уѣхали, не получивъ отъ Герцена никакихъ обѣщаній“.

Главное различіе Герцена и Бакунина было въ томъ, что первый хотѣлъ ограничиться только пропагандой извѣстныхъ идей,—въ соотвѣтствіе силамъ кружка и своимъ способностямъ,—а второй стремился къ революціонной акціи, заговорщицкой и военной. Отсюда и его сочувствіе къ польскому возстанію, большее, чѣмъ можно было ожидать, судя по его теоретическимъ идеямъ.

Изъ писемъ, мы видимъ, что между Бакунинымъ и издателями „Колокола“ сейчасъ же возникли несогласія. Самъ Герценъ рассказываетъ объ отношеніяхъ Бакунина къ „Колоколу“ такъ:

„Въ Лондонѣ онъ, впервыхъ, сталъ революціонировать „Колоколъ“ и говорилъ въ 1862 г. противъ насъ почти то, что говорилъ въ 1847 г. противъ Бѣлинскаго. Мало было пропаганды; надобно было неминуемо приложеніе, надобно было устроить центры, комитеты; мало было близкихъ людей, надобны были „посвященные и полупосвя-

щенные братья“, организациі въ краѣ—славянская организація, польская организація. Бакунинъ находилъ насъ умѣренными, неумѣющими пользоваться своимъ положеніемъ, недостаточно любящими рѣшительныя средства. Онъ, впрочемъ, не унывалъ и вѣрилъ, что въ скоромъ времени поставитъ насъ на путь истинный. Въ ожиданіи нашего обращенія, Б. сгруппировалъ около себя цѣлый кругъ славянъ. Тутъ были чехи..., сербы..., наконецъ былъ болгаринъ, лекарь въ турецкой арміи, и поляки всѣхъ епархій: Бонапартовской, Мирославской, Чарторижской; демократы безъ социальныхъ идей, но съ офицерскимъ отѣнкомъ; социалисты, католики, анархисты и просто солдаты, хотѣвшие гдѣ нибудь подраться, въ сѣверной или южной Америкѣ, и преимущественно въ Польшѣ.

„Отдохнуль съ нами Б. за девятилѣтнее молчаніе и одиночество. Онъ спорилъ, проповѣдывалъ, распоряжался, кричалъ, рѣшалъ, направлялъ, организовалъ и ободрялъ цѣлый день, цѣлую ночь, цѣлыя сутки. Въ короткія минуты, остававшіяся у него свободными, онъ бросался за письменный столъ и принимался писать пять, десять, пятнадцать писемъ въ Семипалатинскъ и Арадъ, въ Бѣлградъ и Царьградъ, въ Бессарабію, Молдавію и Бѣлокриницу“. (Сборн. Писем. Соч., 200—201).

Съ пріѣздомъ Бакунина въ Лондонъ, на Герцена, который уже содержалъ семью Огарева, упала забота и по содержанію Бакунина. По этому вопросу встрѣчаемъ нѣкоторыя указанія въ письмахъ И. С. Тургенева. Отъ 25 Янв. 1862 г. онъ пишетъ Герцену изъ Гейдельберга: „Доставленіе постоянной суммы М. А. затруднительно. С. давно уѣхалъ въ Египетъ,—да и, сколько мнѣ извѣстно, это чванливое животное, которое не дастъ ни гроша, если нельзя о томъ протрубить во всеуслышаніе. Боткинъ будетъ давать по временамъ небольшія суммы, но едва ли согласится на что нибудь постоянное. Впрочемъ я еще съ нимъ потолкую. Надо посмотрѣть, что можно сдѣлать въ самой Россіи. Что до меня касается, то я съ величайшей готовностью беру на себя обязанность давать Б—ну ежегодную сумму 1500 фр. впредь на неопредѣленное время и первые 500 фр. (считая съ 1 Янв.) отправлю на твое имя тотчасъ. Такимъ образомъ $\frac{1}{4}$ желанной суммы уже обезпечена; надо постараться и объ остальной“. 11 Февр. онъ же пишетъ: „Братъ Б—на былъ здѣсь и уѣхалъ, оставивъ мнѣ адресъ какихъ то Lafage frères, которымъ надобно заплатить задолженныхъ Мишелемъ 1000 фр. Я открылъ подписку, но къ моимъ 500 фр. прибавилось пока 250. Надѣюсь собрать всѣ. В—нъ пишетъ мнѣ о 1000 р. с. Я готовъ ихъ выдать ему до моего отъѣзда отсюда, но тогда они будутъ зачислены въ счетъ трехлѣтняго пансіона (не вполне трехлѣтняго; я обѣщалъ 1500 фр. въ годъ, а 1000 р. с. съ 500 фр. составлять меньше этой суммы). Отговори его, пожалуйста, теперь же выписывать свою жену. Это было бы безуміе; пусть онъ осмотрится сперва“. (Письма Кавелина и Тургенева къ Герцену, 143, 145—146).

Изъ письма Тургенева къ Бакунину отъ 28 Окт. 1862 г. видно, что послѣдній обратился къ первому съ какой-то просьбой по устройству его жены. Тургеневъ обѣщаетъ свое содѣйствіе, прибавляя: „въ

этомъ, какъ и во всемъ другомъ, ты можешь надѣяться на мою старинную пріязнь, независящую, слава Богу, ни отъ какихъ политическихъ воззрѣній“. (Тамъ же, 168).

Въ письмѣ къ Герцену, отъ 2 Апр. 1864 г., Тургеневъ говоритъ о вышеупомянутой, или, можетъ быть, новой выдачѣ денегъ Бакунину, говоря: „что Б., занявшій у меня деньги и своей бабьей болтовней и легкомысліемъ поставившій меня въ непріятнѣйшее положеніе—(другихъ онъ погубилъ вовсе)—что Б., говорю, распространялъ обо мнѣ самыя пошлыя и гадкія клеветы,—это въ порядкѣ вещей,—и я, зная его съ давнихъ поръ, другого отъ него не ожидалъ“. (Тамъ же, 181).

Впрочемъ, какъ говоритъ Б. У. Ф., Тургеневъ и послѣ, прервавши сношенія съ Бакунинымъ, помогаль ему, когда тотъ хвораль и нуждался, дѣлая это безъ его вѣдома, да и вообще мало кто зналь объ этомъ“. („Р. Стар.“, 1884, Май, 396).

Въ изданномъ Феемъ вскорѣ послѣ появленія Бакунина въ Лондонѣ его посланіи къ Русскимъ, Польскимъ и славянскимъ братьямъ“. Бакунинъ высказываетъ между прочимъ мнѣніе о значеніи т. наз. раскола, какъ политическаго протеста противъ петровскаго государства. Это мнѣніе, основанное на научномъ недоразумѣніи и само послужившее источникомъ всякихъ практическихъ недоразумѣній для русской оппозиціи,—распространилось у русскихъ съ легкой руки Щапова и было привезено въ Лондонъ Кельсіевымъ *). Въ кружкѣ „Колокола“ оно нашло себѣ наиболѣе сочувствія у Огарева, который основаль при „Колоколѣ“ прибавленіе „Общее Вѣче“, преимущественно посвященное агитации среди раскольниковъ. Въ немъ Огаревъ старался приблизиться къ раскольникамъ на столько, что самъ иногда принималъ видъ раскольника. Въ воспоминаніяхъ старообрядческаго епископа Пафнутія Коломенскаго, который былъ въ Лондонѣ въ 1861—1862 г. съ цѣлью установленія отношеній своихъ единовѣрцевъ съ кружкомъ „Колокола“, есть нѣсколько замѣчаній и о роли, какую въ этомъ дѣлѣ игралъ Бакунинъ. Разказы Пафнутія вошли, какъ матеріалы, въ статью „Расколъ, какъ орудіе враждебныхъ Россіи партій“, напечатанную въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1866 и 1867 г.

Тамъ, между прочимъ, читаемъ: Пафнутій разказаль (на приѣмѣ у Герцена), какъ инокъ Алимпій (Милорадовъ) отличался на пражскомъ сеймѣ (sic!) и на улицахъ города Праги во время происходившаго тамъ возстанія противъ австрійцевъ. Это извѣстіе было совершенною новостью для Герцена. Раскольникъ монахъ держить рѣчь на революціонномъ сеймѣ, идетъ на баррикады!... Не дальше, какъ

*) Между причинами этого недоразумѣнія надо поставить стѣсненія духовной цензуры, которой должны подвергаться въ Россіи всѣ сочиненія, касающіяся религіи, вслѣдствіе чего въ Россіи наука о религіяхъ и церквахъ, можно сказать, не существуетъ вовсе. Отъ этого русскіе ученые и не оцѣнивають значенія соціально-религіознаго элемента въ исторіи и готовы объяснять судьбу христіанства, реформаціи, раскола и т. и. исключительно причинами политическими и соціальными.

на слѣдующій день послѣ свиданія (Пафнутія) съ Герценомъ Кельсіевъ вбѣжалъ въ комнату Пафнутія и сообщилъ новость, что въ Лондонъ пріѣхалъ Бакунинъ, что его спрашивали между прочимъ объ Алимпіи, что разсказъ Пафнутія онъ подтвердилъ вполне и очень радъ по-видаться съ знакомымъ своего пражскаго сподвижника. Вечеромъ 5 Янв., въ крещенскій сочельникъ, Пафнутій сидѣлъ одиноко въ своей квартирѣ. Вдругъ онъ слышитъ, что кто-то, распѣвая густымъ басомъ „Во Иорданѣ крещаящуся Тебѣ Господи“, —тяжелыми шагами поднимается по лѣстницѣ; дверь распахнулась, и какой-то незнакомецъ, сопровождаемый Кельсіевымъ, съ хохотомъ вошелъ въ комнату и сталъ привѣтствовать изумленного Пафнутія. Это былъ самъ Бакунинъ. Его наружность, грубая безцеремонность и это распѣваніе священной пѣсни, которымъ онъ какъ будто хотѣлъ скрасить свой первый визитъ къ старообрядцу, но въ которомъ слышалось невольное самое наглое кошунство, все это произвело на Пафнутія крайне непріятное впечатлѣніе. Кельсіевъ также чувствовалъ себя неловко. Но дѣло мало-по-малу уладилось, и знакомство съ новою знаменитостью изъ герценовскаго кружка завязалось. Вскорѣ потомъ онъ составилъ для „Колокола“ статью о своихъ похожденияхъ, въ которой упоминалъ и о подвигахъ о. Алимпія. Статью прежде напечатанія показали Пафнутію. Оберегая интересы старообрядчества, онъ просилъ, чтобъ не писали объ этихъ подвигахъ и особенно, чтобъ не было упоминаемо самое имя Алимпія, особы очень немаловажной въ исторіи бѣлокри-нической іерархіи. Само собою разумѣется, что его просьба была уважена, и въ статьѣ ограничились только подстрочнымъ замѣчаніемъ, что на пражскомъ сеймѣ съ Бакунинымъ никого изъ русскихъ не было, кромѣ одного старообрядческаго инокъ*). При другомъ свиданіи, также въ присутствіи Кельсіева, Бакунинъ читалъ Пафнутію письма, которыя приготовилъ къ своимъ старымъ дузьямъ, въ томъ числѣ и къ Алимпію; онъ извѣщалъ ихъ о своемъ освобожденіи и приглашалъ снова приниматься за старое дѣло. „Отецъ Алимпій, такъ писалъ онъ къ этому послѣднему, помнишь ли Прагу? Что же ты дремлешь? Пора за дѣло и т. д. Кельсіевъ съ тревожнымъ любопытствомъ слѣдилъ, какъ дѣйствовало это чтеніе на Пафнутія, и вообще не мало смущался болтливостію и неумѣстной откровенностью Бакунина, который непринужденно витійствовалъ о такихъ вещахъ, относительно которыхъ, очевидно, ему хотѣлось оставить Пафнутія въ невѣдѣніи“.

„Кельсіевъ, говорится дальше въ этомъ разсказѣ, понималъ, что не слѣдуетъ посвящать Пафнутія во всѣ тайнства политическихъ и особенно религіозныхъ ученій, принятыхъ въ обществѣ Герцена, что по крайней мѣрѣ нужно знакомить съ ними постепенно и соблюдать осторожность. Самъ Герценъ не могъ не признать справедливости этихъ замѣчаній и до того простеръ внимательность къ старообряд-

*) Тутъ идетъ рѣчь о статьѣ Герцена „М. А. Бакунинъ“, помѣщенной въ 119—120 № „Колокола“ (15 Янв. 1862). Мы думаемъ, что вышеприведенное свѣдѣніе о „подвигахъ“ Алимпія Милорадова нуждается въ провѣркѣ.

ческимъ убѣжденіямъ своего гостя, что у него даже не курили въ присутствіи Пафнутія, пока, наконецъ, этотъ послѣдній самъ не попросилъ оставить такую щепетильность“.

„Когда Пафнутій, понявъ, наконецъ, зачѣмъ Герценъ и его гости выходили въ сосѣдную комнату, попросилъ ихъ, не стѣсняясь курить при немъ, то Бакунинъ, къ крайнему неудовольствію Кельсіева, захотавши, воскликнулъ: „ну, значитъ, благословилъ!“ Онъ, очевидно, издѣвался надъ тѣмъ, какъ Герценъ съ братіей заискивали передъ пріѣзжимъ старообрядцемъ. Однако же Пафнутій не преминулъ сдѣлать Бакунину строгое замѣчаніе за кощунство въ его словахъ; онъ замѣтилъ, что иное дѣло терпѣть непозволительный обычай, а иное дѣло благословлять, что если бы онъ имѣлъ право раздавать благословенія, то никогда не далъ бы его на куреніе табаку, хотя и смотритъ на этотъ обычай снисходительно, такъ какъ не находитъ въ немъ ереси“. („Русск. Вѣстникъ“, 1867, Апрѣль, 713—715).

Въ числѣ результатовъ поѣздки Пафнутія въ Лондонъ было то, что онъ не только оставилъ планъ устройства тамъ старообрядческой епископіи, монастыря и школы, при помощи русскихъ эмигрантовъ, но уклонился и отъ свиданія съ Кельсіевымъ, когда тотъ проѣхалъ въ Москву, а вслѣдъ за тѣмъ бѣлокриницкій митрополитъ Кириллъ издалъ архипастырское посланіе, въ которомъ совѣтовалъ своимъ единовѣрцамъ „показать всякое благоразуміе и благонамѣреніе предъ Царемъ и отъ врагъ его удалиться и бѣгати, яко отъ мятежныхъ крамольниковъ Поляковъ, тако наипаче отъ злокозненныхъ безбожниковъ, гнѣздящихся въ Лондонѣ“ и т. д. (Д. П. Партія Герцена и старообрядцы. „Русскій Вѣстникъ“, 1867, Мартъ, 401).

О лондонскомъ пребываніи Бакунина есть нѣсколько свѣдѣній и въ перепискѣ Арн. Руге. Этотъ послѣдній тоже жилъ въ это время въ Лондонѣ и сильно былъ недоволенъ публикаціями Герцена, гдѣ юная Россія представлялась какъ провиденціальная земля для социализма, который будто бы старый латино-германскій міръ выработалъ теоретически, какъ древній міръ христіанство, но не способенъ осуществить его на практикѣ, а потому необходимо вступленіе на сцену новаго народа—славянскаго, какъ нѣкогда необходимо было для обновленія міра явленіе германцевъ,—а также возрѣніями Герцена, что петербургскій деспотизмъ есть политика нѣмецкая, а не русская. Уже въ письмѣ къ Герцену отъ 1854 г., писанномъ, очевидно, по поводу книжки Герцена „Du développement des idées révolutionnaires en Russie“, посвященной Бакунину, Руге говорилъ: „Вы знаете, какъ меня всегда интересовали ваши сообщенія о Россіи.... но то явленіе, что даже свободномысленнѣйшіе русскіе, какъ вы и Бакунинъ, все еще остаетесь русскими націоналистами, все гордитесь этимъ „ужаснымъ“ отечествомъ, все высокоумно относитесь къ намъ, вашимъ тиранамъ, что вы вызываете варварство и коммунизмъ, что вы думаете, будто эта (русская) простая, несамостоятельная толпа можетъ быть сравниваема съ тѣми гордыми вольными индивидуумами, которые раз-

рушили древній міръ, со старыми германцами,—это дѣйствительно горькое для меня открытіе“ *).

Получивъ запросъ о прибытіи Бакунина въ Лондонъ, Руге писалъ 9 Янв. 1862 г. Валесроду изъ Брайтона: пріѣхалъ ли Бакунинъ, я не знаю,—я, конечно, буду его видѣть. Но онъ сдѣлается еще болѣе русскимъ, чѣмъ Герценъ. Русская революція дѣлаетъ русскихъ, какъ Герценъ и Бакунинъ, еще безстыднѣе, и я заранѣе ожидаю слышать высокомерныя рѣчи о „молодости Россіи“ и „объ изжившей гнилой Германіи“ (ор. cit., II, 217). 13 Марта Бакунинъ обратился къ Руге съ письмомъ, въ которомъ благодарилъ Руге за заступничество за него по поводу клеветы Уркварта, будто Бакунинъ агентъ русскаго правительства. 9 Юля Руге писалъ Фрейлиграту, что „Бакунинъ замѣчательно сохранилъ молодость и хорошее расположеніе духа“ **),—и прибавляетъ дальше: „Бакунинъ натурально полонъ русской революціи,—и исторія эта высматриваетъ довольно дико; это милое начало. Каково-то будетъ высматривать конецъ?“ (тамъ же, 221). Вслѣдъ за тѣмъ, 12 Юля Руге писалъ Фрейлиграту же: „Натурально, Бакунинъ вполне русскій и даже не только русскій, но славянинъ. Но онъ не таковъ какъ Головинъ, который считалъ, что русскіе утвердились непобѣдимо въ Валахіи; напротивъ, онъ ожидалъ и желалъ взятія

*) Arn. Ruges. Briefwechsel, II, 146. Все письмо это крайне интересно.—Руге признаетъ, между прочимъ, что „нѣмцы царствуютъ отъ Остенде до Камчатки, но что безъ нѣмцевъ же нѣмецкая тиранія нашего времени въ Петербургѣ, Вѣнѣ и Берлинѣ не можетъ быть разрушена,—и боится, что если она разрушится, то славяне не будутъ играть роли друзей свободы. Они воспитаны въ такой системѣ, которой послѣдствія разстроили ихъ умъ и испортили ихъ сердце. Раболѣпныя, ханжи, склонныя къ насилію, массы этихъ юношей, полныхъ надежды, какъ могутъ они сразу научиться свободно думать и свободно дѣйствовать?

Дальше будетъ еще рѣчь о нападеніяхъ марксова кружка на Герцена и Бакунина. Нападенія эти довольно грязны и подкладка ихъ національное высокомеріе слишкомъ явна,—но и на сторонѣ Герцена и даже отчасти Бакунина была доля этого высокомерія и увлеченія міровой миссіей русскаго народа и въ изображеніи окостенѣлости нѣмецкой жизни по остзейскимъ провинціямъ въ книгѣ Герцена было много несправедливаго. Остзейскія провинціи Россіи далеко не могли и въ 40-е годы считаться за образецъ жизни германекой. Вообще по поводу разногласій между старыми русскими эмигрантами (Герценъ Бакунинъ и др.) и нѣмецкими (Руге, Марксъ и др. слѣдуетъ сказать, что нѣмцы были совершенно правы, указывая на слабость культуры среди русскихъ и славянъ вообще какъ на препятствіе къ осуществленію революціонныхъ надеждъ русскихъ эмигрантовъ, но не правы были въ томъ, что ставили славянъ и качественно, по существу, ниже нѣмцевъ и даже сочувствовали германизаторскимъ опытамъ надъ славянами разныхъ нѣмецкихъ правительствъ.

**) Впрочемъ, и въ „N. Fr. Presse“ Руге говоритъ о впечатлѣніи, какое на него произвелъ Бакунинъ въ Лондонѣ послѣ тюрьмы и сибирской жизни: „Даже тонъ его рѣчи сталъ другой. Только по его идеямъ узналъ я его. Онъ просидѣлъ страшно долгое время въ тюрьмѣ и не платился за это своимъ здоровьемъ“.

Севастополя, чтобъ вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнился государственный строй. Натурально онъ весь живетъ въ начинающейся русской революціи, но не ослѣпленъ насчетъ ея варварскаго характера и ея „вѣроятнаго столкновенія съ Германіей изъ-за притѣсненныхъ нами славянъ“. Но это кажется ему, какъ и мнѣ, еще далекимъ. Близко,—читаемъ сегодня телеграмму,—царь вступилъ въ соглашеніе съ Луи Наполеономъ. Если это соглашеніе перейдетъ въ союзъ, а союзъ поведетъ къ войнѣ посредствомъ которой царь можетъ пожелать спастись отъ революціи, „то,—говоритъ Бакунинъ вполне вѣрно,—мы можемъ только молчать. Наше время наступитъ только тогда, когда народъ станетъ господиномъ; но тогда мы будемъ стоять другъ противъ друга во враждебныхъ лагеряхъ“. Но эта минута, по моему мнѣнію, лежитъ довольно далеко за границами нашей жизни. Ибо когда таки на свѣтѣ русскіе станутъ народомъ, а русскій народъ господиномъ? Крѣпостные могутъ уничтожить дворянъ. Но крѣпостные далеко еще не народъ и еще меньше смогутъ образовать народовластіе, чѣмъ французы и нѣмцы могли это въ 1848 г.... Панславистическая демократія кажется мнѣ безконечно далеко выглядывающей и совсѣмъ не страшной фантазіей. „Я не спорю съ богами одинъ“,—и мы съ Бакунинымъ можемъ еще выпить много стакановъ вина, прежде чѣмъ выступятъ другъ противъ друга „два непріязненные лагеря“—„великонѣмецкій“ и „панславистическій“. (Тамъ же, 222—223).

Вмѣсто столкновенія между нѣмцами и славянами передъ Бакунинымъ стало столкновеніе поляковъ съ русскимъ государствомъ.

Польское революціонное движеніе 1862 - 63 г.г. увлекло Бакунина, а онъ увлекъ Огарева и Герцена гораздо дальше, чѣмъ этого можно было ожидать. Герценъ имѣлъ уже случай въ „Колоколѣ“ 1859—1860 гг. высказаться по польскому вопросу. При всемъ желаніи полякамъ автономіи, даже совершеннаго отдѣленія отъ Россіи, если они непремѣнно того желаютъ, Герценъ относился критически къ вопросу о полезности такого отдѣленія для самыхъ поляковъ и особенно къ претензіямъ поляковъ на „историческія“ границы Польскаго государства 1772 г. Въ то же время Герценъ относился критически къ социально-политическимъ тенденціямъ польскихъ патріотовъ. (Подобный анализъ мнѣній Герцена по этимъ вопросамъ мы сдѣлали въ книжкѣ „Историческая Польша и великорусская демократія“. 1882). Изъ сибирскихъ писемъ Бакунина и изъ его статьи „Русскимъ, польскимъ и славянскимъ братьямъ“ видно, что и Бакунинъ раздѣлялъ это отношеніе Герцена къ польскому вопросу. Несомнѣнно, что, оставаясь на почвѣ публициста-критика (на своей почвѣ), Герценъ могъ бы оказать значительныя услуги „польскому и русскому дѣлу“ въ горячій часъ 1862—1863 г. Но Бакунинъ скоро былъ увлеченъ революціонно-конспираторскою частью своей натуры совершенно въ лагерь тогдашнихъ польскихъ революціонеровъ и немногочисленныхъ молодыхъ, неопытныхъ и просто незнакомыхъ съ деталями польскаго вопроса русскихъ заговорщиковъ и потянулъ за собою и Огарева съ Герценомъ.

Печатаемыя письма достаточно рисуютъ Бакунина въ

этотъ періодъ его жизни. Изъ нихъ ясно, что Бакунинъ желалъ присоединиться къ польскому возстанію не къ тому, какое было въ дѣйствительности, а къ тому, которое онъ создалъ въ своемъ воображеніи, т. е. къ такому, которое бы направилось не только противъ русскаго правительства, но и противъ польскихъ и русскихъ помѣщиковъ и котораго не желали даже и самые крайніе демократы между вождями возстанія. Интересно, что Бакунинъ самъ видѣлъ это нежеланіе, а все таки, увлекаемый потребностію дѣйствія, напрашивался въ союзники польскому возстанію. Очевидно, что избытокъ активности увлекъ Бакунина въ дѣло, съ которымъ у него принципиальныхъ связей было мало и о которомъ онъ только вѣрилъ, что оно послѣ пойдетъ въ желанномъ для него направленіи *).

Такой же уповательный характеръ имѣла для Бакунина и политико-національная сторона польскаго возстанія 1863 г. Изъ писемъ, статей и рѣчей Бакунина до возстанія и послѣ видно, что онъ собственно никогда не признавалъ исторической Польши, т. е. правъ поляковъ на Литву, Бѣлоруссію и Украину. Въ этомъ пунктѣ онъ отличался не только отъ польскихъ революціонеровъ, но и отъ молодыхъ русскихъ членовъ „Земли и Воли“, которые не имѣли ясныхъ понятій не только о настоящемъ состояніи западно-русскихъ провинцій, но даже и объ ихъ исторіи, если могли называть ихъ (напр. въ прокламаціи „Офицерамъ русскихъ войскъ отъ комитета русскихъ офицеровъ въ Польшѣ“, напеч. въ „Колоколѣ“ 1862, № 147, 15 Окт.) „областями, соединенными съ Польшей воспоминаніями прошедшаго“,— между тѣмъ какъ именно воспоминанія прошедшаго и разъединяли массы тамошняго народа съ Польшей. Бакунинъ только вѣровалъ, что толчекъ, данный польскимъ возстаніемъ, подниметъ массы народа западнорусскихъ провинцій къ возстанію же, и с а м о о п р е д ѣ л е н і ю, къ автономіи, вполнѣ независимой, или же федеративной. На такую точку Бакунинъ перетянулъ и Герцена съ Огаревымъ.

Между тѣмъ, по понятіямъ и поляковъ, и всей массы русскихъ присоединеніе Бакунина и „Колокола“, вслѣдъ за „Землею и Волей“ къ возстанію, которое самымъ недвусмысленнымъ образомъ заявляло претензію возстановить историческую Польшу 1772 г., было понято, какъ признаніе со стороны русскихъ радикаловъ этой претензіи—и это было главною причиною паденія ихъ популярности. Какъ современный свидѣтель событій, мы можемъ сказать, что возстаніе польское, пока оно сосредоточивалось

*) Судя по орфографіи нѣкоторыхъ польскихъ словъ въ письмахъ Бакунина, сомнительно, чтобъ онъ зналъ польскій языкъ. Свѣдѣнія его въ польской исторіи совершенно поверхностны. Это тоже характерная черта. Мы встрѣчали нѣсколько великорусовъ, соприкасавшихся болѣе или менѣе близко съ польскимъ движеніемъ 1862—64 гг. Ни одинъ изъ нихъ не зналъ польскаго языка; объ исторіи и этнографіи Польши и сосѣднихъ провинцій и говоритъ нечего. Такимъ образомъ все эти „русскіе друзья польскаго дѣла“ лишены были возможности разобраться въ его сложныхъ деталяхъ.

около Варшавы, въ чисто польской области, пользовалось сочувствіемъ русскаго образованнаго общества. Но сочувствіе это оборвалось сразу, какъ только польскіе инсургенты появились около Кіева и въ Могилевской губерніи*). Результатомъ такого расширения возстанія было не автономное самоопредѣленіе западнорусскихъ областей, а проявленіе въ непольскихъ слояхъ ихъ населенія реакціи полякамъ, которая фатально приняла центростремительное направленіе въ пользу единства Россіи, а въ Великороссіи поддержала централистическое стремленіе, тогда какъ скомпрометированіе великорусскаго радикализма союзомъ съ польскимъ возстаніемъ дало силу въ Россіи реакціи вообще.

Вотъ какъ Герценъ рассказываетъ о своихъ отношеніяхъ къ польскому возстанію и о роли въ этомъ Бакунина въ 1862 году:

„Польская гроза приближалась больше и больше. Осенью 1862 г. явился на нѣсколько дней въ Лондонъ Потебня**). Грустный, чистый, безавѣтно отдавшійся урагану, онъ пріѣзжалъ поговорить съ нами отъ себя и отъ товарищей, и все таки итти своей дорогой. Чаше и чаще являлись поляки изъ края; ихъ языкъ былъ опредѣленнѣе и рѣзче, они шли къ взрыву прямо и сознательно. Мнѣ съ ужасомъ мѣршилось, что они идутъ на неминуемую гибель.

— „Смертельно жаль Потебню и его товарищей, говорилъ я Б., и тѣмъ болѣе, что врядъ ли ~~имъ~~ по дорогѣ съ поляками.

— „ По дорогѣ, по дорогѣ, возражалъ Б. Не сидѣть же намъ вѣчно, сложа руки и рефлектируя. Исторію надобно принимать, какъ она представляется; не то всякій разъ будешь заурядъ то позади, то впереди.

„Б. помолодѣлъ, онъ былъ въ своемъ элементѣ. Онъ любилъ не только ревъ возстанія и шумъ клуба, площади и баррикады, онъ любилъ также и приговорительную агитацію, эту возбужденную и вмѣстѣ съ тѣмъ задержанную жизнь конспирацій, консультацій, неспанныхъ ночей, переговоровъ, договоровъ, ректификацій, химическихъ

*) Мы считаемъ нужнымъ напомнить эти обстоятельства, такъ какъ съ тѣхъ поръ хотя и часто говорится о вліяніи польскаго возстанія 1863 г. на упадокъ популярности Герцена, рѣдко кто обращаетъ вниманіе на различія въ этомъ отношеніи возстанія въ Польшѣ собственно и въ т. наз. западныхъ губерніяхъ. Обыкновенно говорятъ, что поддержка Герценомъ польскаго возстанія вообще была причиною упадка его популярности (см. напр. статью о Герценѣ въ *La Grande Encyclopedie*),— что какъ видимъ, не вѣрно.—Знать и помнить истинный пунктъ ошибки, совершенной Герценомъ, важно для всякаго русскаго политическаго дѣятеля для блага Россіи и поляковъ: ничѣмъ такъ не можетъ русскій послужить дѣлу польской свободы, какъ критическимъ отношеніемъ къ стремленіямъ польскихъ „историческихъ“ патріотовъ, при сочувствіи къ автономіи Польши этнографической.

*) Одинъ изъ русскихъ офицеровъ рѣшившихъ присоединиться къ польскому возстанію.

чернилъ и условныхъ знаковъ. Кто изъ участниковъ не знаетъ, что репетиции къ домашнему спектаклю и приготовленіе елки составляютъ одну изъ лучшихъ, изящныхъ частей. Но какъ онъ ни увлекался приготовленіями елки, у меня на сердцѣ скребли кошки; я постоянно спорилъ съ нимъ, и, нехотя дѣлалъ не то, что хотѣлъ....

„Б. вѣрилъ въ возможность военно-крестьянскаго возстанія въ Россіи, вѣрили отчасти и мы; да вѣрило и само правительство, какъ оказалось впоследствии рядомъ мѣръ, статей по казенному заказу и казней по казенному приказу. Напряженіе умовъ, броженіе умовъ было неоспоримо, и никто не предвидѣлъ тогда, что его свернуть на свирѣпый патріотизмъ.

„Б., не слишкомъ останавливаясь на взвѣшиваніи всѣхъ обстоятельствъ, смотрѣлъ на одну дальнюю цѣль и принялъ второй мѣсяцъ беременности за девятый. Онъ увлекалъ не доводами, а желаніемъ. Онъ хотѣлъ вѣрить и вѣрилъ, что Жмудь и Волга, Донъ и Украина возстанутъ, какъ одинъ человекъ, услышавъ о Варшавѣ; онъ вѣрилъ, что старовѣръ воспользуется католическимъ движеніемъ, чтобъ узаконить расколъ.

„Въ томъ, что между офицерами войскъ, расположенныхъ въ Польшѣ и Литвѣ, общество, къ которому принадлежалъ Потебня, росло и крѣпло,—сомнѣнія не могло быть; но оно далеко не имѣло той силы, которую ему преднамѣренно придавали поляки и наивно Б.

„Какъ то, въ концѣ Сентября, пришелъ ко мнѣ Б. особенно озабоченный и нѣсколько торжественный. „Варшавскій Центральный Комитетъ,—сказалъ онъ,—прислалъ двухъ членовъ, чтобъ переговорить съ нами. Одного изъ нихъ ты знаешь: это Падлевскій; другой Г., закаленный боецъ; онъ изъ Польши прогулялся въ кандалахъ до рудниковъ и, только что возвратился, снова принялся за дѣло. Сегодня вечеромъ я ихъ приведу къ вамъ, а завтра соберемся у меня: надобно окончательно опредѣлить наши отношенія“.

„Тогда набирался мой отвѣтъ офицерамъ *).

— „Моя программа готова; я имъ прочту мое письмо.

— „Я согласенъ съ твоимъ письмомъ, ты это знаешь; но не знаю, все ли понравится имъ; во всякомъ случаѣ, я думаю, что этого имъ будетъ мало.

„Вечеромъ Б. пришелъ съ тремя гостями вмѣсто двухъ. Я прочелъ мое письмо. Во время разговора и чтенія Б. сидѣлъ встревоженный, какъ бываетъ съ родственниками на экзаменѣ, или съ адвокатами, трепещущими, чтобъ ихъ кліентъ не проврался и не испортилъ всей игры защиты, хорошо налаженной, если не по всей правдѣ, то къ успѣшному концу.

„Я видѣлъ по лицамъ, что Б. угадалъ и что чтеніе не то, чтобъ особенно понравилось. Прежде всего, замѣтилъ Г., мы прочтемъ письмо къ вамъ отъ Центрального Комитета. Читалъ М.; документъ этотъ, извѣстный читателямъ „Колокола“, былъ написанъ по

*) „Колоколъ“ 1862 г. 15 Октября.

русски, не совсѣмъ правильнымъ языкомъ, но ясно. Говорили, что я его перевелъ съ французскаго и переиначилъ: это не правда. Всѣ трое хорошо говорили по русски.

„Смыслъ акта состоялъ въ томъ, чтобъ черезъ насъ сказать русскимъ, что слагающееся польское правительство согласно съ нами и кладетъ въ основаніе своихъ дѣйствій „Признаніе правъ крестьянъ на землю, обрабатываемую ими, и полную самоправность всякаго народа располагать своей судьбой“. Это заявленіе, говорилъ М., обязывало меня смягчить вопросительную и сомнѣвающуюся часть моего письма. Я согласился на нѣкоторыя перемѣны и предложилъ имъ съ своей стороны посильнѣе отгѣнить и яснѣе высказать мысль о самозаконности провинцій; они согласились. Этотъ споръ изъ за словъ показывалъ, что сочувствіе наше къ однимъ и тѣмъ же вопросамъ не было одинаково.

„На другой день утромъ Б. уже сидѣлъ у меня. Онъ былъ недоволенъ мной, находилъ, что я слишкомъ холоденъ, какъ будто не довѣряю.

— „Чего же ты больше хочешь? Поляки никогда не дѣлали такихъ уступокъ. Они выражаются другими словами, принятыми у нихъ какъ катехизисъ; нельзя же намъ, подымая національное знамя, на первомъ шагѣ оскорбить раздражительное народное чувство.

— „Мнѣ все кажется, что имъ до крестьянской земли въ сущности мало дѣла, а до провинцій слишкомъ много.

— „Любезный другъ, у тебя въ рукахъ будетъ документъ, направленный тобой, подписанный при всѣхъ насъ, чего же тебѣ еще?

— „Есть таки кое-что.

— „Какъ для тебя труденъ каждый шагъ! ты вовсе не практическій человѣкъ.

— „Это уже прежде тебя говорилъ Сазоновъ.

— „Б. махнулъ рукой и пошелъ въ комнату къ Огареву. Я печально смотрѣлъ ему вслѣдъ; я видѣлъ, что онъ запилъ свой революціонный запой и что съ нимъ не столкнешь теперь. Онъ шагаль семимильными сапогами чрезъ горы и моря, чрезъ годы и поколѣнія. За возстаніемъ въ Варшавѣ, онъ уже видѣлъ свою „славную и славянскую“ федерацію, о которой поляки говорили не то съ ужасомъ, не то съ отвращеніемъ; онъ уже видѣлъ красное знамя „Земля и Воля“, развѣвающимся на Уралѣ и Волгѣ, на Украинѣ и Кавказѣ, пожалуй на Петропавловской крѣпости, и торопился сгладить какъ нибудь затрудненія, затушевать противорѣчія, не выполнить овраги, а бросить черезъ нихъ чортовъ мостъ.

„Нѣтъ освобожденія безъ земли“

— „Ты точно дипломатъ на Вѣнскомъ конгрессѣ, повторялъ мнѣ съ досадой Б., когда мы потомъ толковали у него съ представителями жонда: придираешься къ словамъ и выраженіямъ. Это не журнальная статья, не литература.

— „Съ моей стороны, замѣтилъ Г., я изъ-за словъ спорить не стану; мѣняйте, какъ хотите, лишь бы главный смыслъ остался тотъ же.

— „Браво Г., радостно воскликнулъ Б.

— „Ну, этотъ,—подумалъ я,—пріѣхалъ подкованный и по лѣтнему и на шипы; онъ ничего не уступитъ на дѣлѣ и оттого такъ легко уступаетъ все на словахъ.

„Актъ поправили, члены жонда подписались; я его послалъ въ типографію.

„Г. и его товарищи были убѣждены, что мы представляли заграничное средоточіе цѣлой организаціи, зависящей отъ насъ и которая по нашему приказу примкнетъ къ нимъ или нѣтъ. Для нихъ, дѣйствительно, дѣло было не въ словахъ и не въ теоретическомъ согласіи; свое *profession de foi* они всегда могли отгнать толкованіями такъ, что его яркіе цвѣта пропали бы, полиняли и измѣнились.

„Что въ Россіи клались первыя ячейки организаціи, въ этомъ не было сомнѣнія: первыя волокна, нити, были замѣтны простому глазу; изъ этихъ нитей, узловъ, могла образоваться при тишинѣ и времени обширная ткань. Все это такъ; но ея не было и каждый сильный ударъ грозилъ сгубить работу на цѣлое поколѣніе и разорвать начальныя кружева паутины.

„Вотъ это-то я и сказалъ, отправивъ печатать письмо Комитета, Г. и его товарищамъ, говоря имъ о несвоевременности ихъ возстанія. Падлевскій слишкомъ хорошо зналъ Петербургъ, чтобъ удивляться моимъ словамъ; хотя и увѣрялъ меня, что сила и развѣтвленіе общества „Земля и Воля“ идутъ гораздо дальше, чѣмъ мы думали, но Г. призадумался. „Вы думали,—сказалъ я ему улыбаясь,—что мы сильнѣе? Да, Г., вы не ошиблись, сила у насъ большая и дѣятельная, но сила эта вся утверждается на общественномъ мнѣніи, т. е. она можетъ сейчасъ улетучиться; мы сильны сочувствіемъ къ намъ, унисономъ съ своими. Организаціи, которой бы мы сказали: иди на право или на лѣво, нѣтъ.

— „Да, любезный другъ, однако же, началъ В., ходившій въ волненіи по комнатѣ:

— „Что же, развѣ есть, спросилъ я его и остановился.

— „Ну, это какъ ты хочешь назвать; конечно, если взять внѣшнюю форму, это совѣтъ не въ русскомъ характерѣ. Да видишь....

— „Позволь же мнѣ кончить; я хочу пояснить Г., почему я такъ настаивалъ на словахъ. Если въ Россіи на нашемъ знамени не увидятъ надѣлъ земли и волю провинціямъ, то наше сочувствіе вамъ не принесетъ никакой пользы, а насъ погубитъ; потому что вся наша сила въ одинаковомъ біеніи сердца; у насъ оно можетъ биться посильнѣе и потому ушло секундой впередъ, чѣмъ у друзей нашихъ; но они связаны съ нами сочувствіемъ, а не службой!

— „Вы будете нами довольны, говорили Г. и Падлевскій. „Черезъ день двое изъ нихъ отправились въ Варшаву; третій уѣхалъ въ Парижъ.

„Падлевскій уѣхалъ въ Польшу.

„Б. собирався въ Стокгольмъ совершенно независимо отъ экспедиціи Ланинскаго, о которой тогда никто не думалъ. Мелькомъ явился

Потебня, и исчезъ вслѣдъ за Б. Въ то же время какъ Потебня, пріѣхалъ чрезъ Варшаву изъ Петербурга уполномоченный отъ „Земли и Воли“. Онъ съ негодованіемъ рассказывалъ, какъ поляки, пригласившіе его въ Варшаву, ничего не сдѣлали. Онъ былъ первый русскій, видѣвшій начало возстанія. Онъ рассказалъ объ убійствѣ солдатъ, и раненомъ офицерѣ, который былъ членомъ общества. Солдаты думали, что это предательство, и начали съ ожесточеніемъ бить поляковъ. Падлевскій, главный начальникъ въ Ковно, рвалъ волосы, но не смѣлъ явно выступить противъ своихъ. Уполномоченный былъ полонъ важности своей миссіи и пригласилъ насъ сдѣлаться агентами Общества „Земли и Воли“. Я отклонилъ это къ крайнему удивленію не только Б., но и Огарева. Я сказалъ, что мнѣ не нравится это битое французское названіе. Уполномоченный трактовалъ насъ такъ, какъ Коммисары Конвента 1793 г. трактовали генераловъ въ дальнихъ арміяхъ. Мнѣ и это не понравилось.

— „А много васъ? спросилъ я.

— „Это трудно сказать: нѣсколько сотъ человѣкъ въ Петербургѣ и тысячи три въ провинціяхъ.

— „Ты вѣришь? спросилъ я потомъ Огарева. Онъ промолчалъ.— Ты вѣришь? спросилъ я Б.

— „Конечно, онъ прибавилъ: ну, нѣтъ теперь столько, такъ будутъ потомъ! и онъ расхохотался.

— „Это другое дѣло.

— „Въ томъ-то все и состоитъ, чтобъ поддержать слабыя начинанія; еслибъ они были крѣпки, они и не нуждались бы въ насъ,— замѣтилъ Огаревъ, въ этихъ случаяхъ всегда недовольный моимъ скептицизмомъ.

— „Они такъ и должны бы были явиться передъ нами, откровенно слабыми, желающими дружеской помощи, а не предлагать глупое агентство.

— „Это молодость, прибавилъ Б. и уѣхалъ въ Швецію“ *).

О тамошнемъ его пребываніи Герценъ говоритъ:

„Б. былъ въ Швеціи, знакомясь со всѣми, открывая пути въ Землю и Волю чрезъ Финляндію, слаживая посылку Колокола и книгъ и выдаясь съ представителями всѣхъ польскихъ партій. Принятый министрами и братомъ короля, онъ всѣхъ увѣрилъ въ неминуемомъ возстаніи крестьянъ и въ сильномъ волненіи умовъ въ Россіи. Увѣрилъ тѣмъ больше, что самъ искренно вѣрилъ, если не въ та-

*) Цифра 3—4000 членовъ „Земли и Воли“ повторялась послѣ нѣсколько разъ и въ печати. (По счету Ткачова впрочемъ 1500). На самомъ дѣлѣ врядъ ли этихъ членовъ было и нѣсколько сотенъ и, если не считать офицеровъ въ Ц. Польскомъ, которые признавали девизъ „Земля и Воля“, но собственно не принадлежали къ петербургскому обществу этого имени, то врядъ ли это общество можно считать за величину, сколько нибудь значительную. На Югѣ Россіи въ 1863 г. мы встрѣчали только одного формальнаго члена этого общества, да и тотъ, познакомившись въ Кіевѣ съ дѣйствительнымъ положеніемъ польскаго вопроса, рѣзко перемѣнилъ о немъ принесенныя изъ Петербурга мнѣнія. М. Др.

кихъ размѣрахъ, то вѣрилъ въ растущую силу. Объ экспедиціи Лапинскаго тогда никто не думалъ. Цѣль Б. состояла въ томъ, чтобы, устроивши все въ Швеціи, пробраться въ Польшу и Литву“.

Почему собственно Бакунинъ не исполнилъ этого намѣренія, Герценъ не говоритъ; судя по письмамъ Бакунина изъ Стокгольма можно думать, что его удержало отъ поѣздки въ Польшу и Литву убѣжденіе, что руководители польскаго возстанія боятся бакунинской революціи больше даже, чѣмъ русскаго правительства.

Изъ Швеціи Бакунинъ прибылъ въ к. 1863 г. на короткое время въ Лондонъ, откуда въ началѣ 1864 г. переѣхалъ во Флоренцію. Въ это пребываніе въ Лондонѣ Бакунинъ видѣлся съ Марксомъ. Объ этомъ Бакунинъ самъ рассказываетъ такъ: „Герценъ мнѣ говорилъ, что гражданинъ Карлъ Марксъ принималъ активное участіе въ клеветахъ на меня (о которыхъ была рѣчь выше). Я этому не удивлялся очень, зная по прежнему опыту,—такъ какъ я знаю его съ 1845 г.,—что знаменитый социалистъ нѣмецкій, котораго великимъ качествомъ я отдавалъ и не премину отдавать всегда полную справедливость, имѣетъ однако жъ въ своемъ характерѣ нѣкоторыя черты, которыя съ меньшимъ удивленіемъ встрѣтилъ бы у еврейскаго беллетриста, корреспондента нѣмецкихъ газетъ, чѣмъ у такого серьезнаго, у такого горячаго защитника человѣчества и справедливости. По этому, прибывъ въ 1862 г. въ Лондонъ,—я удержался отъ визита ему, мало желая возобновлять свое съ нимъ знакомство. Но въ 1864 г., при моемъ поѣздѣ черезъ Лондонъ, онъ пришелъ ко мнѣ самъ и увѣрялъ меня, что онъ не принималъ ни прямо, ни косвенно участія въ этихъ клеветахъ, которыя онъ считалъ самъ гнусными. Я долженъ былъ этому вѣрить“ (*La théologie politique de Mazzini et l'Internationale*, 1871, p. 46) Очевидно, Бакунинъ не вѣрилъ словамъ Маркса. Съ 1864 по 1868 г. Бакунинъ жилъ въ въ Италиі, во Флоренціи, а потомъ въ Неаполѣ.

Впослѣдствіи Бакунинъ считалъ основанное имъ въ Италиі въ 1864 г. общество „Союзъ Соціальной Демократіи“ за прямого предшественника „Интернаціональнаго Союза Соціальныхъ Революціонеровъ“ и говорилъ о немъ такъ: Возникнувъ, какъ утвержденіе социализма противъ религіозно-политическаго догматизма Маццини, Союзъ поставилъ въ своей программѣ атеизмъ, совершенное отрицаніе всякаго авторитета и власти, уничтоженіе юридическаго права, отрицаніе гражданственности, замѣняющей въ государствѣ свободную человѣчность, коллективную собственность; онъ объявилъ трудъ основаніемъ общественной организаціи, которая въ этой его программѣ указывалась въ видѣ вольной федераціи снизу вверхъ“ (Историч. развитіе Интернаціонала, 301; ср. *La théologie politique de Mazzini et l'Internationale* par M. Bakounine. 1871). *).

*) Реакція ученія Маццини (*Dio e popolo*) побудила Бакунина статью рѣшительнымъ атеистомъ. По поводу атеистическаго заявленія Б.—на на Бернскомъ конгрессѣ Лиги Мира и Свободы въ 1869 г. Тургеневъ писалъ Герцену: „А Бакунинъ, видно, переѣмилъ свои убѣжденія: онъ въ Лондонѣ, въ послѣдній разъ, когда

О флорентинскомъ періодѣ жизни Бакунина находимъ нѣкоторыя свѣдѣнія въ разсказѣ г. Анджело Де-Губернатиса, который былъ одно время близокъ къ Бакунину, женился на его родственницѣ (Безобразовой, племянницѣ А. и М. Н. Муравьевыхъ), но потомъ разошелся съ Бакунинымъ. Разсказъ г. Де-Губернатиса,—напечатанный въ автобіографическомъ предисловіи (*Proemio autobiografico*) къ его Біографическому словарю современныхъ писателей (*Dizionario Biografico delli scrittori contemporanei*. Firenze, 1880), имѣетъ цѣлью оправданіе этого расхожденія, а потому, конечно, долженъ былъ выйти нѣсколько одностороненъ и провѣренъ другими показаніями. Мы даемъ ему мѣсто здѣсь, такъ какъ основа его вполне вѣрнѣе.

„Подъ конецъ 1864 и въ началѣ 1865 г.,—говоритъ г. Де-Губернатисъ,—случай захотѣлъ, чтобъ я встрѣтилъ въ домѣ извѣстнаго венгерскаго эмигранта Фр. Пульскаго знаменитаго изгнанника русскаго и социалиста Михаила Бакунина. Онъ сидѣлъ, гремя и имѣя передъ собою громадную чашку чаю, которая ставилась передъ нимъ, соотвѣтственно его пищеварительной способности. Около него былъ кружокъ разныхъ лицъ, слушавшихъ его слово, ученое, обильное и остроумное. Онъ видѣлъ много людей и много вещей и разсказывалъ охотно и съ пониманіемъ о философіи гегеліанской. Однимъ вечеромъ, замѣтивши, что я болѣе живо слушаю его, онъ продолжалъ говорить, обращаясь постоянно ко мнѣ, хотя я еще и не былъ ему представленъ, какъ будто хотѣлъ околдовать меня своимъ взглядомъ. При одномъ мѣстѣ, говоря о Шопенгауерѣ, онъ пріостановился, сказавши: „но зачѣмъ я говорю вамъ объ ученіяхъ Шопенгауера? вотъ кто можетъ сказато о нихъ болѣе, такъ какъ можетъ показать, откуда Шопенгауеръ взялъ свои идеи“—и указалъ на меня. (Г. Де-Губернатисъ былъ уже профессоромъ санскрита и всеобщей литературы). Я оказался открытымъ и далъ легко взять себя за душу. Скоро Бакунинъ всталъ, приблизился ко мнѣ и пожалъ мнѣ руку, спросивши меня немного таинственно,—не масонъ ли я?—Я объявилъ, что нѣтъ и что не хочу имъ быть, имѣя отвращеніе отъ тайныхъ обществъ... Бакунинъ сказалъ мнѣ, что я правъ, что онъ самъ не имѣетъ большого уваженія къ масонству, но что оно ему доставляетъ способъ приготовить другое. Спросилъ меня за тѣмъ, не маццинистъ ли я и республиканецъ. Я отвѣтилъ: „не въ моей природѣ слѣдовать одному человѣку, какъ бы онъ великъ ни былъ, и что я могъ бы быть республиканцемъ, но не маццинианцемъ, хотя я и признаю, что Маццини оказалъ большія услуги свободѣ; но эта республика кажется мнѣ пустымъ словомъ; теперь по крайней мѣрѣ оно не значитъ болѣе ничего; могутъ быть республики аристократическія и монархіи демократическія; въ Италіи теперь не монархія, а бюрократическій порядокъ, который наводитъ скуку; что нужно теперь, такъ это свобода;—что

я его видѣлъ, (въ 1862 г.) еще вѣрилъ въ личнаго Бога и въ разговорѣ со мной, на старшій романтическій ладъ, хотя ночью при лунѣ по улицѣ, осуждалъ тебя за невѣріе“. (Письмо Кав. и Тург. 202—203).

нужно было бы, такъ это возможность преобразовать общество такъ, чтобъ всѣ были равны, не только передъ закономъ, но и передъ вопросомъ о хлѣбѣ, каковой вопросъ еще не одинаковъ для всѣхъ, такъ какъ одни имѣютъ излишнее, а другіе терпятъ недостатокъ“. Тутъ Бакунинъ стиснулъ мнѣ крѣпко руку, говоря: „ну, такъ вы нашъ, — такъ какъ мы работаемъ надъ этимъ предметомъ; вы должны присоединиться къ нашей работѣ“. Я возражалъ, что желаю остаться свободнымъ, что хочу отвѣчать публично за всѣ свои поступки; тогда онъ пустилъ въ ходъ все свое краснорѣчіе, не малое,—и убѣдилъ меня, что въ виду мрачнаго заговора государствъ на зло общества, необходимо противопоставить другой заговоръ. Онъ говорилъ: реакционеры всѣ согласны между собою, а либералы, напротивъ, разсѣяны, раздѣлены, несогласны; необходимо заключить договоръ тайный, интернаціональный“.

„Великій змій окружилъ меня съ этой минуты своими фатальными кольцами; я немного противился еще, но наконецъ объявилъ, что, если пойдетъ дѣло на социальную революцію непосредственную, то я вступлю въ тайное общество. Я возвратился домой въ часъ по полуночи,—попробовалъ лечь въ постель, чтобъ заснуть,—но напрасно. Новыя мысли такъ волновали мой мозгъ, что не давали мнѣ лежать. Я всталъ съ постели, ходилъ туда и сюда въ страшномъ возбужденіи по моимъ двумъ комнатамъ, ставшимъ отнынѣ слишкомъ тѣсными для новаго одушевленія (*furore*), который овладѣлъ мною,—обвиняя гнусность и бесполезность моей прошлой жизни, но объявляя громко и быстро самому себѣ, что я былъ бы тѣмъ болѣе гнусенъ, еслибъ остался еще одинъ часъ больше, съ моими чувствами республиканскими и даже революционными, въ моей официальной должности“ *).

Г. Де-Губернатисъ отказался отъ своей государственной службы и посвятилъ себя вполне бакунинскому обществу. Бакунинъ представилъ его „братьямъ“, какъ „лучшаго изъ итальянцевъ“ и помѣстилъ его фотографію въ своемъ альбомѣ между портретами Маццини и Гарибальди. Но скоро горячій адептъ сталъ замѣчать, что общество въ сущности ничего не дѣлаетъ „Братья далеко не дѣлили моей горячности, говоритъ г. Де-Губернатисъ,—а верховный глава былъ вполне погруженъ въ собираніе пожертвованій для бѣдныхъ поляковъ, какъ онъ говорилъ, а на дѣлѣ для самого себя и для болѣе нуждающихся братьевъ, которые были вхожи къ нему въ домъ... Въ обществѣ всѣ хотѣли высшаго чина и никто не хотѣлъ служить какъ простой рядовой, а генералиссимусъ составлялъ каждую недѣлю новый шифръ и хотѣлъ, чтобъ я его изучалъ, говоря, что я одинъ долженъ обладать ключемъ его. Я отвѣчалъ что считаю бесполезнымъ

*) Этотъ рассказъ г. Де-Губернатиса напоминаетъ слова Басистова о вліяніи Рудина: „.... А что касается до вліянія Рудина, клянусь вамъ, этотъ человекъ не только умѣлъ потрясти тебя, онъ съ мѣста тебя сдвигалъ, онъ не давалъ тебѣ останавливаться, онъ до основанія переворачивалъ, зажигалъ тебя! („Рудинъ“ Тургенева).

всякій шифръ, когда работа идетъ общая въ одномъ городѣ и т. д... Бакунинъ, видя мою рѣшимость вступить въ дѣйствіе, поручилъ мнѣ преподавать соціальный катехизисъ двумъ молодымъ людямъ, которые тогда имѣли нѣкоторое вліяніе среди рабочихъ. Одинъ изъ нихъ, наборщикъ, оказался расположеннымъ вступить въ общество,—а о другомъ я долженъ сказать, что онъ самъ помогъ моему отрезвлению своимъ живымъ здравымъ смысломъ, Это былъ хорошій типъ тосканскаго рабочаго, сдѣлалъ походы въ Сицилію и къ Аспромонте, былъ молодъ сердцемъ и умомъ и откровененъ, schitto, честенъ, красивъ, обворожителенъ. Когда я ему изложилъ мою миссію, онъ мнѣ сказалъ: „посмотрите на эту винтовку; она служила дважды для моей родины; въ тотъ день, когда вы, господа, откроете ваши батареи и лучше объясните то, что вы хотите сдѣлать для нашего бѣднаго народа, я возьму ее опять и появлюсь въ первыхъ рядахъ бойцовъ,—но имѣйте терпѣніе: я не способенъ идти за другими, не зная куда!“—Я готовъ былъ расцѣловать его,—такъ онъ мнѣ понравился. Я ушелъ и доложилъ дѣло главѣ верховнаго революціоннаго трибунала“.... Недолго спустя, какъ говоритъ г. Де-Губернатисъ, онъ настоялъ на томъ, чтобы „общество“ или „братство“ было распушено. (Op. cit, XXI—XXII).

Въ Неаполѣ въ 1865 г. Бакунинъ основалъ новое „интернаціональное братство“, вмѣстѣ съ депутатами Фанелли и Фришія. Малонъ называетъ его „первою секціей Интернаціонала“,—хотя „братство“ это не имѣло никакого соприкосновенія съ организовавшимся тогда въ Лондонѣ „Интернаціональнымъ обществомъ рабочихъ“ *).

„Горячая молодежь,—говоритъ Малонъ,—въ которой мы находимъ Туччи, Гамбурци, Капоруссо, Рещо, Коста, Кафіеро, Малатеста, Набруцци, Панарделли, прониклась духомъ Бакунина, въ то время, какъ Биньяни и Пичинини въ Ломбардіи, Ньюкки-Віани въ Римѣ, посвящали себя также интернаціоналистической пропагандѣ. Программа великаго русскаго революціонера, обнародованная въ Giustizia e Libertà, имѣла много общихъ точекъ съ незадолго передъ тѣмъ опубликованнымъ завѣщаніемъ Пизакане; она имѣла большое распространеніе и такъ сказать отдала соціалистическое движеніе въ Италіи въ его руки“. (B. Malon. L'Internationale. „La Nouvelle Revue“, 1884, 15 Février, 751).

Бакунинъ резюмировалъ свою программу въ такихъ словахъ: „уничтоженіе государства во всѣхъ его проявленіяхъ, юридическихъ, политическихъ и соціальныхъ, реорганизація по свободной инициативѣ свободныхъ индивидуумовъ въ свободныхъ группахъ“ (тамъ же, 763).

Въ 1867 г. Бакунинъ явился въ Женевѣ на конгрессѣ „Лиги Мира и Свободы“ и выбирается членомъ постояннаго совѣта Лиги. Тутъ Бакунинъ обратилъ вниманіе на организованное передъ тѣмъ въ Лондонѣ Международное Общество Рабочихъ (такъ наз.

*) Мысль объ Интернац. обществѣ рабочихъ была поставлена въ Лондонѣ на митингѣ 28 Сент. 1864 г.; въ Сент. 1865 г. была въ Лондонѣ о томъ конференція, а 3 Сент. 1866 открылся въ Женевѣ первый конгрессъ Интернаціональнаго общества.

Интернаціональ), которое имѣло уже 2-й конгрессъ (2—8 Сент. 1867) въ Лозаннѣ. Бакунинъ предложилъ Интернаціоналу проэктъ союза съ Лигой, на условіи, что „рабочіе обяжутся поддерживать буржуазію, при завоеваніи политической свободы, а буржуазія обяжется содѣйствовать экономическому освобожденію пролетаріата“. Такой союзъ не былъ заключенъ, но рабочіе послали въ Женеву делегацію, которая присутствовала на конгрессѣ Лиги. Въ Іюлѣ 1868 г. Бакунинъ поступилъ въ Интернаціональ, былъ принятъ, по предложенію г. Элпидина, членомъ въ центральную секцію въ Женевѣ *) и предложилъ вновь союзъ Лиги и Интернаціонала,—но Брюссельскій конгрессъ послѣдняго (5—11 Сент. 1868 г.), согласился только послать депутацію на конгрессъ Лиги въ Бернѣ. Депутаты, впрочемъ, должны были присутствовать тамъ лишь какъ частныя лица. На конгрессѣ Лиги въ Сентябрѣ 1868, лишь 30 членовъ изъ 110 приняло социалистическую программу Бакунина, (между ними братья Реклю, Фанелли, Жуковский и пр.),—и тогда это меньшинство вышло изъ Лиги и образовало „Alliance internationale de la Démocratie Socialiste“. Въ этомъ союзѣ было образовано тайное интернаціональное братство, котораго центральный комитетъ передалъ диктатуру Бакунину. Союзъ хотѣлъ поступить въ Интернаціональ, сохраняя при этомъ свою отдѣльную организацію,—но ни національные совѣты Интернаціонала въ Бельгіи и Франціи, ни общій совѣтъ въ Лондонѣ не принялъ Союза на такихъ основаніяхъ и лишь въ 1869 г., когда общая организація Союза была объявлена (22 Іюня) распушеною, отдѣльныя секціи его были приняты въ Интернаціональ. Не смотря на это, бакунисты покушались неоднократно возобновить подъ разными именами Союзъ, сохраняя въ то же время свое мѣсто въ Интернаціоналѣ.

Между тѣмъ въ Россіи возникло т. наз. Нечаевское дѣло. Процессъ, разбиравшійся въ Россіи въ Іюлѣ 1871 г. по поводу убійства въ к. 1869 г. Нечаевымъ и сообщниками его студента Петровской Земледѣльческой академіи у Москвы Иванова, открылъ цѣлый рядъ обмановъ со стороны Нечаева **).

*) Въ т. наз. центральныя секціи обыкновенно поступали лица, которые не принадлежали къ числу рабочихъ,—поэтому такія секціи назывались „секціями пропаганды“. Въ 1869 г. Бакунинъ явился на конгрессъ Интернаціонала въ Базелѣ, какъ делегатъ размотчицъ шелка въ Ліонѣ, хотя и жилъ въ Женевѣ. Въ спискѣ членовъ конгресса онъ записанъ такъ: Bakounine, publiciste, délégué des ouvrières ovalistes de Lyon; Genève, 125, Rue Montbrillant“. (Testut, L'Internationale, 147).

**) Сергѣй Г. Нечаевъ родился въ с. Хомутовѣ во Владимірской губ. въ семействѣ священника и въ 1867 г. былъ учителемъ закона Божія и репетиторомъ въ Сергіевскомъ училищѣ въ Петербургѣ. Тамъ онъ сблизился со студентами медико-хирургической академіи, среди которыхъ было много семинаристовъ, и у одного не семинариста сталъ брать уроки французскаго языка, читая преимущественно La Lanterne Рошфора. Во время студенческихъ волненій въ началѣ 1869 г. Нечаевъ являлся часто на собранія студенческихъ делегатовъ, при чемъ называлъ себя деле-

Время дружбы Бакунина съ Нечаевымъ,—это періодъ въ жизни Бакунина, который производитъ самое несимпатичное впечатлѣніе. Нельзя читать многія письма этого времени безъ отвращенія, особенно тѣ, которыя обнаруживаютъ усилія, то нахальныя, то хитрыя, затянуть въ нечаевщину старшую дочь Герцена, едва оправившуюся отъ тяжелой болѣзни и вынесшую страшный ударъ смерти отца,—дѣвушку, о которой самъ Бакунинъ говорилъ Огареву, что онъ любитъ ее больше всѣхъ „изъ семьи нашего друга“ *). Совершенно понимая желаніе многихъ набросить вуаль на эту часть жизни Бакунина, мы не могли однако жъ утаить отъ потомства ни фактовъ, ни писемъ изъ этого времени, между прочимъ и потому, что по поводу отношеній Бакунина съ Нечаевымъ на перваго брошено уже не мало грязи и консерваторами и марксистами. Лучше уже рассказать

гатамъ литераторовъ и увѣрялъ, что имѣетъ связи даже въ III-мъ отдѣленіи. Въ Мартѣ 1869 г. Нечаевъ явился въ Женеву, послѣ студенческихъ волненій въ Россіи, и выдалъ себя за делегата студентовъ, выдумывая при этомъ, будто онъ убѣжалъ изъ Петербургской крѣпости. По словамъ брошюры Н. Утина, Бакунинъ былъ предупрежденъ относительно выдумокъ Нечаева, но тѣмъ не менѣе сошелся съ нимъ и выдалъ ему удостовѣреніе такого содержанія: „Предъявитель этого удостовѣренія есть одинъ уполномоченный представитель русской вѣтви всемірнаго революціоннаго союза“,—съ печатью „Alliance révolutionnaire européenne“, помѣткою: 12 Мая 1869 и подписью Михайлъ Бакунинъ. Замѣчательно, что титулы революціоннаго общества на этомъ удостовѣреніи и печать не совпадаютъ ни съ „Association Internationale des travailleurs“, ни съ „Alliance de la démocratie socialiste“, а между тѣмъ въ Россіи Нечаевъ выступалъ отъ имени перваго сообщества. 3/15 Сент. 1869 г. Нечаевъ явился съ этимъ удостовѣреніемъ въ Москвѣ къ Успенскому и приступилъ къ организаціи революціоннаго общества, увѣряя въ тоже время своихъ адептовъ въ существованіи уже въ Россіи многочисленнаго соціально-революціоннаго союза и его могучаго комитета. Встрѣтивъ недовѣріе и оппозицію въ Ивановѣ, студентѣ Земледѣльческой Академіи около Москвы, Нечаевъ убѣдилъ нѣсколькихъ товарищей убить его, какъ предателя; убійство совершено было ночью въ паркѣ Землед. Академіи: скоро начались аресты по его поводу, но Нечаевъ уѣхалъ въ Швейцарію. Дальнѣйшая его исторія видна въ письмахъ Бакунина. (Кромѣ данныхъ о процессахъ, см. о Нечаевѣ—„Матеріалы для біографіи“ его Л. Т. и З. Р. въ № 1 „Вѣстника Народной Воли“. Женева. 1883, и Zamfir C. Arbure „Temnita si exil“. 1894, 67 и д.).

*) Извѣстно стихотвореніе Огарева, которое послужило рекомендаціей Нечаеву, черезъ перемѣну, по совѣту Бакунина, посвященія Нечаеву, вмѣсто Астракова, товарища молодости Огарева. Подобнымъ же образомъ Бакунинъ хотѣлъ добыть признаніе Нечаева и со стороны Нат. Ал. Герцена. Для этого онъ просилъ послѣднюю нарисовать виньетку: мужика (великорусскаго) съ топоромъ и подписать свое имя, но на за что не соглашался сказать, какое употребленіе онъ сдѣлаетъ изъ этой виньетки. Н. А. Герценъ отказала. Вообще надо сказать, что пробы макиавелизма, какъ и конспираторства, у Бакунина отличались большою наивностью: видно, что добродушная, русско-помѣщичья натура Мих. Ал.—ча не имѣла въ себѣ ни зерна натуры хитраго венеціанца Яго!

правду во всей ея документальной наготѣ, такъ какъ правда все оправдываетъ, потому что все объясняетъ, а къ тому же и учить „потомство“.

Не лишено значенія и то обстоятельство, что „нечаевщина“ произвела было самое отталкивающее впечатлѣніе на современную русскую молодежь, тотчасъ послѣ опубликованія процесса Нечаевцевъ въ 1871 г., но послѣ, когда нѣкоторыя подробности были забыты, были дѣлаемы даже попытки идеализаціи Нечаева и новой популяризаціи среди русской молодежи его приемовъ „революціонной дѣятельности“, признакъ, показывающій, что болѣзнь нечаевщины сидитъ глубже, и распространена больше, чѣмъ можно было предполагать.

Увлеченіе Бакунина Нечаевымъ показываетъ всего лучше, какъ Бакунинъ, хотя и самъ обладалъ способностью производить обаятельное дѣйствіе на другихъ, способенъ былъ самъ увлекаться другими, даже низшими себя натурами, если встрѣчалъ въ нихъ активность. Во всякомъ случаѣ близость съ Нечаевымъ сильно повредила Бакунину въ Западной Европѣ.

Въ Сентябрѣ 1871 г. Лондонская конференція Интернаціонала, по предложенію Общаго совѣта, руководимаго Марксомъ, рѣшила разслѣдовать участіе Союза и Бакунина въ дѣлахъ Нечаева и поручила Николаю Утину составить по этому вопросу докладъ. Послѣдній былъ представленъ Гаагскому конгрессу Интернаціонала въ 1872 г. и изданъ подъ заглавіемъ „L'Alliance, de la Démocratie Socialiste et l'Association Internationale des Travailleurs“ (Londres, A. Darson. Hambourg, en vente chez Otto Meissner, нѣмецкое изданіе въ Брауншвейгѣ) *). Гаагскій конгрессъ исключилъ Бакунина изъ Интернаціонала, который, впрочемъ, вслѣдъ за тѣмъ распался, какъ изъ-за бакунинскаго вопроса, такъ и изъ-за вопроса о необходимости существованія въ Интернаціоналѣ центрального Общаго совѣта. Не смотря на то, что Гаагскій конгрессъ назначилъ пребываніе этому совѣту въ Америкѣ и тѣмъ ослабилъ его практическое значеніе въ Европѣ, многія секціи швейцарскія, испанскія и бельгійскія, не желавшія никакой централизаціи въ Интернаціоналѣ, протестовали и созвали отдѣльный конгрессъ „антиавторитарнаго“, или „федералистическаго“ Интернаціонала въ St. Imier, въ Юрской Швейцаріи. Этотъ новый Интернаціоналъ, въ которомъ Бакунинъ сохранилъ нѣкоторый авторитетъ,

*) Защита Alliance изложена въ книгѣ „Memoire présenté par la Fédération Jurassienne de l'Association Internationale des travailleurs à toutes les fédérations de l'Internationale“ Sonviller, 1873. Въ книгѣ этой много документовъ, а также газетныхъ статей и рѣчей Бакунина. Брошюрой Утина пользовался главнымъ образомъ E. De Levelaye для своей характеристики Бакунина, какъ „апостола нигилизма“, въ книгѣ „Le Socialisme contemporain“. Довольно обстоятельно и безпристрастно изложено столкновеніе партій Маркса и Бакунина въ упомянутой выше статьѣ Малона.

и котораго главную опору составляла Юрская федерація, продолжалъ созывать конгрессы до 1877 г., пока въ Гентѣ и онъ распался на группы коллективистовъ и чистыхъ анархистовъ. Но въ это время Бакунинъ уже не жилъ. Онъ умеръ 6 Юля (нов. ст.) 1876 г. въ Бернѣ, куда пріѣхалъ для леченія у стараго пріятели, доктора Фохта.

О послѣднемъ времени пребыванія Бакунина въ Локарно есть весьма характерныя показанія въ „Воспоминаніяхъ Дебагорія Мокріевича“ (Парижъ, 1894).

Хотя мы считаемъ еще преждевременною, по недостаточности матерьяловъ, общую оцѣнку значенія дѣятельности Бакунина, но позволяемъ себѣ сказать въ заключеніе нашего біографическаго очерка, что слова Бѣлинскаго, взятые нами за эпитафію, вѣроятно, окажутся близкими къ оцѣнкѣ. Въ лицѣ Бакунина мы имѣемъ крупный образецъ активнаго русскаго человѣка, въ области политики едва ли не единственный въ 40-е годы и даже послѣ, довольно рѣдкій. Само собою разумѣется, что при оцѣнкѣ всякой активности должна приниматься во вниманіе не только энергія ея и ея направленіе, но и ея умѣлость и полезность ея результатовъ. Относительно же многихъ проявленій активности Бакунина и теперь можно уже сказать, что они приносили больше вреда, чѣмъ пользы для самого дѣла, которому онъ же хотѣлъ служить. Но вины тому слѣдуетъ искать не только въ личныхъ свойствахъ Бакунина, но и въ общихъ условіяхъ русскаго политической жизни. Цѣлесообразное направленіе энергіи, умѣлость въ политической дѣятельности—это вещи, которыя не импровизируются, а вырабатываются долгимъ и при томъ наслѣдственнымъ опытомъ, какъ умѣнье плавать пріобрѣтается только въ водѣ. А гдѣ же въ Россіи была та политическая вода, въ которой бы Бакунинъ могъ выучиться умѣло плавать? Отсутствіемъ всякихъ кадровъ для свободной общественной дѣятельности, русскіе люди и до сихъ поръ осуждены учиться ей не столько положительными примѣрами, сколько наблюденіемъ ошибокъ предшественниковъ и сверстниковъ.

Такъ какъ настоящее изданіе выше выходитъ по-русски и по-нѣмецки *), то мы тѣмъ болѣе должны сказать хоть нѣсколько словъ по поводу сужденій, какія часто высказываются о Бакунинѣ въ западно-европейской печати. Такъ, напр., Бакунинъ выставляется спеціальнымъ врагомъ нѣмцевъ изъ побужденій русскаго шовинизма, который у него скрывался-де подъ социализмомъ,—такъ, онъ называется отцомъ русскаго нигилизма, а въ послѣднее время отцомъ современнаго бомбистскаго анархизма.

*) Она печатается одновременно съ оригиналомъ и въ нѣмецкомъ переводѣ въ Bibliothek Russischer Denkwürdigkeiten. Herausgegeben von Theodor Schiemann. (Stuttgart, Gotha), гдѣ помѣщенъ и переводъ изданныхъ нами Писемъ Кавелина, Тургенева и Аксакова къ Герцену.

Раздраженіе противъ нѣмцевъ проходитъ и черезъ печатаемые нами документы. Но надо поискать источникъ этого раздраженія и вообще противунѣмецкихъ тенденцій Бакунина.

Корень раздраженія Бакунина противъ нѣмцевъ находится въ его участіи въ славянскомъ съѣздѣ 1848 г., который былъ ненавистенъ почти всѣмъ нѣмцамъ въ свое время. Отсюда же идетъ и нерасположеніе нѣмецкой прессы къ Бакунину, независимое отъ какихъ бы то ни было его воззрѣній. Между тѣмъ можно сказать, что вопросъ, который раздражалъ главнымъ образомъ и нѣмцевъ и славянъ въ 1848 г., уже порѣшенъ исторіей и при томъ главнымъ образомъ нѣмецкой, въ смыслѣ гораздо болѣе близкомъ къ желаніямъ славянскихъ патріотовъ 1848 г., чѣмъ нѣмецкихъ: съ 1866 г. Австрія съ ея землями, входившими въ германскій союзъ, и съ славянскимъ ихъ населеніемъ, устранена въ Германіи и въ ней *volens-nolens* стало сильнѣе развиваться равноправіе народностей, которое несомнѣнно приблизится къ типу швейцарскому.

Затѣмъ, какъ это ни страннымъ можетъ показаться, а значительная часть антинѣмецкихъ идей Бакунина есть въ сущности славянорусскій переводъ нѣмецкихъ же историческихъ теорій, бывшихъ особенно въ ходу въ то время, когда Бакунинъ учился въ Германіи. Какъ извѣстно, тогда во всей Западной Европѣ, а особенно въ Германіи, было въ большой силѣ построеніе исторіи, которое видѣло во всемірной цивилизаціи проявленіе національныхъ духовъ и сущностей (*Geist und Wesen*), со смѣной національныхъ гегемоній. Только нѣмецкіе теоретики предполагали въ новой исторіи безконечную гегемонію германскаго духа, между тѣмъ какъ славянскіе ихъ ученики ждали періода гегемоніи славянской. Подобно тому, какъ германофилы раздѣлялись на консервативныхъ, церковно-монархическихъ, которые видѣли осуществленіе германскаго идеала въ католической Австріи или въ лютеранской Пруссіи, и прогрессивныхъ, либерально-раціоналистическихъ, которые считали представителями Тацитовой Германіи Англію или Сѣверную Америку,—раздѣлились и славянофилы: въ то время, какъ одни поклонялись православію и царизму,—другіе считали славянъ, по крайней мѣрѣ русскихъ, за народъ реалистическій, не религіозный по преимуществу, а политическихъ идеаловъ славянскихъ искали въ демократіяхъ, какія описаны византийскими писателями. Специально въ Россіи даже ортодоксальная школа московскихъ славянофиловъ (Хомякова, Аксаковыхъ и др.) видѣла идеалъ національнаго государства не въ бюрократической Имперіи Николая I, какъ фракція Погодина, а въ московскомъ царствѣ съ его челобитьями (петиціями) земскихъ соборовъ. Другіе,—(особенно украинскіе панслависты школы Костомарова)—отступали еще болѣе въ глубину вѣковъ и видѣли національный идеалъ славянорусскаго государства въ Кіево-Новгородскихъ вѣчахъ, а продолженіе его въ казачьихъ кругахъ. Герценъ и Бакунинъ сблизились съ этимъ послѣднимъ направленіемъ, которое изъ историковъ великоруссовъ стали излагать проф. Пл. В. Павловъ и Щаповъ *).

*) Пр. Павловъ прошесть нѣкоторое время въ Лондонѣ въ близкихъ отноше-

Впрочемъ, Костомаровъ, Павловъ и Щаповъ, какъ присяжные ученые, были довольно сдержаны въ своихъ обобщеніяхъ и при томъ чужды ученія объ устарѣлости романогерманскаго запада. Да и у Бакунина этого ученія всегда было мало видно,—онъ только антипатизировалъ специально нѣмецкому вліянію на русское государство въ ряду другихъ подобныхъ вліяній, измѣнившихъ будто бы его національный, свободный характеръ—какъ вліяніе византійское и татарское.

Такимъ образомъ у русскихъ націоналистовъ, въ родѣ Бакунина и Герцена, составилось ученіе о томъ, что современная имъ Русская имперія есть государство типа чуждаго русскому народу: византійско-татарско-нѣмецкое или „голштейнъ-татарское“, какъ выражался Герценъ. Такая философія исторіи русской,—которой цѣликомъ все же не раздѣляли болѣе ученые русскіе историки, была довольно удобна для борьбы съ абсолютизмомъ и потому пошла въ ходъ въ публикѣ и публицистикѣ. Къ тому же несомнѣнное участіе нѣмецкихъ фамилій въ числѣ слугъ системы Николая I (Клейнмихели, Бенкендорфы и т. п.) давало видимую поддержку этой историко-политической философіи *).

Всѣ такія построенія исторіи и политики теперь подорваны въ корнѣ сравнительно-антропологическими студіями, которыя между прочимъ показали, что общинно-свободныя учрежденія—фактъ общечеловѣческій, а въ то же время и абсолютно бюрократическія представляютъ собою фазу, черезъ которую проходятъ всѣ большія государства, при чемъ фактъ посторонняго вліянія (азіатскихъ деспотій на грековъ и римлянъ, римско-византійскаго права на среднюю Европу, Франціи на Германію, Германіи на Россію) есть фактъ второстепенный. Но нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ всѣ эти націоналистическія и даже національно мессіанистическія построенія исторіи и политики были дѣломъ весьма естественнымъ и въ Западн. Европѣ и въ Россіи.

Въ Россіи эти построенія были подорваны съ половины 60-хъ годовъ какъ началомъ новаго научнаго направленія, такъ и рѣшительнымъ переходомъ славянофиловъ въ лагерь реакціонный, такъ что Герценъ съ его социалистическимъ славянофильствомъ остался изолированнымъ. Бакунинъ заплатилъ дань славянскому мессіанизму

ніяхъ съ Герценомъ (см. показанія г-жи Огаревой). Многія экскурсіи Герцена и Огарева въ область философіи исторіи Россіи напоминаютъ намъ лекціи пр. Павлова, слышанныя нами въ Кіевскомъ университетѣ.

*) Даже Костомаровъ замѣтилъ въ статьѣ о „Началѣ Руси“, что присоединеніе остзейскихъ провинцій къ Россіи оказало особенно большое вліяніе на развитие въ ней „государственности“.

гораздо слабѣе, чѣмъ Герценъ *). Послѣ неудачи польскаго возстанія 1863—64 гг. этотъ мессіаниззмъ у Бакунина совершенно исчезаетъ. У него осталось раздраженіе противъ нѣмцевъ или, лучше сказать его словами, противъ нѣмецкихъ евреевъ, поддерживаемое полемическими нападеніями на него,—да недовѣріе къ революціонности нѣмцевъ, но мнѣній о какомъ бы то превосходствѣ славянъ передъ „латино-германскимъ западомъ“ у Бакунина въ то время нѣтъ вовсе. Совсѣмъ напротивъ: онъ высказываетъ мнѣніе, что Западъ долженъ опередить Россію по части соціальной революціи и возлагаетъ особенныя надежды на романскіе народы.

Въ болѣе молодыхъ русскихъ передовыхъ кругахъ, особенно среди социалистовъ, подъ вліяніемъ Интернаціонала, всякія націоналистическія тенденціи если не исчезаютъ, то прячутся: у народниковъ онѣ живутъ, какъ вѣра въ то, что русскій крестьянинъ по натурѣ социалистъ, и способенъ произвести соціальную революцію, можетъ быть, и раньше западнаго рабочаго. Но какъ теоретическое ученіе русскій мессіаниззмъ не высказывается ясно уже никѣмъ въ передовыхъ русскихъ кругахъ съ 70-хъ годовъ. Специально же у социалистовъ русскихъ замѣчается съ этого времени даже возрастающее подчиненіе мнѣніямъ западныхъ школъ, въ томъ числѣ, въ послѣднее время, особенно нѣмецкимъ соціаль-демократамъ, у которыхъ русскіе не замѣчаютъ даже остатковъ стараго нѣмецкаго націонализма, сильнаго въ особенности у тѣхъ, которые воспитались до 1848 г. **).

*) Сильнѣйшее выраженіе этого мессіанизма у Бакунина мы находимъ въ слѣдующей фразѣ „Воззванія къ славянамъ“,—гдѣ онъ говоритъ, что славяне могутъ „перелить свою внутреннюю политику, какъ свѣжіе весенніе соки въ жилы оконченной европейской народной жизни“ (см. стр. 370)

**) Ни у Герцена, ни у Бакунина не найдется ничего подобнаго словамъ Лассаля, который апплодировалъ надеждамъ Родбертуса Ягетцова „дожить до времени, когда турецкое наслѣдство достанется Германіи и когда нѣмецкіе полки солдатъ или работниковъ будутъ стоять на Босфорѣ“ и признавалъ славянъ не за націю, а „за расы, которыя имѣютъ одно право: быть ассимилированными великими культурными націями“. (Briefe von Ferdinand Lassale an Karl Rodbertus-Jahetzow. Berlin. 1878, 56—57). Во время послѣдней балканской войны нѣмецкіе соціаль-демократы, съ Либкнехтомъ во главѣ, были открыто на сторонѣ Турціи и не потому, что боялись, что Россія не достаточно освободитъ балканскихъ славянъ, а прямо изъ ненависти къ славянамъ. Въ своихъ рѣчахъ и статьяхъ Либкнехтъ оплакиваетъ исключеніе Австріи изъ Германіи, такъ какъ черезъ это „прорванъ вадъ, который шель чрезъ славянскій міръ отъ Балтійскаго моря до Адріатики“ и такъ какъ черезъ это „Австрія предана почти безпомощно славянскому наводненію“. Онъ считаетъ турецкія жестокости за русскую выдумку, равно какъ и существованіе „южныхъ славянъ, стремящихся къ свободѣ“ и т. д. (Die Orientdebatte im deutschen Reichstag.—id. Zur orientalischen Frage, oder: Soll Europa kosakisch werden? Ein Mahnwort an das deutsche Volk. Leipzig. Hühne. Cp. Zur

Относительно приложенія къ Бакунину имени отца русскаго нигилизма надо прежде всего сказать, что подъ слово ингилизмъ подгоняють движеніе слишкомъ сложное, чтобъ его можно было опредѣлить однимъ словомъ, и часто называютъ нигилистами напр. такихъ противниковъ правительства въ Россіи, которые въ западной Европѣ явились бы весьма умѣренными политиками. Кромѣ того, подъ слово нигилизмъ подводятъ два движенія; которыя были въ сущности своей весьма различны и по своей идейной подкладкѣ, да и по личному составу. Движеніе, олицетворенное въ Базаровѣ, въ романѣ Тургенева, писанномъ въ 1861 г., имѣло въ себѣ мало социально-политическаго элемента, а было больше философскимъ и культурнымъ,—какъ отраженіе въ Россіи идей матеріализма и утилитаризма, съ отбѣнкомъ всероссійской малокультурности и великороссійской грубоватости. Движеніе же 70-хъ годовъ, проявившее себя въ „хожденіи въ народъ“ съ его послѣдствіями, было насквозь социальнымъ и явилось, какъ смѣсь западнаго социализма съ отечественнымъ „народничествомъ“.

Бакунинъ совсѣмъ былъ непричастенъ къ базаровщинѣ, да мало имѣлъ соприкосновенія и съ такими предшественниками социально-революціоннаго хожденія въ народъ, каковымъ была прокламація „Молодая Россія“ въ 1862 г., провозгласившая надежду только на народъ (черный) и учащуюся молодежь и пошедшую собственно въ разрѣзъ съ проявившимся тогда движеніемъ въ образованномъ „обществѣ“ съ дворянствомъ,—къ побужденію правительства созвать земскій соборъ. Это движеніе поддерживалъ Чернышевскій (Письма безъ адреса) и самъ Бакунинъ съ Огаревымъ редижировали проэктъ адреса о земскомъ соборѣ и Бакунинъ полемизировалъ съ „Молодой Россіей“, которую только послѣ 1866 г. онъ началъ ставить въ образецъ новѣйшей молодежи. Такимъ образомъ можно сказать, что Бакунинъ былъ столько же въ отцахъ болѣе новаго движенія, проявившагося въ 70-е годы, сколько и въ дѣтяхъ его предшественниковъ и въ его братьяхъ. И въ этомъ пунктѣ онъ и увлекалъ другихъ, и самъ былъ увлекаемъ.

По отношенію къ современному, бомбистскому, анархизму, Бакунинъ можетъ быть признанъ развѣ дѣдомъ его, а вовсе не отцемъ, какъ Прудонъ и Максъ Штирнеръ могутъ быть признаны прадедами

orientalishen Frage, oder Soll die sozialistische Arbeiterpartei türkisch werden? Ein Mahnwort an die deutsche Sozialdemokratie von H. L. (сербъ). Между тѣмъ русскіе социаль-демократы простирають свое космополитическое усердіе до того, что тоже не одобряли сербо-болгарскаго движенія противъ Турціи въ 1875—77 гг. и совѣтовали балканскимъ славянамъ подождать социальной революціи въ Германіи, Австріи и Россіи (см. напр. „Впередъ“ г. Лаврова), а недавно совершенно наивно напечатали въ русскомъ „Соціалъ-демократѣ“ статью Энгельса объ иностранной политикѣ Россіи, не замѣтивъ ни ея старомоднаго націонализма, ни фактическаго незнакомства съ предметомъ.

его. Конечно, вполне выяснить отношение это может только обнаружение всей переписки Бакунина с социалистами западноевропейских стран. Пока же в письмах Бакунина и его прокламациях можно найти мысль о „всеразрушении“ государственных форм, о значении огня, кинжала и яда в революции, совета парижским коммунарам разрушить полъ-Парижа и даже слѣды плановъ, добыть средства для революции посредством частной кражи. Но преобладающей революционной мечтой Бакунина былъ организованный общинный бунтъ, а не индивидуальные подвиги Равашоля, Генри и т. п. Политическое учение Прудона объ анархизмѣ, которое сводилось у него собственно къ федерализму, на манеръ Швейцарскаго (см. его *Du principe fédératif*) Бакунинъ видоизмѣнилъ въ аморфизмъ, и то какъ переходной моментъ къ будущему построению общества снизу вверхъ, — и въ то же время превратилъ прудоновское воздержаніе отъ участія въ политическихъ выборахъ во время имперіи, въ постоянное отрицаніе для социалистовъ политической дѣятельности среди „буржуазнаго государства“, рекомендуя вмѣсто нея пропаганду революционными фактами (*propagande par le fait*). Но характерный примѣръ бакунинскаго парлефетизма, послѣ неудачи Болонской попытки 1874 г. была Беневентская попытка, устроенная вполне по рецепту Бакунина въ 1877 г., когда въ села явились группы революціонеровъ (предводимыя итальянскими друзьями Бакунина и однимъ русскимъ) и объявили уничтоженіе податей, частной собственности, сожигали официальные бумаги и т. п. (См. между прочимъ *Em de Laveleye, Le Socialisme contemporain*, VII éd., 257—259). Различіе съ анархизмомъ, бросающимъ бомбы въ кафе,—огромное!

Надо замѣтить и то, что въ Россіи, гдѣ вліяніе Бакунина должно было быть значительно, и которая считается почвою бакунизма, ничего похожаго на новѣйшій анархизмъ нѣтъ *). Въ пропагандѣ новѣйшаго анархизма во Франціи въ 80-е годы приняли участіе гораздо больше послѣдователи Бланки и Пиа съ примѣсью агентовъ хитроумнаго префекта Andrieux, чѣмъ старые анархисты школы Бакунина **).

*) Единственный теперь русскій анархистъ, кн. Петръ Крапоткинъ принимаетъ въ анархическомъ движеніи чисто платоническое участіе и пишетъ въ англійскихъ обзорѣніяхъ статьи объ анархизмѣ, скорѣе филантропическаго, чѣмъ революціоннаго характера, такъ что одну изъ нихъ консервативный *Journal des Debats* поставилъ даже въ образецъ французскимъ анархистамъ, такъ какъ она не проповѣдуетъ ни кражъ, ни убійствъ и т. п. Одинъ изъ русскихъ учениковъ Бакунина, принимавшій участіе въ „Беневентской попыткѣ“ нѣсколько разъ выступалъ въ англійской печати противъ новѣйшаго бомбистскаго анархизма. Также точно и г. Мокріевичъ указываетъ на разницу этого анархизма съ бунтарствомъ Бакунина. (См. выше).

**) Изъ послѣднихъ болѣе видные, какъ Маллонъ, Гэдъ, Бруссъ, какъ въ Италіи Коста, оказались среди социалистовъ, социалдемократовъ и т. п. другіе какъ Guillaume, советѣмъ удалились отъ политики.

Русскій „терроризмъ“ 1878—1881 гг., или проще сказать, рядъ политическихъ убійствъ въ Россіи,—не имѣетъ ничего общаго съ новѣйшимъ западноевропейскимъ анархизмомъ ни по своимъ политическимъ идеямъ и цѣлямъ, ни по своему приложенію. Конечно, онъ вліялъ на возбужденіе новѣйшаго анархизма въ Западной Европѣ, но лишь фактомъ своего существованія,—но даже извѣстный русскій „исполнительный комитетъ“ прямо заявилъ, что считаетъ политическія убійства въ странѣ, гдѣ есть политическая свобода, неоправданнымъ преступленіемъ *). Разговоры же, которые велись въ нѣкоторыхъ кружкахъ русской молодежи въ 1880-е годы о примѣненіи въ Россіи „террора ирландскаго“, т. е. преступленій аграрныхъ остались безъ всякаго примѣненія на дѣлѣ. Но и между ирландскими аграрными преступленіями и бомбами новѣйшаго анархизма лежитъ цѣлая пропасть!

П Р И Л О Ж Е Н І Я

I.

ВОСПОМИНАНІЯ О БАКУНИНѢ АДЛЬФЪ РЕЙХЕЛЯ

(„La Révolte“ supplément au №№ 10, 11, 12).

Все, что я могу сообщить о Михаилѣ Бакунинѣ, состоитъ изъ нѣсколькихъ отрывочныхъ указаній, которыя конечно могутъ касаться только близкихъ дружескихъ отношеній, существовавшихъ между нами много лѣтъ. Эта дружба была основана на чистотѣ идей, которой онъ руководствовался въ своихъ политическихъ дѣлахъ, а я въ музыкальныхъ, вслѣдствіе этого намъ никогда не приходило въ голову спрашивать другъ друга о нашихъ личныхъ дѣлахъ; поэтому я не въ состояніи дать никакихъ поясненій о томъ, какія отношенія онъ поддерживалъ съ семьей и отечествомъ, которые онъ рано покинулъ. Вспоминая признанія, которыя рѣдко вырывались изъ него, я могу только сказать, что онъ питалъ къ своему отцу безграничное уваженіе и любовь, а къ матери чувствовалъ такое сильное отвращеніе, которое, по его собственнымъ словамъ, доходило даже до ненависти. Онъ не былъ въ хорошихъ отношеніяхъ ни съ кѣмъ изъ братьевъ и сестеръ кромѣ брата Павла, который былъ моложе его, и сестры Татьяны, къ которой онъ проникся прочной и сердечной симпатіей.

Въ 1842 году, одинъ общій знакомый представилъ мнѣ трехъ молодыхъ русскихъ, которые, всѣ три, поразили меня своимъ необычайнымъ ростомъ. Это были Михаилъ и Павелъ Бакунины и Иванъ Тургеневъ, который въ послѣдствіи приобрѣлъ такую извѣстность

*) Политическій терроръ по нашему мнѣнію является лишь продуктомъ политической незрѣлости о чемъ говоритъ исторія Запада ибо чѣмъ выше культура тѣмъ меньшее количество преступленій на почвѣ политическаго террора. Въ Англіи в. у. преступленія почти совсѣмъ неизвѣстны, а если они и практиковались въ Ирландіи то это объясняется сравнительно низкой ступенью развитія Ирландцевъ. Прим. изд.

своими замѣчательными романами. Михаилъ скоро съумѣлъ, увлекательной силой своей рѣчи, завоевать мою симпатію и симпатію моеѣ старшей сестры, которую онъ и сохранилъ вѣрно и преданно до самой своей смерти. Когда, вскорѣ послѣ того, Тургеневъ и Павелъ возвратились въ Россію, онъ (Михаилъ) предпочелъ продолжать свое пребываніе за границей.

Бакунинъ, который былъ тогда красивымъ молодымъ человекомъ, не могъ не производить, своимъ блестяще одареннымъ умомъ, сильнаго вліянія на людей, которые горячо противились его взглядамъ, тогда уже открыто революціоннымъ, и Германія скоро сдѣлалась для него страной настолько опасной, по причинѣ его личныхъ отношеній съ Гервегомъ, что онъ счелъ за лучшее не оставаться долѣе въ Дрезденѣ, а уйти на свободную почву Швейцаріи; тамъ, сперва въ Цюрихѣ, потомъ въ Бернѣ, онъ могъ рассчитывать на безопасное убѣжище противъ русскихъ преслѣдованій. Незадолго до его выѣзда (это было въ началѣ 1843 г.) я имѣлъ случай присутствовать у него на собраніи нѣсколькихъ молодыхъ нѣмцевъ, и тамъ, въ числѣ прочихъ, я познакомился съ Арнольдомъ Руге, издателемъ „Hall'sche Jahrbücher“, гдѣ Бакунинъ помѣстилъ свою записку, которой главнымъ пунктомъ были эти слова: „Духъ разрушенія есть творческій духъ“. Какъ странно должны были звучать изреченія для меня, замкнутаго въ моей музыкальной области, занятаго скорѣе сохраненіемъ приобрѣтеннаго блага, чѣмъ уничтоженіемъ предполагаемаго зла, въ то время, какъ мнѣ въ этомъ собраніи предсказывали близкую, огромную всеобщую революцію, послѣ которой карта Европы должна была представлять совершенно новый видъ. Но возбужденные голоса гостей покрывали слабыя возраженія музыканта-консерватора, и онъ ограничился тѣмъ, что заключилъ пари съ Бакунинымъ, который утверждалъ, что, въ теченіи пяти лѣтъ, весь политическій строй Европы подвергнется полному измѣненію. Это пари было проиграно обѣими сторонами, хотя черезъ пять лѣтъ послѣ того и была произведена революція въ Парижѣ. Слишкомъ ясно чувствовалось съ самаго ея начала, что для ея успѣха необходимы болѣе продолжительныя измѣненія чѣмъ тѣ, какія могли быть даны во время трехдневнаго мятежа. Теперь всякій знаетъ, что вмѣстѣ съ политическими интересами выступали на первый планъ и социальныя, которыхъ не могутъ уладить ни войны ни договоры, которые могутъ быть удовлетворены только путемъ природы и воспитанія. Такъ и Бакунинъ нашелъ, при своемъ прибытіи въ Швейцарію, зародыши коммунистическаго движенія, и его подстрекало присоединиться къ нему лично и направлять какъ можно лучше, революціонныя намѣренія. Когда, послѣ недолгой разлуки, мы встрѣтились, осенью 43 г. въ Женевѣ, мы сначала быстро объѣхали Швейцарію, чрезъ Шамуни, большой Сень-Вернаръ, Гримзель, Фурку и т. д., и проживши нѣкоторое время надъ Женевскимъ озеромъ, мы собирались поселиться на болѣе долгое время въ Бернѣ: но это время, къ несчастію, было сокращено сообщеніемъ русскаго посланника въ Бернѣ, который, по желанію правительства Петербургскаго, отдалъ приказаніе Бакунину

возвратиться не медля въ Петербургъ. Бакунинъ очень хорошо зналъ, что его поѣздка туда легко можетъ продолжиться до самой Сибири, и, такъ какъ посланникъ не могъ ему дать никакой гарантіи относительно этого, то Бакунинъ предпочелъ искать другого мѣста жительства, гдѣ бы онъ могъ укрыться отъ Россіи, и, послѣ нѣкотораго размышленія, онъ нашелъ, что это убѣжище—бельгійское государство, тогда еще молодое. Такъ какъ наша дружеская связь стала еще крѣпче вслѣдствіе нашего общаго путешествія и сердечнаго приѣма сдѣланнаго намъ семействомъ профессора Фогта (Адольфъ Фогтъ, тогда студентъ медикъ, къ нашему удовольствію присоединился къ намъ),—Бакунинъ и я направились вмѣстѣ, въ половинѣ Марта 1844 г., въ Брюссель, гдѣ мы нашли обильную пищу, онъ для своихъ революціонныхъ интересовъ, я для музыкальныхъ. Такъ какъ Брюссель находится почти на дорогѣ изъ Москвы въ Парижъ, то Бакунину случалось время отъ времени видѣться съ кѣмъ нибудь изъ своихъ друзей, которые, хотя и рѣдко раздѣляли его крайніе взгляды, но очень хорошо понимали, что онъ въ изгнаніи. Само собою разумѣется, что Бакунинъ дѣятельно поддерживалъ отношенія съ польскими эмигрантами въ этомъ городѣ (изъ всѣхъ ихъ наиболѣе интересовалъ его профессоръ Лелевель), хотя въ то время еще были невозможны приготовленія къ серьезному возстанію: это должно было случиться позже.

По приглашенію одного московскаго друга, весной 1844 г., онъ ѣздилъ не на долго въ Парижъ, и возвратился оттуда такимъ возбужденнымъ отъ впечатлѣнія, которое произвело на него могучее оживленіе парижскаго населенія, что легко опровергъ мое сужденіе о немъ, и я наконецъ, хотя и съ отвращеніемъ, далъ себя убѣдить поселиться тамъ, по крайней мѣрѣ на время празднествъ въ честь іюльскихъ дней; впрочемъ я еще не пришелъ къ окончательному рѣшенію. Но возможный разрывъ нашей тѣсной связи былъ предупрежденъ какъ стеченіемъ обстоятельствъ, такъ и уступчивымъ направленіемъ моего характера, и вскорѣ я нашелъ въ Парижѣ занятіе подходящее и производительное для моей музыкальной дѣятельности, такъ что пятнадцать дней, которые я обѣщалъ провести въ этомъ городѣ, обратились въ почти столько же лѣтъ.

До сихъ поръ Бакунинъ направлялъ предварительныя усилія къ революціи, можетъ быть слишкомъ ожидаемой, скорѣ теоретическимъ и спекулятивнымъ образомъ, но въ Парижѣ онъ не только нашелъ подходящий случай присоединиться дѣятельно къ революціоннымъ элементамъ (въ этомъ ему помогло знаніе французскаго языка и отношенія съ редакторомъ „National“, Марастомъ), но и былъ поощренъ къ дальнѣйшему развитію своихъ нравственныхъ силъ, для того чтобы быть въ состояніи принять участіе въ движеніи, которое могло вскорѣ наступить. Такъ онъ занимался все съ большимъ и большимъ увлеченіемъ революціями уже бывшими во Франціи, словами и дѣйствіями государственныхъ людей, которые направляли ихъ теченіе или погибли въ нихъ; это давало мнѣ часто поводъ подшучивать надъ его *вѣчной* книгой, которую онъ писалъ каждый день съ тѣмъ, чтобы никогда не кончить. Я не могу отрицать, что при нашихъ все

болѣе и болѣе тѣсныхъ отношенійхъ у насъ было много пунктовъ разногласія: такъ какъ взрывъ, къ которому фатально должны были привести разрушительныя идеи былъ еще слишкомъ далекъ отъ моего мирнаго образа мыслей, то я не могъ, подобно Бакунину, говорить съ удовольствіемъ объ этихъ вопросахъ. Однако я не могъ и не хотѣлъ противорѣчить его симпатіямъ, и это еще болѣе усиливало его революціонныя стремленія. И, какъ уже сказано, эти стремленія направлялись къ измѣненію не только политическаго, но и общественнаго строя, и самъ Прудонъ, который въ своей книгѣ: *Что такое собственность?* бросилъ перчатку буржуазіи, не пренебрегалъ совѣтами этого русскаго, извѣстнаго какъ рѣшительный гегеліанецъ.

Послѣ рѣчи, открыто держанной въ одномъ собраніи польскихъ эмигрантовъ, гдѣ онъ рѣшительно выразился—*не смотря на то, что онъ русскій, а именно въ качествѣ русскаго*—противъ мѣръ принятыхъ въ Петербургѣ противъ Польши, ему, по просьбѣ русскаго правительства, было запрещено французскимъ правительствомъ дальнѣйшее пребываніе во Франціи, и Гизо съ тѣмъ большей готовностью передалъ это приказаніе Бакунину, что мѣстная оппозиція причинила ему уже много непріятностей и онъ едва переносилъ безпокойныхъ иностранцевъ. Бакунинъ возвратился въ Брюссель, куда къ нему легко могли доходить новости о всѣхъ парижскихъ событіяхъ; и когда, въ февралѣ слѣдующаго года, произошла въ Парижѣ революція, я встрѣтилъ его на другой же день утромъ среди самыхъ возбужденныхъ монтаньяровъ, въ одномъ погребѣ на Сентъ-Антуанскомъ предмѣстіи. Восторженный характеръ русскаго эмигранта совсѣмъ не подходилъ къ сверженному правительству, а новое временное правительство Французской Республики настолько не было склонно предпринимать что либо съ нимъ вмѣстѣ, что, не смотря на подозрѣнія противной ему социалистической партіи, которая старалась выдать его за посланнаго отъ русскаго правительства (эти подозрѣнія скоро были опровергнуты), сочло за лучший способъ избавиться отъ него, пославъ его въ Берлинъ, но не официально; тамъ, думалось, навѣрное его пламенная рѣчь очень поможетъ пропагандѣ революціи среди революціонныхъ кружковъ. Дѣйствительно онъ завелъ тамъ, насколько мнѣ извѣстно, дѣятельныя сношенія съ Вальдекомъ и его товарищами; я не знаю, принималъ ли онъ дѣятельное участіе въ берлинскомъ возстаніи 49 г., но его участіе въ революціи, вскорѣ происшедшей въ Дрезденѣ, внѣ сомнѣнія, и потомъ еще долго передавались рассказы объ этомъ самые веселые и самые ужасные. Когда, при помощи Пруссіи, дрезденское возстаніе было усмирено и городъ взятъ, то предводители должны были сдаться, а нѣкоторые изъ нихъ, а въ томъ числѣ и Бакунинъ, были заключены въ Хемницѣ, и вскорѣ послѣ того переведены въ крѣпость Кенигштейнъ, гдѣ имъ предстояла смерть. Кажется, только извѣстный отказъ Бакунина просить о помилованіи задержалъ исполненіе судебного приговора: впрочемъ можетъ быть этому препятствовали и политическія соображенія, и судъ приговорилъ его только къ пожизненному заключенію въ крѣпости. Но, черезъ годъ, этотъ приговоръ былъ замѣненъ выдачей на авст-

рійскую територію по требованію тамошняго правительства, такъ какъ Бакунинъ обвинялся также въ участіи въ Пражскихъ волненіяхъ. Я прилагаю къ настоящимъ запискамъ два письма, помѣченныхъ еще Кенигштейнской крѣпостью, которыя онъ мнѣ писалъ оттуда: не смотря на чувство безотраднaго одиночества, видно, что съ нимъ обращались гуманно.

Послѣ перевода его въ одну крѣпость въ Моравіи, я не получалъ никакихъ извѣстій ни отъ него, ни о немъ и только изъ смутныхъ слуховъ узналъ, что обращеніе съ нимъ было тамъ самое жестокое, какъ съ большимъ преступникомъ: у него обѣ руки были въ цѣпяхъ, что отнимало у него всякую свободу движеній. Это состояніе продолжалось до той минуты, когда онъ былъ выданъ русскому правительству по требованію послѣдняго, и когда, въ Шлиссельбургѣ, онъ нашелъ строгое обращеніе, но все таки болѣе человѣчное, чѣмъ которому онъ подвергался въ австрійской крѣпости. Императоръ Николай даже спросилъ у Бакунина откровеннаго мнѣнія, послѣ опыта, который онъ пріобрѣлъ за границей, о состояніи революціонныхъ движеній. Арестантъ согласился удовлетворить этой просьбѣ съ обычной прямою, но отказался на отрѣзъ сдѣлать какія бы то ни было сообщенія могущія компрометировать людей его партіи: такъ что Императоръ Николай, на запискахъ Бакунина, собственноручно написалъ приказаніе держать подальше, подъ усиленной стражей этого умнаго и столь же опаснаго человѣка. Что касается дальнѣйшихъ событій его жизни, то я отсылаю читателя къ сообщеніямъ Александра Герцена, помѣщеннымъ въ его воспоминаніяхъ; ему, лучше чѣмъ мнѣ, были извѣстны всѣ событія жизни Бакунина. Бакунину я обязанъ личнымъ знакомствомъ съ Герценомъ, такъ какъ я присутствовалъ при первой встрѣчѣ двухъ самыхъ отважныхъ бойцовъ славянской революціи, незадолго до французской революціи, на Бурбонской площади, гдѣ было мое жилище. Хотя Герценъ, при его несравненно большемъ политическомъ смыслѣ, и не могъ удовольствоваться понятіями Бакунина, которыя сводились къ разрушенію всего существующаго, и еще менѣе могъ согласиться съ нимъ, но благодаря своему ясному и проницательному взгляду, онъ не могъ не чувствовать симпатіи къ этой замѣчательно даровитой натурѣ; никто не сумѣлъ лучше его дать такой поразительный образъ нѣсколькихъ чертъ его существа, не смотря на то, что эти бѣглые очерки занимаютъ такъ мало мѣста.

Когда, въ апрѣлѣ 48 г., я провожалъ Бакунина на почту, въ обществѣ Этьена Араго, тогда начальника управленія почтъ, я не предвидѣлъ, что потеряю надолго изъ виду моего стараго друга, и еще менѣе, что ему предстояли долгіе годы суроваго заключенія, самая мысль о которомъ, еще и раньше, всегда казалась ему самой ужасной перспективой. Однако же у него хватило силъ перенести и превозмочь это тяжелое испытаніе страданій и лишеній, благодаря гибкости его ума и не смотря на чувствительную потерю здоровья и тѣлесной крѣпости.

Послѣ смерти Императора Николая мать Бакунина отъ своего имени, старалась выпросить помилованіе для сына у Государя Александра II, но напрасно. Согласно приказанію отца, Бакунинъ, правда, былъ выведенъ изъ Шлиссельбурга, но былъ сейчасъ же сосланъ въ самыя отдаленныя мѣста Сибири, въ Пріамурскій край. И, во время путешествія, онъ неожиданно увидалъ въ Томскѣ, у тетки моей жены, карточку друга, оставленнаго въ Парижѣ, это послужило ему поводомъ сообщить мнѣ о томъ, какъ съ нимъ обращались. Разсказъ о его побѣтѣ, къ счастію удачномъ, на американскомъ кораблѣ отправлявшемся изъ Сибири, его пріѣздъ въ Лондонъ, его революціонная дѣятельность, за которую онъ сейчасъ же принялся, и которую онъ посвятилъ, но безъ результата, освобожденію Польши,—все это описано у Герцена, я же видѣлъ его въ первый разъ въ 68 году здѣсь, въ Бернѣ, по случаю перваго съѣзда Мира. Всѣ опасности и лишенія, какимъ онъ подвергался, казалось, не сломили силы его духа и воли, и хотя его внѣшній видъ не имѣлъ уже изящества и ловкости блестящаго артиллериста-гвардейца, но онъ придавалъ ему сходство съ реформаторомъ, какъ мы привыкли видѣть ихъ на картинахъ; я нашелъ въ немъ несокрушимую отвагу и нравственную силу, и его ближайшая среда, которая шла къ нему, какъ дворъ составленный по его образцу, придавала нѣкоторымъ образомъ еще больше внушительности всей его фигурѣ. Изящество его одежды и внѣшнихъ пріемовъ, которымъ онъ прежде щеголялъ, уступило, правда, мѣсто невѣроятной небрежности; но, въ общемъ, она не менѣе шла пожилому человѣку, чѣмъ изящество молодому, и еще болѣе возвышала то бесспорное достоинство, которымъ было проникнуто все его существо.

Отсюда Бакунинъ уѣхалъ, по закрытіи съѣзда Мира, въ Тессинъ, куда раньше отправилась его жена, полька, на которой онъ женился въ Сибири. Одинъ итальянскій землевладѣлецъ, Карло Кафіеро, пламенный послѣдователь и приверженецъ социалистической пропаганды, посвятившій свое большое состояніе коммунистическому предпріятію, соединился съ нимъ въ Лугано, гдѣ онъ основалъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, общество на началахъ общаго труда.

Впрочемъ, здоровье Бакунина было подорвано, и его непреклонная воля могла поддержать только до 1876 года его все болѣе слабѣвшее тѣло; и, ясно предвидя свой близкій конецъ, онъ прибылъ въ іюнѣ этого года, къ намъ, своимъ старымъ и самымъ дорогимъ друзьямъ, и, какъ только пріѣхалъ, сказалъ Адольфу Фогту и мнѣ: „я пріѣхалъ къ вамъ умирать“. Медицинское искусство нашего друга не могло остановить хода болѣзни; и хотя въ продолженіи почти сорока дней, безпокойный духъ Бакунина былъ все время живымъ и дѣятельнымъ, такъ что послѣдніе его разговоры сохраняли юношескій характеръ прошлыхъ годовъ, но мы скоро должны были оставить всякую надежду на его выздоровленіе, и 1 іюля онъ умеръ послѣ короткой, но сильной агоніи. Въ немъ мы схоронили глубоко страстную натуру. Это чувство, которое безпрестанно проявлялось возмущеніемъ, очень хорошо мирилось съ самыми нѣжными ощу-

щеніями, поэтому онъ чувствовалъ пристрастіе къ музыкѣ, которое онъ сохранялъ всю жизнь, и которое можетъ быть не мало было поддержано и воспитано нашей долгой совмѣстной жизнью. Онъ, говорившій не только хорошо, но и охотно, могъ слушать молча, по цѣлымъ часамъ, музыку, творенія Бетховена самыя трогательныя и страстныя производили на него самое живое впечатлѣніе, но онъ не былъ безчувственъ и къ болѣе нѣжнымъ душевнымъ движеніямъ, если только они выражали чисто человѣческія чувства. Еще въ тотъ вечеръ, когда онъ въ послѣдній разъ прибылъ въ Лугано, онъ пришелъ ко мнѣ развлечься музыкой и только въ ту минуту, когда усиленная боль опять схватила его внезапно, онъ вскричалъ: „Довольно, не могу больше!“ И я долженъ былъ проводить его въ ближайшую больницу, изъ которой ему не пришлось выйти.

Я сожалѣю, что у меня нѣтъ въ рукахъ подробнаго отчета о его послѣднихъ дняхъ, написаннаго мною для Карло Кафіеро, такъ какъ теперь я не въ состояніи вспомнить всего изъ нашихъ разговоровъ, что могло бы возбудить нѣкоторый интересъ въ другихъ. Какъ всѣ натуры, расположенныя къ предпріятіямъ и абсолютнымъ дѣйствіямъ, онъ не могъ переносить никакого сужденія или соображенія очевидно парализовавшаго его непосредственную силу дѣйствія; я помню, какъ въ прежнее время я спрашивалъ его въ видѣ возраженія, что онъ намѣренъ дѣлать если бы исполнились всѣ его реформаторскіе планы, онъ мнѣ отвѣтилъ: „Тогда я все опрокину. А ты играй, милый другъ и не разсуждай! Ты знаешь не хуже меня, что передъ вѣчностью все тщетно и ничтожно“. И послѣ этого онъ могъ совершенно погрузиться въ музыку, которая не позволяла никакого вопроса и не требовала отвѣта. Онъ имѣлъ такую вѣрную память, что, послѣ нашей долгой разлуки, онъ могъ напомнить мнѣ мелодіи, о которыхъ я давно забылъ. Онъ утверждалъ, что часто, въ тюремномъ уединеніи, эти мелодіи утѣшали его и оживляли. И какъ музыкальныя впечатлѣнія оставались вѣрно въ его памяти, такъ же неизмѣнно удерживалъ онъ отношенія съ людьми, связанными съ нимъ дружбой, а они и въ разлукѣ съ нимъ сохраняли къ нему любовь и привязанность.

На Бернскомъ кладбищѣ, близъ Брунгартенвальда, возвышается камень, поставленный надъ нимъ семействомъ Фогтовъ, гдѣ погребено его безпокойное тѣло, и моя дорогая жена охраняетъ его, насколько ея неспокойная жизнь позволяетъ ей выбирать время, чтобы вспоминать о тѣхъ, кого уже нѣтъ.

Хотя въ прежнія времена могли выказываться только отношенія личной дружбы, существовавшія между нами, но это не исключало того, чтобы меня сильно поражали общія истины, которыми блисталъ его умъ, и, если я желаю, чтобы сообщенія объ особенностяхъ его жизни были записаны съ талантомъ, то при этомъ я надѣюсь, что такая работа не будетъ подчинена партійному духу, который всегда принимаетъ во вниманіе только одну сторону дѣла, а что она будетъ представлять очеркъ, въ которомъ образъ его жизни не останется слишкомъ въ тѣни, въ которомъ будетъ поставлено на видъ, какъ

дѣйствительное значеніе его воли и дѣятельности, стремленіе къ общему благу и праву, за которое страдалъ всегда восторженный Бакунинъ.

II.

(Въ журналѣ Іордана *Slavische Jahrbücher*, 1848, № 49, стр. 237—260, напечатано нижеслѣдующее подѣ заглавіемъ „Statuten der neuen slavischen Politik“ и съ такимъ вступленіемъ: „Нижеслѣдующая статья вышла изъ подѣ пера извѣстнаго русскаго публициста и эмигранта Бакунина и помѣщена въ газ. *Wcela*, № 75 отъ 15 Сент. въ переводѣ изъ *Dziennik Domowy*“).

ОСНОВЫ НОВОЙ СЛАВЯНСКОЙ ПОЛИТИКИ.

Послѣ того какъ славяне пережили времена рабства, тяжелой борьбы и жалобъ, которыя были послѣдствіемъ ихъ раздѣленія, соединяются они теперь въ первый разъ на общемъ съѣздѣ и подають взаимно руки въ знакъ братскаго единенія, заявляютъ они передъ Богомъ и народами, что слѣдующія основныя положенія составляютъ основы ихъ новой политической жизни:

1) Какъ послѣдніе пришельцы въ развитіи европейскаго образованія, опытные и способные, чувствуютъ они себя призванными къ осуществленію того, что другіе народы Европы приготовили черезъ свое развитіе, то есть къ осуществленію того, что теперь считается за конечную цѣль гуманности, особенно величія, свободы и счастія всѣхъ, принимающихъ участіе въ святомъ и братскомъ единеніи, какъ отдѣльных личностей, такъ и народовъ.

2) Очень долгое время они сами были жертвою чуждаго притѣсненія, видѣли очень хорошо печальныя того послѣдствія: упадокъ родныхъ (національных) нравовъ и дисгармонію въ обществѣ, которая выходитъ изъ притѣсненія не только для притѣсненныхъ, но также и особенно для притѣснителей; кромѣ того они слишкомъ возненавидѣли чужое иго, чтобъ когда нибудь пожелать наложить свое иго на чужіе народы. Уваженіе и любовь къ свободѣ другихъ есть въ ихъ глазахъ первое условіе собственной свободы.

3) Кромѣ того, они слишкомъ долго были жертвою хитрости и насилія, чтобъ начать черпать новую жизнь и новую силу въ чемъ либо другомъ, кромѣ, какъ въ чистой и святой истинѣ, въ чистой свободѣ, въ чистой справедливости безъ всякаго ограниченія, безъ всякой задней коварной мысли; по этому они устраняють столько же во внутренней, сколько и во внѣшней политикѣ, дипломатію и ея соображенія, все что искусственно и что могло бы имѣть цѣлью какую бы то ни было центральную власть на счетъ свободы, будь то индивидуума, будь то народовъ. Новая политика славянскихъ народовъ будетъ не государственная политика, а политика народовъ, политика независимыхъ свободныхъ людей.

4) Они основываютъ свое новое могущество на неразрывномъ и братскомъ союзѣ всѣхъ народовъ, составляющихъ славянское племя, и не будутъ искать никакой другой централизаціи, кромѣ той, какая вытекаетъ изъ соединенія всѣхъ славянъ. Все ихъ несчастье было въ раздѣленіи; соединенные они были бы непобѣдимы, и однакожъ они были раздѣлены и такъ страстно держались того, что они забывали святую связь рода и крови, которая бы непременно ихъ соединила для исполненія общаго призванія. Одни изъ нихъ дали себя соблазнить для братоубійственной войны. Другіе наконецъ забывались до того, что пользовались чужими племенами и антиславянской политикой для уничтоженія своихъ братьевъ. Но въ наказаніе за то Богъ попустилъ, чтобъ одно славянское племя за другимъ подпало игу нѣмцевъ, не исключая и тѣхъ, которыя сохранили призракъ національной и независимой жизни, или стали мучителями своихъ братьевъ столько же, сколько и несчастными исполнителями нѣмецкихъ замысловъ.

Однакожъ уже исчезли времена страданій,—часъ освобожденія пробилъ для славянъ. По прибытіи въ Прагу отъ противоположныхъ границъ они нашли себя братьями,—признали себя и почувствовали братьями одинъ другому не только въ сердцѣ, но поняли другъ друга на ихъ языкахъ, которыя только разные діалекты одного, оттѣнки одного прекраснаго и благозвучнаго языка, который распространился отъ береговъ Адриатическихъ до границъ Бѣлаго моря и Сибири *). Они увидѣли себя соединенными общностию ихъ дѣлъ и еще сильнѣе они увидѣли себя соединенными великимъ призваніемъ, которое имъ приготовляетъ будущее. Они поблагодарили Бога, за то что онъ положилъ конецъ ихъ долгимъ страданіямъ, что онъ ихъ сохранилъ въ полной чистотѣ братскаго чувства; они простили себѣ взаимно прошедшее и видятъ передъ собою только настоящее и будущее, въ сознаніи долга болѣе не нарушать своихъ судьбъ.

ОСНОВЫ СЛАВЯНСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.

1) Признается независимость всѣхъ народовъ, составляющихъ славянское племя.

2) Всѣ эти народы впрочемъ состоятъ между собою въ союзномъ единеніи. Это единеніе должно быть настолько тѣсно, что счастье или несчастье одного должно быть въ то же время счастьемъ или несчастьемъ другого, и никто не можетъ чувствовать себя свободнымъ и считать себя таковымъ, если другіе не свободны и на оборотъ: притѣсненіе одного есть притѣсненіе другого.

*) Какъ бы тамъ ни было, а историкъ Шпрингеръ, вообще мало симпатизирующий пражскому съѣзду, говоритъ, что свѣденія о томъ, будто собравшіеся тамъ славяне могли понимать другъ только при посредствѣ нѣмецкаго языка,—есть „выдумка злыхъ языковъ“. (A. Springer, Geschichte Oesterreichs seit dem Wiener Frieden 1809, II, 334).

3) Общій союзъ всѣхъ славянскихъ народовъ есть выраженіе и осуществленіе этого соединенія. Онъ представляетъ все славянство и называется Славянскій Совѣтъ (Rada Slowenska).

4) Славянскій Совѣтъ руководить всѣмъ славянскимъ народомъ, какъ первая власть и высшій судъ; всѣ обязаны подчиняться его приказаніямъ и исполнять его рѣшенія.

5) Всякое несправедливое дѣйствіе какого либо славянскаго народа, которое бы стремилось учредить особый союзъ въ средѣ соединеннаго всеславянства, или подчинить себѣ другое славянское племя, посредствомъ ли дипломатіи или насилія, въ намѣреніи основать сильную центральную власть, которая бы могла уничтожить или ограничить власть всего соединеннаго славянства,—всякое стремленіе къ какой бы то ни было гегемоніи надъ соединенными народами, въ пользу ли одного народа, или нѣкоторыхъ соединенныхъ, но къ невыгодѣ другихъ, будетъ считаться за преступленіе или за измѣну всему славянству. Славянскіе народы, которые хотятъ составить часть федераціи, должны отказаться вполнѣ отъ своего государственнаго значенія и передать его непосредственно въ руки Совѣта и не должны искать себѣ особеннаго величія иначе, какъ въ развитіи своего счастья и свободы,

6) Только Совѣтъ имѣетъ право объявлять войну иностраннымъ державамъ. Никакой отдѣльный народъ не можетъ объявлять войну безъ согласія всѣхъ, такъ какъ вслѣдствіе соединенія, всѣ должны участвовать въ войнѣ каждаго, и ни одинъ не можетъ оставить братское племя въ минуту несчастія.

7) Внутренняя война между славянскими племенами должна быть запрещена, какъ позоръ, какъ братоубійство. Если бы возникли несогласія между двумя славянскими народами, то они должны быть устранены Совѣтомъ, и его рѣшеніе должно быть приведено въ исполненіе, какъ священное.

8) Изъ послѣднихъ трехъ пунктовъ ясно вытекаетъ, что, если какой славянскій народъ подвергнется нападенію другого славянскаго народа, находящагося въ возмущеніи, раньше, чѣмъ Совѣтъ имѣлъ бы время постановить что нибудь, или приложить разныя посредническія мѣры, то всѣ сосѣднія племена обязаны помогать его освобожденію. Поэтому будетъ считаться измѣнникомъ всякій славянскій народъ, который нападетъ на другой съ оружіемъ, или который при нападеніи чужого не поспѣшитъ на помощь подвергшемуся нападенію брату. Защищать брата есть первая обязанность.

9) Никакое славянское племя не можетъ заключать союза съ чужими народами; это право исключительно предоставлено Совѣту; никто не можетъ отдать въ распоряженіе чужому народу или чужой политикѣ славянское ополченіе.

ВНУТРЕННЕЕ УСТРОЙСТВО СЛАВЯНСКИХЪ НАРОДОВЪ.

Славянскіе народы независимы; поэтому каждый народъ можетъ себѣ, по своей волѣ, дать такое правленіе, какое соотвѣтствуетъ его обычаямъ, потребностямъ и его обстоятельствамъ. Но первыя основа-

нія его должны лежать въ славянскомъ характерѣ, который долженъ образовать основу новой жизни соединенныхъ славянскихъ народовъ, и безъ святого сохраненія тѣхъ основъ никакой народъ не можетъ приступить къ общему союзу.

1) Принципы, которыя составляютъ эти основы суть: равенство всѣхъ, свобода всѣхъ и братская любовь. Подъ небомъ свободнаго славянства нѣтъ никого не свободнаго ни по праву, ни на дѣлѣ. Подданство (крѣпостная зависимость) подъ какимъ бы видомъ она ни показывалось, навсегда отмѣняется. Всѣ славяне одинаково свободны, одинаково братья. Между ними нѣтъ никакого неравенства, кромѣ того, какое создала природа. Сословія (касты) нѣтъ никакихъ. Гдѣ еще господствуетъ аристократія, привилегированное дворянство, оно должно, если хочетъ быть славянскимъ, на будущее время искать себѣ преимуществъ и привилегій въ богатствѣ своей любви и величія своей жертвы. Аристократія ученыхъ и художниковъ, старшая сестра въ народѣ, должна распуститься въ массѣ народа, чтобы черпать изъ нея новую жизнь и чтобы вести ее взаимно къ просвѣщенію, приобрѣтенному временемъ.

2) На великомъ и благословенномъ пространствѣ, которое заняли славянскія племена, есть довольно мѣста для всѣхъ, поэтому каждый долженъ имѣть часть во владѣніи народа и быть полезнымъ всѣмъ.

3) Каждое лицо, которое принадлежитъ къ какому либо славянскому народу, имѣетъ черезъ то право поселенія во всякомъ другомъ славянскомъ народѣ, и единеніе, которое связываетъ славянскіе народы, должно считаться за братское и должно господствовать также и въ отношеніяхъ между отдѣльными славянскими лицами.

4) Совѣтъ имѣетъ право и обязанность смотрѣть за тѣмъ, чтобы эти принципы свято соблюдались и точно исполнялись во внутреннихъ учрежденіяхъ всѣхъ народовъ, которые составляютъ весь союзъ. Онъ имѣетъ право и обязанность вмѣшательства, если эти принципы будутъ уничтожены какимъ либо постановленіемъ, и всякій славянинъ имѣетъ право обращаться къ Совѣту противъ несправедливаго дѣйствія своего отдѣльнаго правительства.

(Переводъ съ нѣмецкаго текста у Йордана.—Эта статья была еще напечатана по чешски въ журналѣ „Cech“, выходившемъ въ Женевѣ въ 1861 г., и въ отдѣльномъ изъ него оттискѣ подъ заглавіемъ: „Zakladní pravidla politiky a federace slovanské“).

III.

28 Октября 1869. Женева

Послѣ завтра ѣду въ Лугано. Твое письмо получилъ и прочелъ со вниманіемъ.

1. На счетъ Маркса вотъ мой отвѣтъ: Я знаю также хорошо, какъ и ты, что Марксъ точно также виноватъ противъ насъ, какъ и всѣ другіе, и даже, что онъ былъ зачинщикомъ и подстрекателемъ

всѣхъ гадостей, взводимыхъ на насъ. Почему же я его пощадилъ и даже похвалилъ, назвалъ великаномъ? По двумъ причинамъ, Герценъ. Первая причина—справедливость. Оставивъ въ сторонѣ всѣ его гадости противъ насъ, нельзя не признать, я, по крайней мѣрѣ, не могу не признать за нимъ огромныхъ заслугъ по дѣлу социализма, которому онъ служить умно, энергически и вѣрно, вотъ уже скоро 25 лѣтъ, съ моего? и въ которомъ онъ несомнѣнно опередилъ насъ всѣхъ. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ, чуть ли не главнымъ основателемъ Интернац. Общества. А это въ моихъ глазахъ заслуга огромная, которую я всегда признавать буду, что бы онъ противъ насъ ни дѣлалъ.

Вторая же причина—политика, и по моему, совершенно вѣрная тактика. Ты меня считаешь, я знаю, весьма плохимъ политикомъ. Не сочти за самолюбіе, если я тебѣ скажу, что ты ошибаешься. Дѣло въ томъ, что ты меня судилъ и судишь по моимъ дѣйствіямъ въ цивилизованномъ обществѣ, въ буржуазномъ мірѣ, и въ самомъ дѣлѣ я обращаюсь въ этомъ мірѣ безъ всякаго разсчета и безъ малѣйшей церемоніи съ ругательною, безпардонною откровенностью.

Но знаешь, почему я съ нимъ такъ поступаю? Потому что я не ставлю его въ грошъ, не признаю въ немъ болѣе никакой производительной, поступательной силы. Знаю очень хорошо, что матеріальныхъ средствъ и организованной государственной рутинной силы у него еще достаточно, гораздо болѣе чѣмъ бы желательно было. И такъ я согласенъ съ тобою, въ буржуазномъ обществѣ и въ буржуазныхъ вопросахъ я не политикъ и не тактикъ и не хочу быть ни тѣмъ, ни другимъ. Но ты ошибешься очень, если заключишь, что я также нерасчетливо, или вѣрнѣе, съ тѣмъ же разсчетомъ обращаюсь въ мірѣ рабочихъ. Это единственный міръ, въ который я вѣрю на Западѣ, точно также какъ (у насъ) въ міръ мужицкій и грамотный міръ безпардонныхъ юношей, не находящихъ себѣ ни мѣста, ни возможности занятія въ Россіи,—этой сорокатысячной фаланги, сознательно или безсознательно, т. е. по положенію, принадлежащихъ революціи,—которыхъ ты до сихъ поръ еще мнѣ простить не можешь. Въ этомъ черномъ мірѣ, единственной почвѣ, на которой построится будущее, я, любезный Герценъ, признаю и политику и тактику, изучаю внимательно всѣ его сильныя и слабыя стороны, равно умности, какъ и глупости, и стараюсь соображаться съ ними такъ, чтобы и дѣло народное подвигалось,—это разумѣется главная и первая цѣль,—но также и такъ, чтобы и мое положеніе въ немъ укрѣплялось. Мое обращеніе съ Марксомъ, который меня терпѣть не можетъ, да я думаю, и никого кромѣ себя и развѣ близкихъ своихъ, не любить, моя политика и тактика съ нимъ да служить тебѣ на это доказательствомъ.

Марксъ несомнѣнно полезный человѣкъ въ Интернацион. Обществѣ. Онъ въ немъ еще до сихъ поръ одинъ изъ самыхъ твердыхъ, умныхъ и вліятельныхъ опоръ социализма,—одна изъ самыхъ сильныхъ преградъ противъ вторженія въ него какихъ бы то ни было

буржуазныхъ направленій и помысловъ. И я никогда не простилъ бы себѣ, если бы для удовлетворенія личной мести, я бы уничтожилъ или даже уменьшилъ его несомнѣнно благотѣльное вліяніе. А можетъ случиться и вѣроятно случится, что мнѣ скоро придется вступить съ нимъ въ борьбу, не за личную обиду, а по вопросу о принципѣ, по поводу государственнаго коммунизма, котораго онъ и предводительствуемая имъ партія, англійская и нѣмецкая, горячіе поборники. Ну, тогда будемъ драться не на животъ, а на смерть. Но все въ свое время, теперь же время еще не пришло.

Я пощадилъ и превознесъ его также изъ тактики, изъ личной политики. Какъ же ты не видишь, что всѣ эти господа, вмѣстѣ наши враги, составляютъ фалангу, которую нужно прежде разъединить, раздробить, чтобы легче ее разбить. Ты ученѣе меня и потому лучше меня знаешь, кто первый сказалъ: *Divide et impera*. Еслибъ я пошелъ теперь открытою войною противъ Маркса, три четверти Интернац. міра обратились бы противъ меня, и я былъ бы въ накладѣ, потерялъ бы единственную почву, на которой хочу стоять. Начавъ же войну нападеніемъ на его сволочь, я буду имѣть за себя большинство. да и самъ Марксъ, въ которомъ, какъ тебѣ извѣстно, злостной радости, *Schadenfreude*, тьма тьмушая, будетъ очень доволенъ что я задѣлъ и отдѣлалъ его друзей. Ну, а когда я ошибусь въ расчетѣ, и онъ за нихъ вступится, то вѣдь онъ первый начнетъ открытую войну, ну, тогда и я покачусь назадъ *et j'aurai le beau rôle*. Зачѣмъ я напалъ такъ жестоко на Гесса? А потому, что онъ написалъ противъ меня злостно подлую статью, а главное, потому, что онъ сдѣлалъ первую попытку перенести пакостныя клеветы противъ насъ во французскую журналистику.

Ну, теперь поговоримъ о моемъ писаніи брошюръ-книгъ. Батюшка Александръ Ивановичъ, будьте крестнымъ отцемъ этого безобразнаго сочиненія, его умывателемъ и устроителемъ. Издать его сдѣлалось для меня, по всему настоящему положенію, просто необходимою.

Но я не художникъ, и литературная архитектура мнѣ совсѣмъ не далась, такъ что я одинъ, пожалуй, съ задуманнымъ зданіемъ не справлюсь, или выйдетъ такъ, какъ рассказываютъ про кого то, что онъ построилъ сначала домъ, а потомъ сталъ выбивать въ немъ двери и окна.

1-ая маленькая глава, *étude sus les Juifs allemands*, не составляетъ сути,—это только родъ полемическаго предисловія,—главная цѣль—рассказать и объяснить мою дѣятельность за послѣдніе шесть лѣтъ и сопровождавшее ее развитіе политико соціальной мысли. Я знаю, что въ книгѣ будетъ много хорошаго. А ты вотъ въ какомъ смыслѣ будь моимъ благотѣлемъ и крестнымъ отцомъ,—не какъ идеалистъ, а какъ реалистъ. Еслибъ ты сталъ дѣйствовать какъ идеалистъ, то ты началъ бы съ того, что выбросилъ бы въ окно всю мою натуру, такъ не подходящую къ твоимъ привычкамъ и воззрѣніямъ и замѣсто моей книги издалъ бы свою. Но какъ реалистъ, ты скажешь себѣ, что дѣлать съ нимъ, вѣдь старика не передѣлаешь: *chassez le naturel, il reviendra au galop*,—такъ постарайся только сгла-

дить и уменьшить, по возможности, его естественные недостатки. Пусть онъ строить домъ по своему, а такъ какъ у него нѣтъ ни эстетики, ни архитектурнаго умѣнія, то не онъ, а я буду выбивать въ немъ окна и двери. Все же будетъ лучше, чѣмъ если онъ самъ возьмется за эту работу. Работа скучная, я знаю, но возмись за нее, я не говорю по старой дружбѣ, а по старой привычкѣ жить вмѣстѣ, дѣйствуя иногда врознь и иногда не переставая спорить другъ съ другомъ, но вмѣстѣ и уважать другъ друга. Такая привычка, образовавшаяся не въ мѣрѣ пошлостей, а высшихъ человѣческихъ интересовъ, стоитъ дружбы.

Дѣло вотъ въ чемъ. По немногимъ листамъ, присланнымъ мною тебѣ, ты еще не можешь, отнюдь не можешь судить о предполагаемой мною книгѣ. Подожди немного; на дняхъ я пошлю тебѣ больше листовъ, и когда понятіе твое окончательно составитъ, ты скажешь мнѣ, что ты можешь, что ты хочешь сдѣлать, какъ въ литературномъ, такъ и въ матеріально административномъ отношеніи въ пользу появленія этой книги. Работа, если ты за нее возьмешься, будетъ отчасти тяжелая, но съ другой стороны и не лишенная интереса, Читая мое писаніе, ты можешь, быть, возгорнись благороднымъ рвеніемъ, отчасти негодованіемъ, и рѣшишься предпослать ему préface, не ругательное, и не абсолютно отрицающее,—тогда бы нужно было напечатать его особенно,—одобряющее отчасти, а отчасти протестующее. Я бы отвѣчалъ въ Post-preface, а Огаревъ въ jury d'honneur,—произнесъ бы свой приговоръ. Книга выйдетъ, пожалуй, странная, нѣчто въ родѣ Notre Dame de Paris, не Гюгосская, а парижская, но все таки интереснѣе и значительнѣе произведеній напомаженного радикализма и приличнаго социализма. Если bourgeois отъ нея отворотятся, то работники станутъ читать, за это я отвѣчаю. А для меня этого будетъ достаточно, потому что для меня, повторяю еще разъ, нѣтъ другой публики.

Прощай и отвѣчай покамѣстъ черезъ Огарева или въ Lugano, poste restante; потомъ пришлю адресъ. Твой М. Бакунинъ.

Въ близкое движеніе въ Парижѣ и во Франціи не вѣрю и отнюдь его не желаю. А ты пожалуйста напиши по подробнѣе, что тамъ дѣлается. Какъ тебѣ поправился Рей? Онъ славный человѣкъ. Только все еще виситъ между буржуазнымъ небомъ и рабочею землею, потому еще такъ много и занимается либерально сатирическими протестами противъ неба.

А я радъ, что потѣшающій тебя В., хоть на то пригодился, что благодаря ему, Лиза меня оцѣнила. Досадно, что Боткинъ умеръ, некуда будетъ плевать, развѣ въ его блудно-лысую память.

Натальѣ Алексѣевнѣ жму дружески руки.

О нападкахъ Маркса и его приближенныхъ, на Бакунина и Герцена, послѣдній рассказываетъ въ своихъ запискахъ. Нападки эти начались гораздо раньше столкновенія Бакунина и Маркса въ Интернаціоналѣ, еще вслѣдъ за участіемъ Бакунина въ Дрезденскомъ возстаніи. Герценъ говоритъ:

„Марксъ, очень хорошо знавшій Бакунина, который чуть не сло-

жилъ голову за нѣмцевъ подъ топоромъ саксонскаго палача, выдалъ его за русскаго шпіона. Онъ разсказалъ въ своей газетѣ цѣлую исторію, какъ Ж. Сандъ слышала отъ Ледрю-Роллена, что, когда онъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, то видѣлъ какую то компрометирующую Бакунина переписку. Бакунинъ тогда сидѣлъ, ожидая приговора, въ тюрьмѣ—и ничего не подозрѣвалъ. Клевета толкала его на эшафотъ и порывала послѣднее общеніе любви между мученикомъ и сочувствующей ему массой.—Другъ Бакунина А. Рейхель написалъ въ *Nohant* къ Ж. Сандъ, и спросилъ еѣ въ чемъ дѣло? Она тотчасъ отвѣтила Рейхелю и прислала письмо въ редакцію Марксова журнала, отзываясь съ величайшей дружбой о Бакунинѣ; она прибавляла, что вообще никогда не говорила съ Ледрю Ролленомъ о Бакунинѣ, въ силу чего не могла сказать и сказаннаго въ газетѣ. Марксъ нашелся ловко и помѣстилъ письмо Ж. Сандъ съ примѣчаніемъ, что статья о Бакунинѣ была помѣщена во время его отсутствія.... Черезъ годъ послѣ моего отъѣзда въ Лондонъ, Марксова шайка еще разъ возвратилась на гнусную клевету противъ Бакунина, тогда погребеннаго въ Александровскомъ равелинѣ“.

На этотъ разъ органомъ клеветы былъ англійскій журналъ „Morning Advertiser“, на который имѣлъ вліяніе Уркуардъ, сдѣлавшій себѣ спеціальностью защиту Турціи и обличеніе русскихъ интригъ противъ нея и доходившій до того, что объявлялъ и Маццини человѣкомъ, явно работающимъ въ пользу Россіи. „Однимъ добрымъ утромъ, говоритъ Герценъ, Morning Advertiser вдругъ поднялъ вопросъ: „Были ли Бакунинъ русскій агентъ или нѣтъ?“ Само собою разумѣется, М. А. отвѣчалъ на это положительно. Въ 1859 г., во время итальянской войны, по словамъ Герцена, „красный Марксъ избралъ самый черножелтый журналъ въ Германіи. Аугсбургскую газету, и въ ней напечаталъ (анонимно) что „Герценъ, по самымъ вѣрнымъ источникамъ, получаетъ большія деньги отъ Наполеона. Его близкія сношенія съ Palais Royal'емъ были и прежде не тайной“. (Сборникъ посмертн. сочиненій, 59—71).

Разногласія между Бакунинымъ и Марксомъ начались, какъ мы видѣли, еще въ 40-е годы. Участіе Бакунина въ славянскомъ конгрессѣ 1848 г., не желавшемъ присоединенія австрійскихъ славянъ къ предполагаемой тогда Германской имперіи, сдѣлало его крайне непопулярнымъ среди нѣмцевъ, полныхъ традиціи 1848 г. (*Acht-und-vierziger*). Но съ Герценомъ Марксъ даже никогда не встрѣчался. Поводомъ къ ненависти къ Герцену нѣмецкой эмиграціи 50-хъ годовъ были его писанія о будущемъ значеніи славянскаго племени для торжества социализма и несогласіи съ мнѣніями, въ родѣ тѣхъ, какія высказывалъ напр. Арн. Руге,—что „Россія—одинъ грубый матеріалъ, дикій и неустроенный, котораго сила, слава и красота только отъ того и происходятъ, что германскій геній придалъ ей свой образъ и подобіе“, (тамъ же, 59).

IV.

21 Октября 1874. Лугано.

Получилъ твое письмо. О дружбѣ, Р—ъ, мы говорить не станемъ. Послѣ всего, что ты противъ меня сдѣлалъ,—а мнѣ теперь все, даже до малѣйшей подробности стало извѣстно,—называть другъ друга друзьями было бы съ твоей, точно также какъ и съ моей стороны, возмутительно ложно. Ты сдѣлалъ все, что только могъ, чтобы убить меня, физически, нравственно и общественно, притворяясь до конца моимъ другомъ, и если тебѣ (это) не удалось, то вина не твоя.

Дальновидный и умный Каф. былъ только твоихъ рукъ дѣломъ, ты его внушителемъ. Хочу вѣрить, что ты обманывалъ себя самого, принимая внушеніе нетерпѣливаго и, право, сильнаго честолюбія за ревность къ дѣлу. Несомнѣнно,—ты самъ по крайней мѣрѣ передъ собою сознайся,—что ты дѣйствовалъ противъ меня, какъ самый злой врагъ. И не смотря на это, я продолжаю вѣрить въ твою преданность къ русскому дѣлу и въ твою способность служить дѣлу: и потому на этомъ полѣ я всегда готовъ подать тебѣ руку.

Ты готовишься теперь совершить рѣшительный шагъ, отъ на-
правления и исхода котораго будетъ зависѣть вся будущность твоей жизни и, главное, твоей революціонной дѣятельности. Позволь мнѣ старику сказать тебѣ нѣсколько истинныхъ словъ. вѣроятно, послѣднихъ.

Въ сношенія съ людьми новыми, съ которыми ты найдешь возможнымъ и полезнымъ связаться, постарайся внести столько правды, искренности и сердца, сколько твоя скупая природа позволить. Пойми же ты наконецъ, что на іезуитскомъ мошенничествѣ ничего живого, крѣпкаго не построишь, что революціонная дѣятельность, ради самаго успѣха своего дѣла, должна искать опоры не въ подлыхъ и низкихъ страстяхъ, и что безъ высшаго, разумѣется, человѣческаго идеала никакая революція не восторжествуетъ. Въ этомъ направленіи и смыслѣ желаю тебѣ самаго искренняго успѣха.

М. Бакунинъ.

(Съ копій, переданной самимъ Бакунинымъ А. В. В. Мы видѣли еще одну копію. Видно, что Бакунинъ распространялъ это письмо въ извѣстномъ кругу).

Можно сказать, что этими словами Бакунинъ взялъ назадъ почти все, изъ того, что онъ практиковалъ и проповѣдывалъ о способахъ революціонной дѣятельности,—не только макиавелизмъ,—котораго, какъ видно и изъ выше напечатанныхъ писемъ, не чуждъ былъ и онъ,—но и его вѣру въ то, что и преступники противъ частнаго права (разбойники) тоже по своему революціонеры и могутъ служить дѣлу социальной революціи, которая пойдетъ успѣшно при „разнузданіи дурныхъ страстей“, „пробужденіи дьявола“ и т. п. Изъ предъидущаго письма о Нечаевѣ, въ которомъ говорится о „невѣжествѣ“ послѣдняго, можно заключать, что Бакунинъ усумнился въ пользѣ совѣта, который онъ вмѣстѣ съ Нечаевымъ давалъ молодежи: бросить школы. Изъ разсказа Б. Малона видно что Бакунинъ, въ послѣднее время его жизни, приз-

наль и значеніе переходныхъ политическихъ формъ государства, которыя онъ отрицалъ ради идеи социалистической анархіи. Малонъ говоритъ (l. cit. 746) о Бакунинѣ во время пребыванія его въ Лугано: „вся его старая политическая ревность обратилась въ заботу по поводу борьбы, которую тогда выдерживали французскіе республиканцы противъ людей 24 и 16 Мая (Макъ-Магона и пр.). Я видѣлъ, какъ этотъ старый анархистъ пришелъ въ восторгъ, при вѣсти о большой республиканской побѣдѣ 20 Февраля 1876 г.“

— „Міровая свобода спасена!—вскричалъ онъ— и спасена еще разъ великой Франціей!“

Такимъ образомъ политическія идеи Бакунина въ послѣднія дни его значительно приблизились къ тѣмъ, которыя излагалъ ему Герценъ, объясняя ему, почему онъ не можетъ присоединиться къ его Alliance. (Посмертныя сочиненія.—Письма къ старому другу *). Во всякомъ случаѣ Бакунинъ въ это время, горькимъ опытомъ, и между прочимъ уроками, данными ему его друзьями, какъ Нечаевъ, Р—ъ и т. п.,—приведенъ былъ къ тому, чтобъ отказаться почти отъ всѣхъ антикультурныхъ теорій и безкультурныхъ привычекъ мысли и дѣятельности, которыя передъ тѣмъ онъ же самъ поддерживалъ своимъ авторитетомъ и талантомъ въ „русскихъ революціонерахъ“ и которыя были такъ губительны для ихъ собственнаго дѣла.

*) Не мѣшаетъ напомнить, что самъ Герценъ, въ сочиненіяхъ, писанныхъ, подъ впечатлѣніемъ неудачи революціи 1848—1849 гг.,—какъ „Письма изъ Франціи и Италіи“ и „Съ того берега“, высказалъ не мало мыслей, которыя подходятъ къ бакунинскимъ, съ ихъ размахомъ то къ всеразрушенію „старого общества“, то къ революціонной диктатурѣ. („Молодая Россія“ упрекала въ 1862 г. Герцена за отступленіе отъ этихъ мыслей). Правда, что болѣе реальный умъ и художественный талантъ Герцена не дали ему и тогда дойти до схематическаго доктринерства Бакунина. М. Др.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ ИЗДАНИЙ
Книжный магазинъ „ТРУДЪ“.

С.-Петербургъ, Невскій, 60. Москва, Тверская, 38.

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ:

изданія К. ГРОНКОВСКАГО:

П. Л. ЛАВРОВЪ. Три бесѣды о современномъ значеніи философіи.

Цѣна 35 коп.

П. Л. Лавровъ. Механическая
теорія міра.

Цѣна 35 коп.

Что такое логика?

(по Миллю).

Цѣна 60 коп.

Л. МЕЧНИКОВА.

Эра просвѣщенія Японіи.

Цѣна 25 коп.

П. Б. Фурье и Фурьеризмъ.

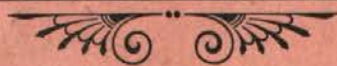
Цѣна 60 коп.

М. Ферворнъ. Современное міро-
воззрѣніе и естествознаніе.

Цѣна 30 коп.

Мильтонъ. Рѣчь о свободѣ печати.

Цѣна 35 коп.

DATE DUE

913186

GAYLORD

PRINTED IN U.S.A.

1-25
18038/174

UX 000 328 017

